МОСКВА
ООО «Фирма СТД»
2006

Sigmund Freud

Sexualleben

Зигмунд Фрейд

Сексуальная жизнь

Перевод на русский язык

А. М. Боковикова

Данное издание воспроизводит текст Фрейда в исправленном виде на основе вышедшего в 1980 году девятого издания шестого тома «Учебного издания».
Первое издание:

Данная книга является пятым томом десятитомного собрания сочинений З. Фрейда, известного как «Учебное издание». В хронологической последовательности в ней излагается теория сексуальности, которая лежит в основе всех представлений Фрейда о детской сексуальности, развитии личности человека, причинах его внутренних конфликтов, порождающих неврозы, и о развитии человечества в целом.

ISBN-5-89808-040-6

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

Подробное описание структуры и целей настоящего издания, а также принципа подбора работ читатель найдет в «Пояснениях к изданию», помещенных в начале первого тома. Здесь мы лишь еще раз вкратце подытожим эти моменты; одновременно мы хотели бы дать некоторые комментарии и снабдить читателя своего рода «путеводителем» по данному тому.

Цель этого разделенного на отдельные темы издания состояла прежде всего в том, чтобы основные сочинения Зигмунда Фрейда сделать доступными для студентов, изучающих науки, смежные с психоанализом, — социологию, политические науки, социальную психологию, педагогику и т. д., — а также для всех интересующихся неспециалистов. Это издание снабжено подробными примечаниями в большем количестве и в более систематизированной форме, чем это делалось в отдельных изданиях карманного формата. Вначале у нас не было намерения включать в данное издание сочинения, посвященные теории и технике терапии. Однако по многочисленным просьбам эта часть творческого наследия Фрейда также теперь была сделана доступной и содержится в дополнительном томе (без номера) «Учебного издания».

«Учебное издание» публикуется уже после смерти Джеймса Стрейчи, главного редактора редакционной коллегии, который продолжал работать над его подготовкой, прежде всего над планом содержания и принципами комментариев, до самой своей смерти в апреле 1967 года.

В настоящем издании в основном использованы тексты из последнего немецкого издания, которые были опубликованы еще при жизни Фрейда. То есть в большинстве случаев они вначале были опубликованы в вышедшем в Лондоне «Собрании сочинений» (которое в свою очередь большей частью представляет собой фотокопии опубликованного еще в Вене «Собрания трудов»). В других случаях источник указывается в «Замечаниях издателей», предваряющих соответствующий труд. Несколько ссылок Фрейда на страницы прежних, сегодня почти недоступных изданий его работ опущены издателями, а вместо них добавлены описательные примечания, помогающие читателю найти соответствующее места в доступных сегодня изданиях; это касается прежде всего «Толкования сновидений». Чтобы избежать ненужных повторов, в конце каждого тома

«Учебного издания» приведены также подробные библиографические сведения Фрейда о собственных сочинениях, а также о работах других авторов, которые содержались в текстах предыдущих изданий. За исключением этой незначительной правки и единообразного употребления сокращения «с.» для указания страниц (в том числе тех случаев, где Фрейд, особенно в ранних работах, писал «р.») и некоторых изменений орфографии, пунктуации и шрифтового оформления для приведения их в более современный вид, каждое изменение, сделанное в исходном тексте, поясняется в примечании.

Включенный в «Учебное издание» редакторский материал заимствован из *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, то есть английского издания, сделанного под руководством Джеймса Стрейчи; он воспроизводится здесь в переводе с разрешения обладателей права публикации, Института психоанализа и издательства «Хогарт-Пресс» (Лондон). Там, где того требовала цель настоящего издания, этот материал был сокращен и адаптирован; вместе с тем были сделаны некоторые исправления и добавлены примечания. За исключением «Предварительных замечаний издателей» и некоторых приложений, все дополнения, сделанные издателями, приведены в квадратных скобках.

Издатели выражают огромную благодарность Ильзе Грубрих-Зимитис из издательства С. Фишера. Без ее инициативы это «Учебное издание» не увидело бы свет: на всех стадиях подготовки она оказывала неоценимую и компетентную помощь. Огромной благодарности заслуживает также Кете Хюгель за перевод на немецкий язык редакторского материала, а также Ингеборг Мейер-Палмедо за помощь при вычитке корректуры и составлении указателей.

Использованные в этом томе специальные сокращения разъясняются в списке сокращений на с. 305. В тексте или в сносках иногда упоминаются сочинения Фрейда, которые в «Учебное издание» не включены. Из библиографии в конце каждого тома (в которой содержатся сведения обо всех упомянутых технических работах Фрейда и других авторов) читатель может получить информацию о том, вошла данная работа в «Учебное издание» или нет. Кроме того, на с. 308–311 приводится содержание всех томов «Учебного издания».

Издатели

Сексуальность в этиологии неврозов
(1898)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1898 *Wien. klin. Rdsch.*, т. 12 (2), 21–22, (4), 55–57, (5), 70–72, (7), 103–105. (9, 23, 30 января и 13 февраля.)

1906 *S.K.S.N.*, т. 1, 181–204. (1911, 2-е изд.; 1920, 3-е изд.; 1922, 4-е изд.)

1925 G. *S.*, т. 1, 439–464.

1952 *G. W.*, т. 1,491–516.

Эта работа, которую Фрейд еще писал, когда первые ее части уже находились в печати, была завершена 9 февраля 1898 года, о чем мы знаем из письма Флиссу (Freud 1950*a*, письмо № 83), где Фрейд пренебрежительно характеризует ее как «статью для дачного домика». Однако он добавляет, что статья «довольно дерзкая и, в сущности, предназначена для того, чтобы вызвать негодование, что ей и должно удаться. Брейер скажет, что я очень себе навредил». С тех пор как появилась последняя психопатологическая работа Фрейда. «Об этиологии истерии» (1896*c*), прошло два года, за которые произошли многие события, которые занимали его как в интеллетуальном отношении, так и в духовном. В 1897 году он закончил и опубликовал на трехстах страницах труд о детском церебральном параличе, над которым крайне неохотно работал в течение нескольких лет и который представляет собой его последнюю неврологическую работу. Теперь, когда с этим долгом было покончено, он мог больше посвятить себя психологии и вскоре занялся делом, которое, как затем выяснилось, открыло новую эпоху, — своим самоанализом. Он начал его летом 1897 года, и уже осенью были получены некоторые основополагающие результаты: отказ от теории травматической этиологии неврозов, открытие эдипова комплекса и возрастающее понимание детской сексуальности как нормального, повсеместно распространенного явления. Обо всех этих выводах он сообщал в своих письмах Флиссу. (См. «Предварительные замечания издателей» к «Трем очеркам по теории сексуальности», ниже, с. 40–41.)

Следы этих важных событий (и вместе с тем все большего понимания Фрейдом психологии сновидений) едва ли можно найти

в данной работе, и это, без сомнения, причина того, почему Фрейд оценил ее так пренебрежительно. И тем не менее первая часть содержит прекрасное резюме представлений Фрейда об этиологии неврозов, которые до этого были изложены им в публикациях. Да и в целом статья дает нечто новое, поскольку в ней затрагиваются социологические проблемы. В высказанной в ней критике отношения медиков к вопросам сексуальности, особенно к мастурбации, использованию противозачаточных средств и проблемам супружеской жизни, звучат идеи, развиваемые Фрейдом в ряде более поздних работ, в которых он разоблачает социальные условности цивилизации, начиная со статьи «"Культурная" половая мораль» (1908*d*) и заканчивая трудом, созданным в старости, «Недомогание культуры» (1930*a*)

В последние годы благодаря детальным исследованиям я пришел к выводу, что моменты, относящиеся к сексуальной жизни, представляют собой ближайшие и важнейшие в практическом отношении причины любого случая невротического заболевания. Это учение не совсем новое; определенное значение сексуальным моментам в этиологии неврозов придавалось с давних пор и всеми авторами; для некоторых подводных течений в медицине исцеление «сексуальных недугов» и «нервной слабости» всегда объединялось в одном-единственном заверении. Поэтому нетрудно оспорить оригинальность этого учения, если уж отказаться от того, чтобы отрицать его значимость.

В нескольких небольших статьях, появившихся в последние годы в журналах «Neurologischer Zentralblatt» [1894*a*, 1895*b* и 1896*b*], «Revue neurologique» [1895*c* и 1896*a*] и «Wiener Klinischer Rundschau» [1895*f* и 1896*c*], я попытался представить материал и точки зрения, которые дают учению о «сексуальной этиологии неврозов» научное обоснование. Подробное изложение до сих пор отсутствует — главным образом потому, что усилия прояснить фактически признанную взаимосвязь наталкиваются на все новые проблемы, для решения которых нет предварительных научных изысканий. Однако мне отнюдь не кажется преждевременной попытка направить интерес практикующего врача на отношения, о которых здесь идет речь, чтобы он убедился в верности этих утверждений и преимуществах, которые он может получить в своей врачебной работе благодаря их познанию.

Я знаю, что не заставят себя ждать попытки с помощью этически окрашенных аргументов удержать врача от прослеживания этой темы. Кто хочет на примере своих больных убедиться, действительно ли их неврозы связаны с сексуальной жизнью, не сможет избежать расспросов об их сексуальной жизни в стремлении дать им близкое к истине объяснение. В этом, однако, якобы заключена опасность как для отдельного человека, так и для общества. Врач — слышу я чужие слова — не имеет права вторгаться в сексуальные

тайны своих пациентов, бесцеремонно задевать таким испытанием их стыдливость, особенно лиц женского пола. Своей неловкой рукой он может только разрушить семейное счастье, оскорбить невинность молодых людей и подорвать авторитет родителей; среди взрослых людей он лишь приобретет ненужных сообщников и разрушит отношения со своими больными. Следовательно, его этический долг — держаться подальше от всех сексуальных вопросов.

Пожалуй, можно ответить: это — проявление недостойной для врача жеманности, которая плохими аргументами не может прикрыть свою наготу. Если моменты, относящиеся к сексуальной жизни, действительно можно признать причинами болезни, то их выяснение и обсуждение, несомненно, входит в круг обязанностей врача. Думается, нарушение стыдливости, в котором он может оказаться повинен, не более тяжкое, чем в том случае, когда ради излечения местного поражения он настаивает на осмотре женских гениталий, к чему его самого обязывает выучка. От пожилых женщин, проведших свои молодые годы в провинции, все еще часто приходится слышать, что когда-то вследствие чрезмерных генитальных кровотечений они доходили до полного истощения, потому что не могли позволить врачу взглянуть на их наготу. Воспитательное влияние, оказываемое врачами на публику, уже через одно поколение привело к тому, что у наших молодых женщин такое сопротивление встречается лишь в крайне редких случаях. Там, где все же оно встречается, его осуждают как неразумное жеманство, как проявление чувства стыда на пустом месте. Разве мы живем в Турции, и стал бы супруг спрашивать, где больная жена может показать врачу только руку через отверстие в стене?

Неверно, что расспросы и сообщничество в сексуальных вещах наделяют врача опасной властью в отношении своих пациентов. Такой упрек с бóльшими основаниями в свое время можно было адресовать применению наркоза, в результате которого больной лишается своего сознательного и волевого определения, и врачу предоставляется право решать, надо ли и, если да, то когда, приводить его снова в чувство. И все же сегодня нам не обойтись без наркоза, поскольку он, как ничто другое, служит врачебным стремлениям помогать, а врач взял на себя ответственность за наркоз среди прочих своих серьезных обязанностей.

Врач во всех случаях может причинить вред, если он неумел или недобросовестен, причем не больше и не меньше, чем при исследовании сексуальной жизни своих пациентов. Правда, тот, кто в

достойной уважения попытке самопознания не обнаруживает у себя чувства такта, серьезности и сдержанности, которые ему требуются при обследовании невротиков, кто знает про себя, что выявление фактов из сексуальной жизни вместо научного интереса будет вызывать у него сладострастный зуд, тот поступает правильно, оставаясь в стороне от темы этиологии неврозов. Разве что мы также потребуем, чтобы он держался в стороне и от лечения нервнобольных.

Также неверно, что больные чинят исследованию их сексуальной жизни непреодолимые препятствия. Обычно после недолгих колебаний взрослые поправляют себя словами: «Все-таки я нахожусь у врача, которому можно все рассказать». Многие женщины, которые за свою жизнь достаточно поднаторели в умении скрывать свои сексуальные чувства, вздыхают с облегчением, когда , находясь у врача, замечают, что речь здесь не идет ни о чем другом, кроме их излечения, и благодарны ему за то, что хоть раз могут повести себя в сексуальных вещах чисто по-человечески. Смутное знание о преобладающем значении сексуальных моментов в возникновения нервозности, которое я снова пытаюсь приобрести для науки, по-видимому, вообще никогда не исчезало из сознания неспециалистов. Как часто приходится сталкиваться с подобными сценами: к врачу приходят супруги, один из которых страдает неврозом. После многочисленных вступительных слов и извинений, что перед врачом, который хочет помочь в таких случаях, не должно быть обычных барьеров, и т. п., они сообщают, что, по всей видимости, причина болезни состоит в неестественном и вредном способе полового сношения, который они выбрали после последних родов жены. Как правило, врачи не интересуются этими обстоятельствами, но нехорошо, если и больные ничего не желают об этом слышать. Затем один из супругов раздражается на другого и говорит: «Видишь, я же тебе только что говорила, что мне будет больно». А другой отвечает: «Я тоже об этом думал, но что делать?»

При некоторых других обстоятельствах, например у молодых девушек, которых систематически приучают скрывать свою сексуальную жизнь, приходится довольствоваться совсем скромной мерой откровенной любезности. Однако здесь важно то, чтобы сведущий врач не говорил что-либо своим больным без подготовки и не требовал разъяснений, а лишь просил подтвердить свои предположения. Кто хочет следовать моим указаниям, как объяснять себе морфологию неврозов и переводить ее в этиологию, тому не потребуется от больных много признаний. Только в том случае, когда па-

циенты со слишком большой готовностью описывают симптомы своей болезни, они, как правило, обнаруживают знание о скрывающихся за ними сексуальных факторах. Было бы огромным преимуществом, если бы больные лучше знали, с какой уверенностью врач мог бы теперь дать интерпретацию их невротических недугов и на их основании сделать вывод о действительной сексуальной этиологии. Наверняка это было бы для них стимулом, чтобы на какой-то момент отказаться от скрытности, поскольку они решились обратиться за помощью, чтобы избавиться от своего недуга. Однако все мы заинтересованы в том, чтобы и в сексуальных вопросах большая степень открытости у людей стала долгом, к чему до сих пор только стремятся. Сексуальная нравственность от этого могла бы только выиграть. В настоящее время в вопросах сексуальности все мы без исключения — и больные, и здоровые — лицемеры. Нам только пойдет на пользу, если вследствие всеобщей открытости будет достигнута определенная мера терпимости в сексуальных вещах.

Обычно врача мало интересуют отдельные вопросы, касающиеся неврозов, которые обсуждаются невропатологами, например: правомерно ли строго разделять истерию и неврастению, можно ли наряду с этим выделять истеро-неврастению, можно ли причислить к неврастении навязчивые представления или их следует признать особым видом невроза и т. д. Действительно, такие разграничения могут быть безразличны врачу, покуда это никак дальше не связывается с соответствующим решением, не дает более глубокого понимания и указания для терапии и покуда больной во всех случаях направляется в водолечебницу или слышит от врача, что у него все в порядке. Иначе, однако, обстоит дело, если принять нашу точку зрения о причинных связях между сексуальностью и неврозами. В таком случае пробуждается новый интерес к симптоматологии отдельных невротических случаев, а правильное разложение сложной картины на ее компоненты и умение дать им правильное название приобретает практическое значение. То есть речь идет об умении без особого труда переводить морфологию неврозов в этиологию, а из ее знания естественным образом выводятся новые терапевтические указания.

Важное решение, которое всякий раз может быть найдено в результате тщательной оценки симптомов, сводится к тому, носит ли данный случай характер неврастении или психоневроза (истерии, навязчивых представлений). (Очень часто бывают смешанные случаи, в которых признаки неврастении объединены с признаками пси-

хоневроза; мы, однако, хотим оставить их оценку напоследок.) Только при неврастениях в результате расспросов больных удается выявить этиологические моменты из сексуальной жизни; они, конечно же, известны больному и относятся к настоящему времени, точнее — к периоду жизни после наступления половой зрелости (хотя и это разграничение не позволяет охватить все случаи). При психоневрозах такие расспросы дают немного; они, например, позволяют нам получить знание о моментах, которые следует признать поводами к возникновению заболевания и которые связаны — или не связаны — с сексуальной жизнью; в первом случае они проявляются в том же виде, что и этиологические моменты неврастении, из-за чего вообще можно пропустить их специфическую связь с возникновением психоневроза. И все же в каждом случае этиология психоневрозов опять-таки лежит в сексуальной сфере. Странным окольным путем, о котором речь пойдет позднее, можно прийти к знанию этой этиологии и, разумеется, обнаружить, что больной ничего и не мог нам о ней сказать. Дело в том, что события и воздействия, которые лежат в основе любого психоневроза, относятся не к настоящему времени, а к давно прошедшей, так сказать, доисторической эпохе жизни, раннему детству, и поэтому они не известны также и больному. Он забыл их — но только в некотором определенном смысле.

Таким образом, все случаи невроза имеют сексуальную этиологию; однако при неврастениях она носит актуальный характер, при психоневрозах — инфантильный; в этом состоит первая существенная противоположность в этиологии неврозов. Вторая выявляется, если рассмотреть различия в симптоматике самой неврастении. Здесь, с одной стороны, имеются случаи, в которых на передний план выступают определенные характерные для неврастении жалобы: ощущение сжатия головы, утомляемость, диспепсия, задержка стула, раздражение спинного мозга и т. д. В других случаях эти симптомы отступают на задний план, и картина болезни складывается из других симптомов, которые в совокупности позволяют выявить связь с ядерным симптомом, «тревогой» (тревожностью, беспокойством, тревожным ожиданием, полными, рудиментарными и дополнительными приступами тревоги, головокружением, агорафобией, бессонницей, усилением болей и т. д.). Я сохранил название «неврастения» за первым типом, тогда как второй тип обозначил

---

[1] [Первая работа Фрейда, посвященная неврозу тревоги (1895*b*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 25 и далее.]

как «невроз тревоги», и это разделение обосновывается в другом месте[1], где также учитывается факт одновременного, как правило, присутствия обоих неврозов[2]. Для наших целей достаточно подчеркнуть, что симптоматическому различию обеих форм соответствует различие в этиологии. Неврастению всякий раз можно объяснить состоянием нервной системы, которое либо приобретается вследствие чрезмерной мастурбации, либо возникает спонтанно из-за частых поллюций; при неврозе тревоги регулярно обнаруживаются сексуальные влияния, общим моментом которых является сдерживание или неполное удовлетворение, как-то: *coitus interruptus*[2], воздержание при активном либидо, так называемое фрустрированное возбуждение и т. п. В небольшой статье, в которой я попытался ввести понятие «невроз тревоги», я высказал положение, что тревога — это проявление либидо, не используемого по своему назначению[3].

Там, где симптомы неврастении и невроза тревоги объединены, то есть там, где имеет место смешанный случай, следует придерживаться эмпирически выведенного и всякий раз подтверждающегося положения, согласно которому смешение неврозов соответствует взаимодействию нескольких этиологических факторов. Насколько часто эти этиологические факторы органически объединены друг с другом взаимосвязью сексуальных процессов, например, *coitus interruptus* или недостаточная потенция у мужчины с мастурбацией, — это, пожалуй, стоит обсудить более подробно.

Если врач точно диагностировал данный случай неврастенического невроза и правильно сгруппировал его симптомы, то он может перевести симптоматику в этиологию и затем смело потребовать от больного подтверждения своих предположений. Первоначальное возражение не должно вводить в заблуждение; следует твердо настаивать на том, что было выявлено, и в конце концов одолеть всякое сопротивление, подчеркивая незыблемость своего убеждения. При этом врач узнаёт всевозможные вещи из сексуальной жизни людей, которыми можно было наполнить полезную и поучительную книгу, и остается только в самом разном отношении сожалеть, что наука о сексуальности в наше время считается чем-то постыдным. Поскольку менее значительные отклонения от нормальной *vita sexualis*[4] встречаются слишком часто, чтобы можно было

[1] [Там же, с. 47 и далее.]
[2] [Прерванный акт (лат.). — *Примечание переводчика.*]
[3] [Там же, с. 43.]
[4] [Сексуальная жизнь (лат.). — *Примечание переводчика.*]

придавать значение их выявлению, у своих невротических больных врач будет считать объяснением только тяжелые и сохраняющиеся долгое время аномалии сексуальной жизни; тем же, что своим давлением на больного, который нормален психически, он может побудить его к ошибочным самообвинениям в сексуальных прегрешениях, без сомнения, можно пренебречь как мнимой опасностью.

Если врач поступает таким образом со своими больными, то он убеждается также, что для учения о сексуальной этиологии неврастении отрицательных случаев не существует. По крайней мере у меня это убеждение стало настолько прочным, что в диагностических целях я использовал также и отрицательные результаты расспросов, а именно чтобы сказать себе, что такие случаи не могут быть неврастенией. Так, я не раз приходил к тому, чтобы предположить прогрессивный паралич вместо неврастении, поскольку мне не удавалось выявить чрезмерное, согласно моей теории, занятие мастурбацией, и дальнейшее течение этих случаев впоследствии подтверждало мою правоту. В другой раз, когда больной при отсутствии отчетливых органических изменений жаловался на ощущения сдавливания головы, головные боли, диспепсию и искренними заверениями опроверг мои подозрения на сексуальную этиологию, мне пришла в голову мысль предположить наличие скрытого нагноения в одной из придаточных полостей носа, и один мой квалифицированный коллега подтвердил этот вывод, сделанный на основе отрицательных результатов расспроса, избавив больного от его жалоб тем, что опорожнил зловонный гной из гайморовой пазухи.

Видимость того, что «отрицательные случаи» все же имеются, может возникнуть и другим способом. Иногда результаты расспросов указывают на нормальную сексуальную жизнь у людей, невроз которых при поверхностном наблюдении выглядит довольно похожим на неврастению или невроз тревоги. Однако более глубокое исследование регулярно выявляет затем истинное положение вещей. За такими случаями, которые принимали за неврастению, скрывается психоневроз, истерия или невроз навязчивых состояний. Особенно истерия, которая подражает столь многим органическим поражениям, может с легкостью подделываться под один из актуальных неврозов[1], возвышая их симптомы до истерических. Такие

[1] [Это обозначение здесь появляется впервые, хотя сам по себе термин не нов. См. также ссылку во второй работе, посвященной сексуальности в этиологии неврозов (1906a), с. 156 ниже.]

истерии в форме неврастении отнюдь не редки. Но это будет немаловажной информацией, если неврастении с отрицательными в сексуальном отношении сведениями будут отнесены к психоневрозам; доказательство этого можно привести тем способом, который безошибочно разоблачает только истерию, — путем психоанализа, который будет упомянут позднее.

Возможно, кто-то, кто охотно готов считаться с сексуальной этиологией у своих неврастенических больных, все же будет теперь это порицать как односторонность, если от него не потребуют уделять свое внимание также другим моментам, которые повсеместно упоминаются авторами в качестве причин неврастении. Мне не приходит на ум подменять сексуальной этиологией при неврозах любую другую, объявляя ее недействительной. Это было бы недоразумением. Я скорее считаю, что ко всем известным и, вероятно, справедливо признаваемым этиологическим моментам, выделяемым авторами в возникновении неврастении, добавляются сексуальные, которым до сих пор не придают должного значения. Однако они заслуживают, по моему мнению, того, чтобы занимать в этиологическом ряду[1] особое положение. Ибо только они одни будут присутствовать во всех случаях неврастении, только они одни могут порождать невроз без дальнейшего содействия, а потому эти другие моменты, по-видимому, сводятся к роли вспомогательных и дополнительных этиологических факторов; только они одни позволяют врачу надежно распознать связи между их разнообразием и множеством картин болезни. Если, напротив, я сопоставляю случаи, в которых люди стали неврастеническими якобы из-за переутомления, душевного переживания, перенесенного тифа и т. п., то они не демонстрируют мне в симптомах ничего общего, из характера этиологии у меня не возникает никаких ожиданий относительно симптомов, равно как и наоборот, из картины болезни я не могу сделать вывод о воздействующих этиологических факторах.

Сексуальные причины — это также и то, что скорее всего предоставляет врачу основание для его терапевтического воздействия. Наследственность, безусловно, является важным фактором, если она имеет место; она приводит к тому, что возникает большой патогенный эффект там, где в противном случае он был бы лишь весьма

[1] [Ср. указание на «этиологический ряд» в «Трех очерках по теории сексуальности», с. 142 ниже и прим. 2, а также намек во второй работе, посвященной роли сексуальности в этиологии неврозов (1906а), ниже, с. 157.]

незначительным. Однако наследственность недоступна влиянию врача; каждый человек приносит с собой наследственные предрасположения к болезни; мы в них ничего уже изменить не можем. Но мы также не вправе забывать, что именно в этиологии неврастении с необходимостью должны отказать наследственности в первостепенном значении. Неврастения (в обеих формах) принадлежит к поражениям, которые вполне может приобрести любой наследственно неотягощенный человек. Будь это иначе, то был бы немыслим огромный прирост случаев неврастении, на который сетуют все авторы. Что касается цивилизации, в перечень грехов которой обычно вписывают причины неврастении, то, возможно, и в этом авторы тоже правы (хотя, наверное, совершенно в ином смысле, чем они полагают); однако состояние нашей цивилизации точно так же является для отдельного человека чем-то неизменным; впрочем, этот момент при всем его общем значении для членов одного и того же общества никогда не объясняет факт выбора при заболевании. Ведь врач, который не является неврастеником, подвергается тем же влияниям якобы пагубной цивилизации, что и неврастенический больной, которого он должен лечить[1]. Значение факторов, вызывающих истощение, имеет то же ограничение, о котором говорилось выше. Однако моментом «переутомления», который врачи столь охотно называют своим пациентам в качестве причины их невроза, чересчур часто злоупотребляют. Совершенно верно, что каждый, кто из-за сексуальных вредностей предрасположен к неврастении, плохо переносит интеллектуальную работу и психическое напряжение жизни, но никогда не бывает так, чтобы кто-нибудь исключительно из-за работы или из-за волнения стал невротиком. Умственная работа скорее является предохранительным средством против неврастенического заболевания; как раз самые выносливые люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, остаются нетронутыми неврастенией, а то, что неврастеники, сетуя, называют «болезнетворным переутомлением», ни по качеству, ни по объему, как правило, не может быть названо «умственной работой». Пожалуй, врачи должны привыкать давать разъяснения служащему, который «перенапрягся» в бюро, или домашней хозяйке, для которой домашние дела стали чересчур тяжелы, что они заболели не потому,

[1] [Ср. гораздо более подробное обсуждение этих вопросов в работах «"Культурная" сексуальная мораль и современная нервозность» (1908*d*) и «Недомогание культуры» (1930*a*).]

что пытались исполнять в сущности несложные для цивилизованного мозга обязанности, а потому, что грубо пренебрегали в это время сексуальной жизнью и привели ее в упадок[1].

Только сексуальная этиология позволяет нам в дальнейшем понять все нюансы историй болезни у неврастеников, загадочные улучшения посреди течения болезни и столь же непонятные ухудшения, которые затем обычно связываются врачами и больными с проводимой терапией. В моей коллекции, насчитывающей более двухсот случаев, отмечена, например, история одного мужчины, который после того, как ему ничем не помогло лечение на дому, обратился к пастору Кнейппу[2] и в течение года отмечал необычайное улучшение своего состояния, достигнутое благодаря такой терапии. Но когда через год жалобы снова усилились и он опять обратился за помощью в Вёрисхофен, это повторное лечение осталось безуспешным. Рассмотрение семейной хроники пациента разрешает эту двойную загадку: через шесть с половиной месяцев после первого возвращения из Вёрисхофена жена больного родила ему ребенка; то есть он покинул ее в начале еще неустановленной беременности и по возвращении мог совершать с ней половой акт естественным образом. Когда по истечении этого полезного для него времени вновь разразился невроз из-за возобновленного *coitus interruptus*, повторное лечение оказалось безуспешным, поскольку вышеупомянутая беременность осталась последней.

Похожий случай, в котором точно так же нужно было объяснить неожиданное воздействие терапии, оказался еще более поучительным, поскольку он содержал загадочное чередование симптомов невроза. Одного молодого нервнобольного врач направил в известную водолечебницу в связи с типичной неврастенией. Там его состояние сначала все более улучшалось, так что у пациента имелись все шансы вернуться домой благодарным приверженцем гидротерапии. И тут на шестой неделе произошла перемена; больной «не мог больше переносить воду», становился все более нервным и в конце концов через две недели покинул лечебницу больным

---

[1] [Некоторые замечания о «переутомлении» содержатся в «Трех очерках по теории сексуальности», с. 109 ниже.]

[2] [Себастьян Кнейпп (1821–1897) прославился своими методами водолечения и естественного лечения, которое он проводил в Бад Вёрисхофене в Баварии. К формам его терапии относится, например, хождение босиком по мокрой траве. Данный случай Фрейд также вкратце упоминает в своей первой работе, посвященной неврозу тревоги (1895*b*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 39–40.]

и недовольным. Когда он затем пожаловался у меня на этот обман терапии, я задал несколько вопросов о симптомах, которые обрушились на него посреди терапии. Как ни странно, в них произошла перемена. Он приехал в лечебницу с ощущением сдавливания головы, усталостью и диспепсией; в ходе лечения у него возникли волнение, приступы подавленности, головокружение при ходьбе и нарушение сна. Теперь я мог сказать больному: «Вы напрасно занимаетесь гидротерапией. Вы, как, наверное, и сами хорошо знаете, заболели из-за того, что долгое время постоянно занимались мастурбацией. В лечебнице вы отказались от этого способа удовлетворения и поэтому быстро пошли на поправку. Но почувствовав себя хорошо, вы на свою беду стали искать отношений с некой дамой, которая, предположим, лечилась в том же санатории, и эти отношения могли вести лишь к возбуждению без нормального удовлетворения. Чудесные прогулки поблизости от лечебницы давали вам хороший повод для этого. Вы снова заболели от этих отношений, а не от внезапно наступившей непереносимости гидротерапии. Впрочем, из вашего нынешнего состояния я заключаю, что эти же отношения вы продолжаете также и в городе». Могу заверить, что больной пункт за пунктом подтвердил мои слова.

Современная терапия неврастении, в том виде как она наиболее благоприятным образом используется в водолечебницах, ставит целью улучшение нервного состояния за счет двух моментов: щадящего режима для пациента и укрепления его сил. Я ничего не могу возразить против этого вида терапии кроме того, что она не учитывает сексуальных условий в каждом конкретном случае. По моему опыту, крайне желательно, чтобы врачи, заведующие такими лечебницами, в достаточной мере отдавали себе отчет в том, что они имеют дело не с жертвами цивилизации или наследственности, а — *sit venia verbo*[1] — с искалеченной сексуальностью. В таком случае, с одной стороны, им было бы проще объяснять свои успехи и неудачи, а с другой стороны — достигать новых успехов, которые до сих пор предоставлены случаю или определяются поведением больного, на которое они никак не влияют. Если тревожно-неврастеническую женщину направляют из дома в водолечебницу, где она, избавленная от всех своих обязанностей, может купаться, делать гимнастику и нормально питаться, то, разумеется, врач будет склонен относить явное улучшение, которое часто достигается за не-

[1] [С позволения сказать (лат.). — *Примечание переводчика.*]

сколько недель или месяцев, на счет отдыха, которым наслаждалась больная, и укрепления ее сил, которое ей дала гидротерапия. Это может быть так; однако при этом упускают из виду, что с отъездом из дома у пациентки прекратились также супружеские отношения и что уже само это временное исключение патогенной причины дает ей возможность отдохнуть при целесообразной терапии. Пренебрежение этой этиологической точкой зрения сказывается впоследствии, когда внешне столь удовлетворительный результат лечения оказывается совсем мимолетным. Спустя короткое время после того, как пациент возвращается к прежним условиям своей жизни, симптомы болезни возникают снова и вынуждают его либо время от времени непродуктивно проводить часть своей жизни в таких заведениях, либо побуждают его направить свои надежды на лечение где-то в другом месте. Поэтому очевидно, что терапевтические задачи при неврастении необходимо решать не в водолечебницах, а в рамках условий жизни больных.

В других случаях наша этиологическая теория может дать врачу, работающему в лечебнице, разъяснение относительно источника неудач, которые еще случаются в самом заведении, и дать рекомендации, как их нужно избегать. Мастурбация у взрослых девушек и зрелых мужчин встречается гораздо чаще, чем обычно предполагают, и она действует как вредный фактор, не только порождая неврастенические симптомы, но и удерживая больных под гнетом тайны, которая ими воспринимается как позорная. Врач, не приученный переводить неврастению в мастурбацию, объясняет себе болезненное состояние тем, что ссылается на ключевые слова типа «анемия», «истощение», «переутомление» и т. д., и ожидает от применения разработанной против этого терапии излечения своего больного. Однако к его удивлению, периоды улучшения сменяются у больного другими периодами, когда при тяжелом расстройстве настроения обостряются все симптомы. Результат такого лечения в целом сомнителен. Если бы врач знал, что больной все время борется со своими сексуальными привычками, что он впадает в отчаяние, потому что однажды не смог перед ними устоять, если бы он сумел избавить больного от его тайны, обесценить ее тяжесть в его глазах и поддержать больного в его борьбе за отвыкание, то тем самым успех терапевтических усилий был бы, наверное, обеспечен.

Отучение от мастурбации — это лишь одна из новых терапевтических задач, которые встают перед врачом при учете сексуальной этиологии, и эта задача представляется разрешимой, как и любое

другое отучение, только в больнице и под постоянным присмотром врача. Предоставленный самому себе, человек, занимающийся мастурбацией, при всяком воздействии, выбивающем его из колеи, обычно возвращается к удобному для себя способу удовлетворения. Врачебное вмешательство не может ставить себе здесь никакой другой цели, кроме как вернуть вновь набравшегося сил неврастеника к нормальным половым сношениям, ибо однажды пробудившуюся и долгое время удовлетворявшуюся сексуальную потребность уже нельзя заставить утихнуть, и ее нужно лишь переместить на другой путь. Впрочем, совершенно аналогичное замечание относится и ко всем другим видам абстинентного лечения, которые оказываются успешными только внешне, покуда врач довольствуется тем, что лишает больного наркотического средства, не интересуясь источником, из которого проистекает императивная потребность в нем. «Привыкание» — это всего лишь оборот речи, не имеющий объяснительной ценности; не каждый, кто в течение какого-то времени имеет возможность принимать морфий, кокаин, хлоралгидрат и т. п., приобретает тем самым «зависимость» от этих вещей. Как правило, более точное исследование выявляет, что эти наркотики предназначены быть заменами — непосредственно или окольным путем — недостаточного сексуального наслаждения, и там, где уже нельзя восстановить нормальную сексуальную жизнь, можно с уверенностью ожидать, что человек, у которого произошло отвыкание, вернется к старому[1].

Другая задача встает перед врачом в связи с этиологией невроза тревоги, и она состоит в том, чтобы побудить больного отказаться от всех вредных способов совершения полового акта и перейти к нормальным сексуальным отношениям. Разумеется, эта обязанность выпадает прежде всего доверенному лицу больного — домашнему врачу, который серьезно вредит своим клиентам, если считает себя слишком благородным, чтобы вмешиваться в эту сферу.

Поскольку речь в основном идет о супругах, усилия врача вскоре сталкиваются с мальтузианскими тенденциями к ограничению числа зачатий в браке. Мне кажется несомненным, что эти намерения

[1] [Это является самым подробным опубликованным к тому времени обсуждением Фрейдом мастурбации. Дальнейшие его рассуждения содержатся в работах «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*) и «О женской сексуальности» (1931*b*); см. ниже с. 92 и далее, 177 и 281 и далее.]

получают все большее распространение у нашего среднего класса; я встречал супругов, которые начинали предохраняться сразу после рождения первого ребенка, а также другие пары, которые осуществляли это намерение с первой брачной ночи. Проблема мальтузианства сложна и обширна; я не ставлю своей задачей исчерпывающим образом здесь ее рассмотреть, как это, собственно говоря, требовалось бы для терапии неврозов. Я собираюсь лишь обсудить, какую позицию лучше всего занимать врачу, признающему сексуальную этиологию неврозов, по отношению к этой проблеме.

Самое абсурдное, очевидно, — когда под любыми предлогами он хочет это игнорировать. То, что необходимо, не может быть ниже моего врачебного достоинства, а необходимо — помочь супругам, помышляющим об ограничении потомства, врачебным советом, если не хочешь, чтобы у одного из них или у обоих возник невроз. Нельзя оспаривать, что однажды мальтузианские меры становятся необходимостью в браке, и теоретически это было бы одним из величайших триумфов человечества, одним из самых ощутимых избавлений от принуждения природы, которому подчинен наш пол, если бы ответственный акт зачатия ребенка удалось возвысить до произвольного и преднамеренного действия и вырвать его из взаимосвязи с необходимым удовлетворением естественной потребности.

Таким образом, благоразумный врач будет решать, при каких условиях применение противозачаточных средств обоснованно, и среди этих вспомогательных мер будет отделять вредные от безвредных. Вредно все, что препятствует достижению удовлетворения; как известно, в настоящее время у нас нет средств, предохраняющих от зачатия, которые отвечали бы всем правомерным требованиям, то есть были бы надежными, удобными, не мешали бы ощущать удовольствие при коитусе и были бы деликатны для женщины. Здесь врачам поставлена практическая задача, к решению которой они могут приложить свои силы. Кто восполнит этот пробел в нашей врачебной технике, тот сохранит бесчисленному множеству людей радость жизни, защитит их здоровье и проложит тем самым путь к кардинальным изменениям условий нашей общественной жизни[1].

Инициативы, вытекающие из познания сексуальной этиологии неврозов, этим не исчерпываются. Основное, чем мы можем

---

[1] [К проблеме использования противозачаточных средств Фрейд возвращается в работе «"Культурная" половая мораль и современная нервозность» (1908*d*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 24.]

помочь неврастенику, приходится на профилактику. Если мастурбация является причиной неврастении в юности, а в дальнейшем из-за вызванного ею снижения потенции становится также этиологическим фактором невроза тревоги; то предотвращение мастурбации у обоих полов оказывается задачей, заслуживающей большего внимания, чем то, которое ей уделяется до сих пор. Если вспомнить обо всех более тонких и более грубых нарушениях, которые исходят от якобы все более распространяющейся неврастении, то становится очевидным интерес буквально всего народа, *чтобы мужчины совершали половой акт, обладая полной потенцией.* Однако в вопросах профилактики отдельный человек довольно беспомощен. Совокупность людей должна приобрести интерес к предмету и дать свое согласие на создание общепринятых учреждений. Пока же мы еще далеки от такого состояния, которое сулило бы помощь, и поэтому можно по праву возложить ответственность за распространение неврастении также и нашу цивилизацию. [Ср. с. 23.] Необходимо многое изменить. Нужно сломать сопротивление поколения врачей, которые уже не помнят своей молодости; надо преодолеть высокомерие отцов, которые не хотят перед своими детьми снизойти на уровень человечности, нужно побороть неразумную стыдливость матерей, которым всякий раз кажется необъяснимым, но незаслуженным стечением обстоятельств, что «именно их дети стали нервными». Но прежде всего в общественном мнении нужно создать пространство для обсуждения проблем сексуальной жизни; надо уметь говорить о них так, чтобы не прослыть нарушителем общественного порядка или тем, кто спекулирует на низменных инстинктах. И, таким образом, также и здесь осталось бы достаточно работы для следующего столетия, в котором наша цивилизация должна научиться жить в ладу с требованиями нашей сексуальности!

Ценность правильного диагностического отделения психоневрозов от неврастении проявляется также в том, что первые требуют иной практической оценки и особых терапевтических мер. Психоневрозы возникают при двоякого рода условиях — либо самостоятельно, либо вследствие актуальных неврозов (неврастении и невроза тревоги). В последнем случае мы имеем дело с новым, впрочем, весьма часто встречающимся типом смешанных неврозов. Этиология актуального невроза стала вспомогательной этиологией психоневроза; получается картина болезни, в которой, например, преобладает невроз тревоги, но которая в остальном содержит черты истинной неврастении, истерии и невроза навязчивых состояний.

Будет неправильно, имея перед собой такое смешение, отказываться от выделения особых невротических картин болезни, поскольку нетрудно, к примеру, объяснить себе случай следующим образом: как доказывает преобладание невроза тревоги, заболевание возникло здесь под этиологическим влиянием актуального сексуального вредного фактора. Но, кроме того, данный индивид был предрасположен к одному или нескольким психоневрозам из-за особой этиологии и однажды спонтанно или при добавлении другого ослабляющего момента заболел психоневрозом. Теперь недостающая вспомогательная этиология психоневроза оказалась дополнена актуальной этиологией невроза тревоги.

Для таких случаев по праву вошла в обиход терапевтическая практика отказываться от психоневротических компонентов в картине болезни и заниматься лечением исключительно актуального невроза. В очень многих случаях, в том числе и тяжелых, удается справиться с неврозом, когда целесообразным образом противодействуют неврастении. Однако другой оценки требуют те случаи психоневроза, которые остаются самостоятельными после того, как возникли спонтанно либо по истечении заболевания, представлявшего собой смесь из неврастении и психоневроза. Когда я говорил о «спонтанном» возникновении психоневроза, то не имел в виду, например, что при выяснении анамнеза отсутствовал тот или иной этиологический момент. Он вполне может присутствовать, но также можно указать на индифферентный момент, душевное волнение, ослабление вследствие соматического заболевания и т. п. И тем не менее во всех этих случаях необходимо придерживаться того, что собственная этиология психоневрозов не имеет отношения к таким поводам, а, как правило, остается недоступной анамнестическому дознанию.

Как известно, именно этот пробел пытались восполнить гипотезой об особом невропатическом предрасположении, существование которого, однако, не оставляло особых надежд на терапию таких болезненных состояний. Само невропатическое предрасположение понимается как признак общей дегенерации, и тем самым это удобное искусственнообразованное слово в изобилии применяется к бедным больным, помочь которым врачи не в силах. К счастью, дело обстоит иначе. Невропатическое предрасположение, наверное, существует, но я должен оспорить, что его достаточно для возникновения психоневроза. Кроме того, я должен возразить на то, что сочетание невропатического предрасположения и побуждающих

причин в последующей жизни представляет собой достаточный этиологический фактор психоневрозов. Ученые слишком далеко зашли в сведении судеб болезни отдельного человека к переживаниям его предков и забыли о том, что между зачатием и зрелостью индивида лежит важный и длительный период жизни, детство, в котором могут быть приобретены зародыши последующего заболевания. Именно так обстоит дело при психоневрозе. Его истинную этиологию нужно искать в переживаниях детства, и опять-таки — причем исключительно — во впечатлениях, касающихся сексуальной жизни. Поступают неправильно, когда полностью пренебрегают сексуальной жизнью детей; они, насколько мне удалось узнать, способны ко всем психическим и ко многим соматическим сексуальным проявлениям. Подобно тому, как внешние гениталии и обе половые железы не представляют весь половой аппарат человека, точно так же и половая жизнь не начинается лишь с пубертата, как это может показаться при грубом наблюдении. Однако правильно, что организация и развитие вида «человек» стремится избегать более активного сексуального поведения в детском возрасте; представляется, что сексуальные движущие силы у человека должны накопиться, чтобы затем при их высвобождении в пубертатный период служить важным культурным целям. (В. Флисс.) Из подобной взаимосвязи можно, к примеру, понять, почему сексуальные переживания детского возраста должны воздействовать патогенно. Однако в то время, когда они возникают, их действие оказывается совсем незначительным; гораздо важнее их *последующее воздействие*, которое может проявиться лишь в более поздних периодах созревания. Это последующее воздействие происходит от психических следов, которые оставили после себя инфантильные сексуальные переживания. В интервале между переживанием этих впечатлений и их воспроизведением (точнее, усилением исходящих от них либидинозных импульсов) не только соматический сексуальный аппарат, но и психический аппарат подвергся существенному преобразованию, и поэтому в ответ на воздействие тех ранних сексуальных переживаний теперь следует ненормальная психическая реакция, возникают психопатологические образования.

В этих указаниях я мог привести только основные моменты, на которые опирается теория психоневрозов: последействие, инфантильное состояние полового аппарата и душевного инструмента. Чтобы достичь действительного понимания механизма возникновения психоневрозов, потребовались бы более пространные рассуж-

дения; прежде всего было бы необходимо представить как вероятные определенные гипотезы о составе и способе функционирования психического аппарата, которые мне кажутся новыми. В книге «Толкование сновидений», которая в настоящее время мною готовится, я найду возможность затронуть эти основы психологии неврозов. Собственно говоря, сновидение относится к тому же ряду психопатологических образований, что и истерическая идея фикс, навязчивое представление и бредовая идея[1].

Поскольку явления психоневрозов в результате последействия возникают из бессознательных психических следов, они становятся доступными психотерапии, которая, однако, должна проложить здесь иные пути по сравнению с суггестией, практиковавшейся до сих пор с помощью или без помощи гипноза. Опираясь на предложенный Й. Брейером «катартический» метод, в последние годы мною почти разработан терапевтический метод, который я хочу назвать *«психоаналитическим»* и которому я обязан многочисленными успехами; в то же время я вправе надеяться, что его эффективность еще значительно возрастет. В опубликованных в 1895 году (вместе с Й. Брейером) «Этюдах об истерии» представлены первые сведения о технике и действенности метода. С тех пор кое-что, как я могу утверждать, в нем поменялось к лучшему. Если тогда мы скромно указывали, что занимались только устранением истерических симптомов, но не лечением истерии как таковой[2], то с тех пор это разграничение оказалось для меня бессодержательным, то есть появилась перспектива действительного лечения истерии и навязчивых представлений. Поэтому мне было необычайно интересно читать в публикациях коллег: «В этом случае остроумный метод, придуманный Брейером и Фрейдом, отказал», или: «Метод не дал того, что, казалось бы, обещал». В таком случае я испытывал ощущения человека, который находит в газете уведомление о своей смерти, но при этом может чувствовать себя спокойным, зная о ситуации лучше других. Метод настолько сложен, что ему обязательно нужно учиться; и я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь из моих критиков хотел бы обучиться ему у меня, я также не думаю, что они, подобно мне, достаточно интенсивно им занимались, что-

---

[1] [«Толкование сновидений» (1900*a*) Фрейда, вышедшее в свет через неполных два года после данной работы, содержит в седьмой главе первое полное изложение его представлений о структуре и функционировании психики.]

[2] [Ср. заключительные тезисы раннего доклада Фрейда «О психическом механизме истерических феноменов» (1893*h*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 24.]

бы суметь изобрести его самостоятельно. Замечаний в «Этюдах об истерии» совершенно недостаточно, чтобы позволить читателю овладеть этой техникой, к такому полному инструктажу мы отнюдь и не стремились.

В настоящее время психоаналитическая терапия не имеет всеобщего применения; по отношению к ней мне известны следующие ограничения: она требует определенной степени зрелости и понимания у больного, поэтому не пригодна для детей или для слабоумных и необразованных взрослых. Она терпит неудачу в случае слишком пожилых людей, потому что им, согласно накопленному материалу, требуется слишком много времени, и еще до завершения лечения они вступают в период жизни, в котором нервному здоровью уже не придается значения. Наконец, она возможна только тогда, когда больной находится в нормальном психическом состоянии, позволяющем справляться с патологическим материалом. Во время истерической спутанности, при активной мании или меланхолии средствами психоанализа ничего достичь невозможно. Такие случаи можно подвергнуть методу после того, как с помощью обычных мер удалось устранить бурные проявления. На практике хронические случаи психоневрозов в целом оказываются более устойчивыми к данному методу, чем случаи острых кризисов, при которых основной упор, разумеется, делается на быстроту освобождения от симптомов. Поэтому также истерические фобии и различные формы невроза навязчивости оказываются самой благоприятной областью работы для этой новой формы терапии.

То, что данный метод оказался загнанным в эти рамки, доброй частью объясняется условиями, при которых мне пришлось его разрабатывать. Мой материал — это хронические нервнобольные из более образованных кругов. Я считаю вполне возможным разработать дополнительный метод для детей и для публики, которая обращается за помощью в богадельню для престарелых. Я должен также сказать, что свой терапевтический метод до сих пор проверял исключительно на тяжелых случаях истерии и невроза навязчивых состояний; как бы он выглядел при тех легких случаях заболевания, которые при индифферентном лечении за несколько месяцев заканчиваются по крайней мере внешним выздоровлением, я сказать не могу. Понятно, что новый вид терапии, требующий многочисленных жертв, мог рассчитывать только на таких больных, которые уже безуспешно опробовали общепризнанные методы лечения, или состояния которых давали больным право на вывод, что от этих яко-

бы более удобных и более коротких лечебных методов им ждать ничего не приходится. Таким образом, я был вынужден, имея несовершенный инструмент, сразу же взяться за решение самых тяжелых задач; тем более доказательной оказалась проверка.

Значительные трудности, которые ныне все еще противостоят психоаналитическому методу лечения, заключается не в нем самом, а в недостатке понимания сущности психоневрозов у врачей и неспециалистов. То, что врачи считают правомерным утешать больного самыми неподобающими заверениями или побуждать к терапевтическим мероприятиям, — всего лишь неизбежный коррелят этого полного невежества. «Приезжайте на шесть недель в мою лечебницу, и ваши симптомы (страх поездок, навязчивые представления и т. д.) исчезнут». На самом деле лечебницы нужны для ослабления острых состояний, возникающих при психоневрозе, благодаря отвлечению, заботе и щадящему режиму; для устранения хронических состояний они ничего не делают, причем фешенебельные, якобы научно руководимые санатории — точно так же, как и обычные водолечебницы.

Было бы достойнее и полезнее для больного, который в конечном счете вынужден примириться со своими жалобами, если бы врач сказал правду, с которой он сталкивается каждый день: психоневрозы — отнюдь не простые заболевания. Если начинается истерия, никто не может заранее знать, когда она кончится. Чаще всего напрасно тешат себя предсказанием, что однажды она вдруг пройдет. Довольно часто лечение оказывается простым соглашением о взаимной терпимости между здоровым и больным в пациенте или происходит путем преобразования симптома в фобию. С трудом сошедшая на нет истерия девушки вновь оживает после короткого перерыва, вызванного счастьем супружеской жизни, в истерии жены, только теперь уже другой человек, а не тот, что был раньше, а именно муж, по соображениям собственной выгоды умалчивает о случае заболевания. Там, где вследствие болезни человек становится явно неспособным к существованию, почти всегда имеет место ущерб свободному проявлению душевных сил. Навязчивые представления возвращаются всю жизнь; до сих пор фобии и другие ограничения воли были неподвластны любой терапии. Все это утаивается от неспециалиста, и поэтому отец истеричной дочери пугается, когда должен, например, согласиться с годичным лечением своего ребенка, хотя болезнь продолжалась всего несколько месяцев. Дилетант, так сказать, глубоко внутренне убежден в излишестве всех этих пси-

хоневрозов, поэтому он не проявляет терпения к течению болезни и готовности к длительной терапии. Если, сталкиваясь с тифом, который продолжается три недели, переломом ноги, для лечения которого требуется шесть месяцев, он ведет себя разумнее, если продолжение ортопедических мероприятий в течение нескольких лет кажется ему благоразумным, как только обнаруживаются первые следы искривления позвоночника у его ребенка, то это различие проистекает от лучшего понимания врачей, которые честно делятся своим знанием с дилетантом. Откровенность врачей и покладистость неспециалистов проявятся также и в отношении психоневрозов, как только понимание сущности этих расстройств станет общественным достоянием в медицине. Их радикальное психотерапевтическое лечение всегда будет требовать особого обучения и будет несовместимым с осуществлением другой врачебной деятельности. Зато этому — наверное, многочисленному в будущем — классу врачей маячит возможность достижения славных побед и удовлетворительного понимания душевной жизни людей.

Три очерка по теории сексуальности
(1905)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1905 Лейпциг и Вена, Дойтике. II + 83 страницы.

1910 2-е расширенное изд., в том же издательстве. III + 87 страниц.

1915 3-е расширенное изд., в том же издательстве. VI + 101 страниц.

1920 4-е расширенное изд., в том же издательстве. VIII + 104 страницы.

1922 5-е изд. без изменений., в том же издательстве. VIII + 104 страницы.

1924 *G. S.*, т. 5, 1–119. (Расширенное.)

1925 6-е изд. (по *G. S.*), Лейпциг и Вена, Дойтике. 120 страниц.

1942 *G. W.*, т. 5, 27–145. (Перепечатка 6-го изд.)

1987 *G. W.*, дополнительный том, 739. (Только предисловие ко второму изданию.)

Без сомнения, «Три очерка по теории сексуальности» наряду с «Толкованием сновидений» являются самым значительным и оригинальным вкладом Фрейда в науку о человеке. Из-за того как эти очерки до сих пор публиковались на немецком языке, далеко непросто определять, какой эффект они на самом деле имели при своем первом появлении. Дело в том, что в течение двадцати лет в последовательности различных изданий они постоянно изменялись и дополнялись автором гораздо больше, чем другие его работы, за исключением разве что «Толкования сновидений»[1]. От всех более ранних немецких изданий настоящее издание отличается в одном важном отношении: хотя оно основывается на шестом издании 1925 года, последнем из опубликованных при жизни Фрейда (которому также соответствуют варианты, содержащиеся в «Собрании сочинений» и «Собрании трудов»), теперь оно снабжено всеми важными дополнениями, которые были сделаны после первой редакции, и соответствующими датами[2]. Кроме того, в нем в примечаниях издателей в своей первоначальной формулировке содержатся особенно

---

[1] Фрейд сам прокомментировал это обстоятельство и возможные разногласия, которые могли из-за этого появиться в тексте, в статье «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*); см. ниже, с. 237.

[2] Только во втором издании (1910) Фрейд отмечал добавленные сноски звездочками, но изменения в тексте никак не обозначал. (См. предисловие ко второму изданию, ниже, с. 43.)

интересные пассажи, которые были опущены или существенно изменены в более поздних изданиях. Таким образом читателю предоставляется возможность получить более ясное представление о том, какие изменения вносились в эти очерки по мере развития Фрейдом своих представлений.

Многие, наверное, с удивлением обнаружат, что все разделы, посвященные сексуальным теориям детей и догенитальной организации либидо (о том и другом речь идет во втором очерке), были добавлены только в 1915 году, то есть через десять лет после первой публикации книги. К этому же году относится и включенный в третью статью раздел, посвященный теории либидо. Менее удивительно то, что дальнейшее развитие биохимии (1920) привело к необходимости переформулировать раздел, в котором идет речь о химических основах сексуальности. Скорее следует удивляться обратному, ибо первоначальная формулировка этого абзаца, который теперь приведен в сноске, свидетельствует о необычайной дальновидности соответствующих представлений Фрейда, а также о том, сколь незначительными фактически оказались необходимые изменения. (С. 120.)

Несмотря на последующие многочисленные дополнения, сделанные после первой публикации, книга в основных чертах была подготовлена уже к 1905 году; ее истоки можно проследить даже еще дальше. После публикации писем Флиссу (Freud, 1950*a*) во всех деталях можно установить, с какого времени и каким образом Фрейд занимался данной проблемой; здесь же нам будет достаточно обрисовать это в общих чертах. К всеобъемлющему исследованию темы сексуальности Фрейда побудили клинические наблюдения, касавшиеся значения сексуальных факторов сначала для возникновения невроза тревоги и неврастении, а затем психоневрозов. Первое время, в начале девяностых годов, он подходил к ней с точки зрения физиологии и химии. Например, свою нейрофизиологическую гипотезу о процессах сексуального возбуждения и отвода напряжения он рассматривает в первой статье, посвященной неврозу тревоги (1895*b*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 43). Фрейд стал уделять особое внимание химическим основам сексуальности по меньшей мере с этого времени. Он полагал, что этими побуждениями во многом обязан Флиссу, что проявляется, помимо прочего, в его ассоциациях по поводу знаменитого сновидения об инъекции Ирме, приснившегося летом 1895 года («Толкование сновидений», *Studienausgabe*, т. 2, с. 135–136). Фрейд также был обязан Флиссу указаниями на родственную проблему бисексуальности (см. ниже, с. 55, прим.), которую он позднее рассматривал как «решающий момент» (с. 124), хотя последние представления Фрейда о принципе действия этого фактора в конечном счете привели его к расхождению с Флиссом. В сообщениях Фрейда

Флиссу, относящихся к 1896 году, мы находим первое упоминание об эрогенных зонах и их связи с перверсиями, а также – и в этом проявляются признаки более психологически ориентированного подхода – обсуждение вытесняющих сил отвращения, стыда и морали.

Но хотя уже в 1896 году очень многие элементы теории сексуальности присутствовали в идеях Фрейда, заключительный штрих пока еще не был сделан. Фрейд с самого начала подозревал, что факторы, служащие причиной истерии, восходят к детскому возрасту; к началу 1895 года у него уже было наготове законченное объяснение истерии, в котором он исходил из травматического воздействия сексуального соблазнения в раннем детстве. Однако до 1897 года он рассматривал инфантильную сексуальность исключительно как «дремлющий» фактор, который мог пробудиться только при вмешательстве взрослого, причем с катастрофическими последствиями. И только летом 1897 года Фрейд ощутил необходимость отказаться от теории соблазнения. Об этом событии он сообщил в письме Флиссу от 21 сентября (письмо № 69)[1], а открытие им эдипова комплекса, случившееся примерно в это же время в процессе самоанализа (письма № 70 и № 71 от 3 и 15 октября), неизбежно привело его к пониманию того, что сексуальные импульсы обычно оказывают свое действие уже у самого маленького ребенка и ни в какой внешней стимуляции не нуждаются (см., например, письмо № 75 от 14 ноября). Благодаря этому выводу разрабатываемая Фрейдом теория сексуальности фактически была завершена.

Тем не менее прошло еще несколько лет, прежде чем он сам по-настоящему примирился с собственным открытием. Так, например, в одном пассаже в работе «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898*a*) он высказывается о сексуальной жизни и сексуальных переживаниях детей по-прежнему весьма противоречиво (см. с. 31 выше). С другой стороны, уже в первом издании «Толкования сновидений» (1900*a*) он совершенно определенно говорит о наличии сексуальных желаний также и у обычных детей (см., например, обсуждение эдипова комплекса в главе V, *Studienausgabe*, т. 2, с. 260 и далее). Очевидно также, что теория сексуальности в основных чертах уже была разработана, когда (в начале 1901года) он описывал историю «Доры» (ср. 1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 85 и 125, прим. 2).

Несмотря на это, Фрейд не спешил публиковать свои результаты. 11 октября 1899 года, незадолго до выхода в свет «Толкования сновидений», он писал Флиссу (письмо № 121): «Ближайшей пре-

---

[1] Об отказе от теории соблазнения впервые открыто сообщается в данной работе в коротком пассаже и в сноске (с. 96–97), а вскоре после этого он был более подробно обоснован во второй работе Фрейда о роли сексуальности в этиологии неврозов (1906*a*, ниже, с. 151 и далее).

емницей книги о сновидениях могла бы стать теория сексуальности», а спустя три месяца, 26 января 1900 года (письмо № 128): «К теории сексуальности накапливается материал, который ждет, когда его сумеет разжечь воспламеняющая искра». Однако эта искра долгое время никак не желала вспыхивать. Кроме небольшого эссе «О сновидении» и «Психопатологии обыденной жизни», которые появились в 1901 году, в течение пяти следующих лет Фрейд не опубликовал ничего значительного.

Но затем в 1905 году он издал сразу три важнейших произведения: книгу об остроте, «Три очерка» и историю болезни «Доры» (1905*e*). Установлено, что последняя работа большей частью была написана еще за четыре года до этого, в 1901 году, но опубликована только в октябре-ноябре 1905 года. Над двумя другими книгами Фрейд работал одновременно. Эрнест Джонс (1962*a*, с. 25) сообщает, что Фрейд положил обе рукописи на два рядом стоявших стола и «в зависимости от настроения писал то на одном, то на другом». Обе книги и вышли почти одновременно; точные даты не установлены, но совершенно точно, что они появились как минимум за четыре месяца до выхода в свет истории болезни «Доры».

Во всех более ранних немецких изданиях в первом очерке пронумерованы только разделы; да и то до 1924 года номерами была снабжена лишь первая его половина. В настоящем издании для удобства от начала до конца пронумерованы также разделы второго и третьего очерков.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ[1]

Автор, не обманывающий себя относительно пробелов и неясностей этого небольшого сочинения, все же воспротивился искушению включить в него результаты исследований последних пяти лет и при этом разрушить его единый документальный характер. Поэтому он воспроизводит первоначальный дословный текст с незначительными изменениями и довольствуется добавлением нескольких сносок, которые отличаются от более старых примечаний стоящим спереди знаком *[2]. Впрочем, его заветная мечта — чтобы эта книга побыстрее устарела, когда новое, которое она когда-то принесла, становится всеми воспринятым, а недостаточное, которое встречается в ней, заменяется более правильным.

Вена, декабрь 1909 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Наблюдая в течение десятилетия за тем, как принимается эта книга и какое воздействие она оказывает, я хотел бы снабдить третье издание несколькими замечаниями, направленными против неверного ее понимания и невыполнимых требований, которые к ней предъявляются. Поэтому прежде всего следует подчеркнуть, что все, о чем здесь говорится, вытекает из повседневного врачебного опыта, который должны углубить и сделать научно значимыми результаты психоаналитического исследования. «Три очерка по теории сексуальности» не могут содержать ничего другого, кроме положений, которые вынужден принять или позволяет подтвердить психоанализ. Поэтому исключено, что их когда-нибудь удастся расширить до «теории сексуальности», и совершенно понятно, что некоторых важных проблем сексуальной жизни они вообще не касаются. Но не следует думать, что эти пропущенные главы обширной

---

[1] [Это предисловие начиная с 1920 года было опущено.]

[2] [Во всех последующих изданиях звездочек снова не стало.]

темы остались для автора неизвестными или что он пренебрег ими как второстепенными.

Зависимость этого труда от психоаналитического опыта, побудившего к его написанию, проявляется не только в выборе, но и в расположении материала. Повсюду соблюдается определенный порядок следования; вначале оговариваются случайные моменты, диспозиционные моменты отодвигаются на задний план, а онтогенетическое развитие принимается во внимание прежде, чем филогенетическое. В анализе случайные моменты играют главную роль, ему удается их преодолеть почти без остатка; диспозиционные же моменты проявляются позади них как нечто такое, что пробуждается вследствие переживания, но оценка которого выходит далеко за пределы области работы психоанализа.

Такая же зависимость господствует в отношениях между онто- и филогенезом. Онтогенез можно рассматривать как повторение филогенеза, поскольку он не меняется из-за более нового переживания. Филогенетические задатки проявляются позади онтогенетического процесса. Но, в сущности, предрасположение представляет собой осадок более раннего переживания вида, к которому добавляется новое переживание отдельного существа как сумма случайных моментов.

Наряду с полной зависимостью от психоаналитического исследования я должен подчеркнуть в качестве особенности этой моей работы преднамеренную независимость от биологического исследования. Я старательно избегал привносить научные предположения из общей сексуальной биологии или из сексуальной биологии отдельных видов животных в исследование, которое позволяет нам изучить сексуальную функцию человека с помощью техники психоанализа. Правда, моя цель была — узнать, что можно открыть средствами психологического исследования в области биологии человеческой сексуальной жизни; мне удалось указать на связи и совпадения, выявившиеся при этом исследовании, но я не мог позволить сбить себя с толку, если в некоторых важных пунктах психоаналитический метод приводил к выводам и результатам, которые существенно отличались от тех, что опирались исключительно на биологию.

В этом третьем издании я сделал много вставок, но отказался обозначать их, как в предыдущих изданиях, особыми пометками. В настоящее время прогресс научной работы в нашей области замедлился, тем не менее нельзя было обойтись без некоторых до-

полнений к этому сочинению, чтобы оно продолжало оставаться в контакте с вновь появившейся психоаналитической литературой[1].

Вена, октябрь 1914 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

После того как схлынули паводки военного времени, можно с удовлетворением констатировать, что интерес к психоаналитическому исследованию в нашем огромном мире не угас. Но не все части учения постигла одинаковая судьба. Чисто психологические положения и изыскания психоанализа, касающиеся бессознательного, вытеснения, конфликта, который ведет к болезни, выгоды от болезни, механизмов симптомообразования и др., пользуются все большим признанием и принимаются во внимание даже принципиальными противниками. Граничащая с биологией часть учения, основы которой изложены в этом небольшом сочинении, продолжает вызывать ничуть не меньше возражений и даже побудила кое-кого, кто в свое время интенсивно занимался психоанализом, отойти от него и встать на новую точку зрения, которой роль сексуального фактора в нормальной и нездоровой душевной жизни опять ограничивается.

И все же мне трудно предположить, что эта часть психоаналитического учения отдалилась от действительности, которую требуется объяснить, намного больше, чем первая. Воспоминания и все повторные исследования говорят мне, что она возникла в результате таких же тщательных и непредвзятых наблюдений, и объяснение указанной диссоциации в общественном признании не доставляет трудностей. Во-первых, описанные здесь начальные стадии сексуальной жизни человека могут подтвердить только такие исследователи, которые обладают достаточным терпением и техническим мастерством, чтобы довести анализ до первых детских лет пациента. Часто для этого отсутствует даже возможность, поскольку врачебная деятельность требует внешне более быстрого излечения боль-

---

[1] [Только в издании 1915 года в этом месте имеется следующая сноска:] После второго издания (1910) в том же году А. А. Брилл опубликовал в Нью-Йорке английский перевод, а в 1911 году Н. Осипов в Москве – русский. [При жизни Фрейда затем появились переводы на венгерский (1915), итальянский (1921), испанский (1922), французский (1923), польский (1924), чешский (1926) и японский (1931) языки.]

ного. Другие же — не врачи, — применяющие психоанализ, вообще не имеют доступа к этой области и возможности составить суждение, на которое не влияли бы их собственные антипатии и предубеждения. Если бы люди умели учиться, непосредственно наблюдая за детьми, то эти три очерка вообще могли бы остаться ненаписанными.

Необходимо, однако, напомнить о том, что нечто из содержания этого сочинения, а именно акцент на значении сексуальной жизни для всего, что делается людьми, и предпринятая здесь попытка расширить понятие сексуальности, с давних пор порождало сильнейшие мотивы сопротивления психоанализу. Испытывая потребность в полнозвучных лозунгах, дошли до того, что стали говорить о «пансексуализме» психоанализа и делать ему бессмысленный упрек, будто он объясняет «все» сексуальностью. Этому можно было бы удивляться, будь мы способны сами забыть воздействие аффективных моментов, которые приводят людей в замешательство и делают их забывчивыми. Ведь философ Артур Шопенгауэр уже давно показал людям, насколько их действия и желания предопределяются сексуальными стремлениями — в обычном смысле слова, — и мир читателей все же не смог полностью выкинуть из головы столь захватывающее напоминание! Что же касается «расширения» понятия сексуальности, которое становится необходимым благодаря анализу детей и так называемых извращенцев, то да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на психоанализ, как близко расширенная сексуальность психоанализа смыкается с Эросом божественного Платона (См. Nachmansohn, 1915).

Вена, май 1920 года

I

СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ[1]

Факт половой потребности у человека и животного в биологии выражают гипотезой о «половом влечении». При этом следуют аналогии с влечением к принятию пищи, голодом. В народном языке обозначения, соответствующего слову «голод», не имеется; в качестве такового наука пользуется словом *«либидо»*[2].

Популярное мнение содержит вполне определенные представления о природе и свойствах этого полового влечения. Должно быть, в детстве оно отсутствует, появляется примерно к пубертату и в связи с процессами созревания, выражается в явлениях неодолимого притяжения, которое один пол оказывает на другой, а его цель состоит в половом соединении или, по крайней мере, в таких действиях, которые находятся на пути к нему.

Но у нас имеются все основания усмотреть в этих характеристиках весьма неверное отображение действительности; если присмотреться к ним пристальнее, то они оказываются полными заблуждений, неточностей и поспешных выводов.

Введем два термина: если мы назовем человека, от которого исходит половое притяжение, сексуальным объектом, а действие, к которому подталкивает влечение, сексуальной целью, то научно установленные факты говорят нам о том, что в отношении обоих — сексуального объекта и сексуальной цели — имеются многочисленные отклонения, отношение которых к условной сексуальной норме требует детального исследования.

---

[1] Данные, содержащиеся в первой статье, почерпнуты из известных публикаций фон Краффта-Эбинга, Молля, Мёбиуса, Х. Эллиса, фон Шренка-Нотцинга, Лёвенфельда, Эйленбурга, И. Блоха, М. Хиршфельда и из работ в ежегоднике «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen», который издается последним. Поскольку у них приведена и прочая литература по этой теме, я могу воздержаться от подробных ссылок. *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Результаты, полученные в ходе психоаналитического исследования инвертированных, основываются на сообщениях И. Задгера и на собственном опыте.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Единственно пригодное слово в немецком языке «Lust» [удовольствие], к сожалению, двусмысленно и обозначает как ощущение потребности, так и удовлетворение. [См. прим. на с. 117.]

(1) ОТКЛОНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕКСУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

Популярной теории полового влечения больше всего соответствует поэтический вымысел о разделении человека на две половины – мужчину и женщину, – стремящиеся снова соединиться в любви[1]. Поэтому большой неожиданностью будет услышать, что есть мужчины, сексуальный объект которых – не женщина, а мужчина, и есть женщины, для которых сексуальным объектом является не мужчина, а женщина. Таких лиц называют противоположно-сексуальными или, лучше сказать, инвертированными, а сам факт – инверсией. Число таких лиц весьма значительно, хотя точное его определение сопряжено с трудностями[2].

(А) Инверсия

ПОВЕДЕНИЕ ИНВЕРТИРОВАННЫХ

Данные люди ведут себя в различных направлениях совершенно по-разному.

(а) Они *абсолютно* инвертированы, то есть их сексуальный объект может быть только одного с ними пола, тогда как противоположный пол никогда не бывает для них предметом полового желания, а оставляет их холодными или даже вызывает у них сексуальное отвращение. В таком случае вследствие отвращения мужчины неспособны совершить нормальный половой акт или при его совершении не испытывают никакого наслаждения.

(б) Они *амфигенно* инвертированы (психосексуальные гермафродиты), то есть их сексуальный объект может принадлежать как к одному с ними, так и к противоположному полу; следовательно, у инверсии отсутствует свойство исключительности.

(в) Они *случайно* инвертированы, то есть при определенных внешних условиях, среди которых на первом месте стоят недоступность нормального полового объекта и подражание, они могут избрать сексуальным объектом лицо одного с ними пола и в половом акте с ним получить удовлетворение.

---

[1] [Это, несомненно, намек на «Пир» Платона и изложенную там теорию Аристофана. Фрейд упоминает ее еще раз гораздо позднее, а именно в шестой главе работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), *Studienausgabe*, т. 3, с. 266.]

[2] Об этих трудностях, а также попытках выяснить относительное число инвертированных см. работу М. Хиршфельда в «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen» (1904)

Далее, инвертированные демонстрируют различное поведение в своем суждении об особенности своего полового влечения. Одни принимают инверсию как нечто совершенно естественное, так же, как нормальный человек — направленность своего либидо, и энергично отстаивают ее равноправие с нормальной направленностью. Другие же восстают против факта своей инверсии и ощущают ее как болезненную навязчивость[1].

Другие вариации касаются временных отношений. Либо характерное свойство инверсии существует у индивида с давних пор, насколько хватает его воспоминаний, либо оно обратило на себя внимание у него только в определенный момент до или после пубертата[2]. Эта особенность либо сохраняется на всю жизнь, либо временами исчезает, либо представляет собой отдельный эпизод на пути нормального развития; более того, она может проявиться только в позднем возрасте по истечении длительного периода нормальной половой деятельности. Наблюдалось также периодическое колебание между нормальным и инвертированным сексуальным объектом. Особенно интересны случаи, в которых либидо меняется в смысле инверсии после того, как был приобретен тягостный опыт с нормальным сексуальным объектом.

В целом эти различные ряды вариаций существуют независимо друг от друга. Относительно крайней формы обычно можно предположить, что инверсия существовала с очень раннего возраста и что данный человек свыкся с этой особенностью.

Многие авторы отказались бы объединить в одну группу перечисленные здесь случаи и предпочли бы подчеркивать различия, а не общее в этих группах, что связано с предпочитаемой ими формой оценивания инверсии. Но как ни верны такие разделения, все же нельзя не заметить, что существует множество переходных ступеней, и поэтому образование рядов напрашивается чуть ли не само собой.

---

[1] Такое сопротивление навязчивости инверсии может составить условие, благоприятствующее терапевтическому воздействию посредством суггестии или психоанализа [слова «или психоанализа» были добавлены в 1910 году].

[2] С разных сторон справедливо подчеркивалось, что автобиографические сведения инвертированных о времени возникновения их склонности к инверсии недостоверны, поскольку они могли вытеснить из памяти проявления своих гетеросексуальных ощущений. *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Психоанализ подтвердил это подозрение в отношения ставших ему доступными случаев инверсии и коренным образом изменил их анамнез благодаря устранению детской амнезии.

ПОНИМАНИЕ ИНВЕРСИИ

Первая оценка инверсии выразилась в представлении, что она является врожденным признаком нервной дегенерации, и это согласовывалось с тем фактом, что врачи-наблюдатели впервые натолкнулись на нее у нервнобольных или у лиц, производивших подобное впечатление. В этой характеристике содержатся два указания, которые следует рассмотреть независимо друг от друга: врожденность и дегенерация.

ДЕГЕНЕРАЦИЯ

Относительно дегенерации необходимо выдвинуть ряд возражений, которые касаются употребления этого слова во всех случаях без разбора. Вошло в обычай причислять к дегенерации всякого рода болезненные проявления, которые не имеют непосредственно травматического или инфекционного происхождения. Предложенное Маньяном подразделение дегенератов содействовало тому, что даже в самых совершенных формах нервной деятельности не исключается возможность использования понятия дегенерации. При таких обстоятельствах позволительно спросить, какая польза и какое новое содержание содержит заключение, выраженное словом «дегенерация». Представляется более целесообразным не говорить о дегенерации в случаях,

(1) когда нет одновременно нескольких серьезных отклонений от нормы;

(2) когда работоспособность и жизнеспособность в целом сильно не пострадали[1].

То, что инвертированные не являются дегенератами в этом истинном смысле, вытекает из нескольких фактов.

(1) Инверсия встречается у людей, которые не обнаруживают никаких иных серьезных отклонений от нормы.

(2) Она также встречается у людей, работоспособность которых не нарушена, более того, которые отличаются особенно высоким интеллектуальным развитием и этической культурой[2].

(3) Если не принимать во внимание пациентов из своей врачебной практики и попытаться охватить более широкую область, то

---

[1] С какой осторожностью необходимо ставить диагноз дегенерации и сколь несущественное практическое значение он имеет, можно заключить из рассуждений Мёбиуса (1900): «Если окинуть взором обширную область вырождения, которую мы здесь отчасти осветили, то сразу становится видно, что постановка диагноза "вырождение" имеет весьма малую ценность».

[2] С выразителями идеи «уранизма» следует согласиться в том, что некоторые из самых выдающихся людей, о которых у нас вообще есть сведения, были инвертированными, возможно, даже абсолютно инвертированными.

в двух направлениях наталкиваешься на факты, которые не позволяют трактовать инверсию как признак дегенерации.

(а) Нужно иметь в виду, что у древних народов на вершине развития их культуры инверсия была частым явлением, чуть ли не институтом, наделенным важными фукциями;

(б) Она чрезвычайно распространена у многих диких и примитивных народов, между тем как понятие дегенерации принято ограничивать высокой цивилизацией (И. Блох); даже среди цивилизованных народов Европы климат и раса оказывают огромное влияние на распространение инверсии и на отношение к ней[1].

ВРОЖДЕННОСТЬ

Врожденность, совершенно естественно приписывали только первому, самому крайнему классу инвертированных, основываясь при этом на заверении этих людей, что ни в один период жизни другой направленности полового влечения у них не проявлялось. Уже сам факт существования двух других классов, особенно третьего [«случайно» инвертированных], трудно соединить с идеей о врожденном характере инверсии. Отсюда склонность сторонников этого мнения отделить группу абсолютно инвертированных от всех других и как следствие – отказ от общеупотребительного понимания инверсии. Соответственно, в ряде случаев инверсия имеет врожденный характер, в других случаях она может возникать иным способом.

Противоположность этому мнению составляет другое, согласно которому инверсия предстает *приобретенной* особенностью полового влечения. Оно основывается на том, что

(1) у многих инвертированных (в том числе и у инвертированных абсолютно) можно выявить сексуальное впечатление, оказавшее на них влияние в раннем возрасте, последствием которого оказывается сохраняющаяся гомосексуальная склонность;

(2) у многих других людей можно выявить внешние благоприятствующие и сдерживающие влияния жизни, в тот или иной период приведшие к фиксации инверсии (исключительное общение с лицами того же пола, общность во время войны, содержание в тюрьмах, опасности гетеросексуальных отношений, целибат, половая слабость и т. д.);

---

[1] При рассмотрении инверсии патологическая точка зрения отделена от антропологической. Это изменение остается заслугой И. Блоха (1902–1903), который настоятельно подчеркивал факт распространения инверсии в древних культурах.

(3) от инверсии можно избавиться при помощи гипнотического внушения, что было бы удивительным при ее врожденном характере.

С этих позиций можно вообще оспаривать существование врожденной инверсии. Можно возразить (Хэвлок Эллис [1915]), что при более детальных расспросах в случаях, отнесенных к врожденной инверсии, наверное, тоже было бы выявлено событие в раннем детстве, определившее направленность либидо, событие, которое просто не сохранилось в сознательной памяти человека, но которое он мог бы припомнить при соответствующем воздействии. По мнению этих авторов, инверсию можно, пожалуй, считать лишь часто встречающейся вариацией полового влечения, которая предопределяется множеством внешних жизненных обстоятельств.

Этой внешне достигнутой таким образом уверенности кладет конец возражение, что многие люди, несомненно, испытывают такие же сексуальные влияния (в том числе в ранней юности: соблазнение, взаимный онанизм), но не становятся из-за этого инвертированными или не остаются такими надолго. Таким образом, напрашивается предположение, что альтернатива «врожденный–приобретенный» либо является неполной, либо не охватывает все условия, имеющиеся при инверсии.

ОБЪЯСНЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Ни предположением, что инверсия является врожденной, ни другим предположением, что она приобретается, сущность инверсии не объясняется. В первом случае необходимо выяснить, что в ней является врожденным, если не присоединиться к самому грубому объяснению, что у человека уже при рождении имеется связь полового влечения с одним определенным сексуальным объектом. В другом случае встает вопрос, достаточно ли разнообразных случайных влияний, чтобы объяснить приобретение инверсии, не допуская того, что нечто в самом индивиде не идет навстречу этим влияниям. В соответствии с предыдущими нашими рассуждениями отрицание этого последнего момента недопустимо.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ БИСЕКСУАЛЬНОСТИ

С тех пор как появились работы Фрэнка Лидстона [1889], Кьернана [1888] и Шевалье [1893], для объяснения возможности сексуальной инверсии приводят рассуждения, содержащие новое возражение популярному мнению. Согласно этому мнению, человек может быть либо мужчиной, либо женщиной. Но наука знает случаи, в которых половые особенности кажутся стертыми и из-за

этого определение пола становится затруднительным, прежде всего в области анатомии. Гениталии этих людей сочетают мужские и женские признаки (гермафродитизм). В редких случаях оказываются сформированными оба половых аппарата одновременно (истинный гермафродитизм); чаще всего имеет место обоюдная недоразвитость[1].

Однако самое важное в этих ненормальностях то, что они неожиданным образом облегчают понимание нормального строения. Известная степень анатомического гермафродитизма присуща, собственно, и норме; у каждого нормально сформированного индивида мужского или женского пола имеются следы аппарата противоположного пола, которые либо продолжают существовать, не выполняя никакой функции, в качестве рудиментарных органов, либо сами были преобразованы для осуществления других функций.

Точка зрения, вытекающая из этих давно известных анатомических фактов, представляет собой представление об изначальной бисексуальной предрасположенности, которая в ходе развития изменяется на моносексуальность с незначительными рудиментарными остатками противоположного пола.

Напрашивалась мысль перенести это представление на психическую область и понимать инверсию в различных ее проявлениях как выражение психического гермафродитизма. Чтобы решить вопрос, требовалось лишь постоянное совпадение инверсии с душевными и соматическими признаками гермафродитизма.

Однако это ожидание не оправдалось. Отношения между предполагаемым психическим и легко доказуемым анатомическим гермафродитизмом нельзя представлять себе столь близкими. То, что встречается у инвертированных, — это зачастую снижение полового влечения вообще (Хэвлок Эллис [1915]) и легкая анатомическая недоразвитость органов. Зачастую, но отнюдь не всегда или хотя бы в большинстве случаев. Таким образом, нужно признать, что инверсия и соматический гермафродитизм в целом независимы друг от друга.

Далее, придавалось большое значение так называемым вторичным и третичным половым признакам и подчеркивалось, что они часто встречаются у инвертированных (Х. Эллис [там же]). И в этом тоже есть много верного, но нельзя забывать, что вторичные и третичные половые признаки вообще весьма часто встречаются у про-

---

[1] Ср. последние подробные описания соматического гермафродитизма: Таруффи (1903) и работы Нойгебауэра в нескольких томах ежегодника «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen».

тивоположного пола, намекая тем самым на гермафродитизм, хотя при этом сексуальный объект в смысле инверсии не изменился.

Психический гермафродитизм нашел бы воплощение, если бы наряду с инверсией полового объекта по меньшей мере происходило изменение прочих душевных свойств, влечений и черт характера в направлении, характеризующем противоположный пол. Однако подобную инверсию характера можно встретить с некоторой регулярностью только у инвертированных женщин; у мужчин с инверсией сочетается полнейшее душевное мужество. Если настаивать на существовании душевного гермафродитизма, то необходимо добавить, что в его проявлениях в различных областях отмечается лишь незначительная взаимная обусловленность. Впрочем, это же относится и к соматическому гермафродитизму; согласно Хальбану[1], отдельные случаи недоразвитости органов и вторичные половые признаки встречаются в целом независимо друг от друга.

Учение о бисексуальности в его самой грубой форме сформулировано одним из представителей инвертированных мужчин: женский мозг в мужском теле. Но мы не знаем особенностей «женского мозга». Замена психологической проблемы анатомической является столь же бессмысленной, как и неправомерной. Объяснение, предложенное фон Краффтом-Эбингом, кажется сформулированным более точно, чем объяснение Ульриха, но в сущности ничем от него не отличается. Краффт-Эбинг считает [1895, 5], что бисексуальное предрасположение обеспечивает индивида как мужскими и женскими мозговыми центрами, так и соматическими половыми органами. Эти центры развиваются только к пубертатному периоду, по большей части под влиянием независимых от них по своим задаткам половых желез. Но к мужским и женским «центрам» относится то же, что и к мужскому и женскому мозгу, и, кроме того, нам совсем неизвестно, вправе ли мы допустить для половых функций наличие отдельных участков мозга («центров»), таких же, как, например, для речи[2].

---

[1] J. Halban (1903). См. там также литературу по данному вопросу.

[2] Первым, кто привлек для объяснения инверсии бисексуальность, по-видимому, был (согласно реферативному обзору в шестом томе «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen») Э. Глей, который еще в январе 1884 года опубликовал статью («Les aberrations de l'instinct sexuel») [«Отклонения сексуального инстинкта] в «Revue philosophique». Примечательно, впрочем, что большинство авторов, сводящих инверсию к бисексуальности, придают значение этому моменту не только в отношении инвертированных, но и всех нормальных людей и, следовательно, понимают инверсию как результат нарушенного развития. Так, например, Шевалье (1893).

Тем не менее после всех этих рассуждений остаются в силе две мысли: что и при объяснении инверсии необходимо учитывать бисексуальное предрасположение, разве что мы не знаем, в чем, кроме анатомического формообразования, состоит это предрасположение, и что речь идет о нарушениях, которые касаются развития полового влечения.

СЕКСУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ИНВЕРТИРОВАННЫХ

Теория психического гермафродитизма предполагает, что сексуальный объект инвертированных противоположен сексуальному объекту нормальных людей. Инвертированный мужчина, подобно женщине, не может устоять перед очарованием, исходящим от мужских качеств души и тела, он сам себя ощущает женщиной и ищет мужчину.

И хотя это верно в отношении целого ряда инвертированных, все же далеко не составляет общего свойства инверсии. Не подлежит сомнению, что большая часть инвертированных мужчин сохраняет психический характер мужественности, обладает сравнительно немногочисленными вторичными признаками противоположного пола и в своем половом объекте ищет, в сущности, женские психические черты. Будь это по-другому, то осталось бы непонятным, для чего проституированные мужчины, предлагающие себя инвертированным, — сегодня, как в древности — во всех

Крафft-Эбинг (1895[10]) говорит о том, что имеется множество наблюдений, «из которых следует по меньшей мере возможное существование этого второго центра (неразвившегося пола)». Некий доктор Ардуин («Женский вопрос и сексуальные промежуточные ступени») во втором томе ежегодника «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen» (1900) выдвигает положение: «В каждом человеке имеются мужские и женские элементы (ср. этот ежегодник, т. I, 1889; «Объективный диагноз гомосексуальности» доктора М. Хиршфельда, с. 8–9 и далее), только — соответственно принадлежности к тому или другому полу — одни несоразмерно более развиты, чем другие, если речь идет о гетеросексуальных людях...» Для Г. Германа (1903) не подлежит сомнению, «что в каждой женщине содержатся мужские зародыши и свойства, в каждом мужчине — женские» и т. д. *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Затем, в 1906 году, В. Флисс заявил о своем праве собственности на идею бисексуальности (в смысле *двуполости*). *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* В непрофессиональных кругах положение о человеческой бисексуальности расценивается как достижение рано умершего философа О. Вейнингера, который положил эту идею в основу весьма спорной книги (1903). Приведенные выше сведения должны показать, сколь малообоснованна была эта претензия.

[Тем, что сам Фрейд признавал значение бисексуальности, он прежде всего был обязан Флиссу (ср. с. 124, прим. 1). Однако он не разделял мнения Флисса, что бисексуальностью можно объяснить вытеснение. См. обсуждение Фрейдом этого вопроса в работе «"Ребенка бьют"» (1919*e*, *Studienausgabe*, т. 7, с. 251).]

внешних проявлениях копируют одежду и манеры женщин; ведь такое подражание должно было бы оскорблять идеал инвертированных. У греков, у которых среди инвертированных встречаются самые мужественные мужчины, ясно, что не мужественный характер мальчика, а его телесное приближение к женщине, а также его женские душевные качества – робость, сдержанность, потребность в наставлении и посторонней помощи – разжигали любовь мужчины. Как только мальчик становился взрослым, он переставал быть сексуальным объектом для мужчины и сам становился любителем мальчиков. Следовательно, сексуальным объектом в этом случае, как и во многих других, является не тот же пол, а соединение качеств обоих полов, компромисс между душевным стремлением к мужчине и стремлением к женщине при сохранении условия мужественности тела (гениталий), так сказать, отражение собственной бисексуальной природы[1].

---

[1] [Эти последние шесть слов были добавлены в 1915 году. – *Дополнение, сделанное в 1910 году:*] Хотя психоанализ до сих пор не дал объяснения происхождению инверсии, он все же открыл психический механизм ее возникновения и существенно расширил спектр рассматриваемых вопросов. Во всех исследованных случаях мы установили, что лица, ставшие впоследствии инвертированными, в первые годы своего детства прошли через стадию весьма интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине (большей частью на матери), после преодоления которой они идентифицируют себя с женщиной и выбирают самих себя в качестве сексуального объекта, то есть, исходя из нарцизма, ищут молодых и похожих на них самих мужчин, которых хотят любить так, как любила их мать. Далее, мы часто обнаруживали, что якобы инвертированные отнюдь не были безразличными к очарованию женщины, а постоянно транспонировали на мужской объект возбуждение, вызванное женщиной. Таким образом, они всю свою жизнь воспроизводили механизм, посредством которого у них возникла инверсия. Их навязчивое стремление к мужчине оказывалось обусловленным их беспокойным бегством от женщины.

[Дополнение, сделанное в 1915 году:] Психоаналитическое исследование со всей решительностью противится попыткам отделить гомосексуалистов от других людей как особого рода группу. Изучая также другие сексуального возбуждения, а не только открыто проявляющие себя, оно узнает, что все люди способны выбирать объект одного с ними пола и совершают его также и в бессознательном. Более того, прикрепления либидинозных чувств к лицам того же пола играют как факторы нормальной душевной жизни не меньшую, а как движущие силы заболевания бо́льшую роль, чем относящиеся к противоположному полу. Скорее, психоанализу кажется первичной независимость выбора объекта от пола объекта, одинаково свободная возможность располагать мужскими и женскими объектами, как это можно наблюдать в детском возрасте, в примитивных состояниях и во времена ревней истории, и из этого первичного состояния в результате ограничения в ту или другую сторону развивается нормальный или инвертированный тип. С точки зрения психоанализа, также и исключительный сексуальный интерес мужчины к женщине является проблемой, нуждающейся в объяснении, а не чем-то само со-

Более определенными являются отношения у женщины, где активно инвертированные особенно часто обладают соматическими и душевными свойствами мужчины и требуют женских качеств от своего сексуального объекта, хотя и здесь, при более близком знакомстве, может выявиться бо́льшая пестрота отношений.

СЕКСУАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ ИНВЕРТИРОВАННЫХ

Важный факт, которого необходимо придерживаться, состоит в том, что сексуальная цель при инверсии нельзя назвать единообразной. У мужчин половое сношение *per anum* [через задний проход] отнюдь не совпадает с инверсией; мастурбация также часто составляет исключительную цель, а ограничения сексуальной цели — вплоть до одних только излияний чувств — встречаются здесь

бой разумеющимся, что имеет своим основанием химическое притяжение. Окончательное решение, касающееся выбора сексуального поведения, приходит только после пубертата и является результатом целого ряда пока еще необозримых факторов, отчасти имеющих конституциональную природу, отчасти случайных. Разумеется, некоторые из этих факторов могут оказаться настолько сильными, что оказывают влияние на результат в своем смысле. В целом же многочисленность определяющих моментов находит свое отражение в многообразии исходных пунктов явного сексуального поведения людей. У людей инвертированного типа всегда можно установить преобладание архаической конституции и примитивных психических механизмов. Самыми существенными их признаками предстают ценность *нарциссического выбора объекта* и *сохранение* эротического значения *анальной зоны*. Но мы ничего не приобретем, если на основании таких конституциональных свойств будем отделять крайние типы инвертированных людей от остальных. То, что обнаруживается у таких крайних типов в качестве якобы достаточного обоснования их ненормальности, можно также обнаружить, разве что менее выраженное, в конституции переходных типов и у внешне нормальных людей. Различия в результатах могут носить качественный характер: анализ показывает, что различия в условиях только количественные. Среди случайных влияний на выбор объекта мы сочли достойным внимания фрустрацию (сексуальное запугивание в детстве) и указали также на то, что важную роль играет наличие обоих родителей. Отсутствие сильного отца в детстве нередко благоприятствует инверсии. Наконец, можно выдвинуть требование, чтобы инверсию сексуального объекта строго отделяли от смешения половых признаков у субъекта. Известная степень независимости очевидна и в этом отношении. *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Целый ряд важных идей по вопросу об инверсии выдвинул Ференци (1914). Ференци справедливо порицает тот факт, что под названием «гомосексуальность», которое он хочет заменить более удачным словом «гомоэротика», мешают в одну кучу множество совершенно разных, неравноценных как в органическом, так и психическом отношении состояний, поскольку всех их объединяет общий симптом инверсии. Он требует строгого различения по крайней мере между двумя типами: *субъектным гомоэротиком*, который чувствует и ведет себя как женщина, и *объектным гомоэротиком*, который вполне мужественен и лишь заменил женский объект объектом одного с ним пола. Первого он признает истинной «промежуточной сексуальной ступенью» в понимании М. Хиршфельда, второго — менее удачно — он называет невротиком, страдающим навязчивостью. Сопротивление склонности к инверсии, а также возможность психического влияния принимаются в расчет только в

даже чаще, чем при гетеросексуальной любви. Также и у женщин сексуальные цели инвертированных разнообразны; среди них предпочтение, по-видимому, отдается прикосновению слизистой оболочкой рта.

ВЫВОДЫ Хотя мы не чувствуем себя в состоянии удовлетворительно объяснить возникновение инверсии на основе имеющегося до сих пор материала, мы можем, однако, заметить, что в этом исследовании пришли к пониманию, которое может оказаться для нас важнее, чем решение поставленной выше задачи. Мы обращаем внимание на то, что представляли себе связь сексуального влечения с сексуальным объектом слишком тесной. Опыт соприкосновения со случаями, которые считаются ненормальными, нам показывает, что между сексуальным влечением и сексуальным объектом имеется спайка, которую мы рискуем не заметить при единообразии нормальных форм, где влечение вроде бы приносит с собой и объект. Поэтому мы вынуждены ослабить в наших мыслях связь между влечением и объектом. По всей вероятности, половое влечение сначала не зависит от объекта и, наверное, не обязано своим возникновением его раздражителям.

отношении объектного гомоэротика. После признания этих двух типов можно также добавить, что у многих лиц обнаруживается смешение некой меры субъектной гомоэротики с некоторой долей объектной гомоэротики.

В последние годы работы биологов, в первую очередь Эйгена Штейнаха, пролили яркий свет на органические условия гомоэротики, а также половых признаков в целом.

С помощью экспериментального метода кастрации с последующей пересадкой половых желез противоположного пола у разных млекопитающих удалось превратить самцов в самок и наоборот. Превращение коснулось более или менее полно соматических половых признаков и психосексуального поведения (то есть субъектной и объектной эротики). В качестве носителя этой предопределяющей пол силы рассматривается не та часть половой железы, которая образует половые клетки, а так называемая интерстициальная ткань органа («пубертатная железа»).

В одном случае удалась перемена пола также у мужчины, лишившегося яичек вследствие туберкулезного заболевания. Он вел себя в половой жизни по-женски, как пассивный гомосексуалист, и у него наблюдались очень отчетливо выраженные женские половые признаки вторичного характера (особенности волосяного покрова, отсутствие растительности на лице, отложение жира на груди и на бедрах). После имплантации крипторхического человеческого яичка этот мужчина стал вести себя по-мужски и направлять свое либидо нормальным образом на женщину. Одновременно исчезли соматические женские признаки (A. Lipschütz, 1919 [356–357]).

Было бы неправомерно утверждать, что благодаря этим прекрасным опытам учение об инверсии ставится на новую основу, и преждевременно ожидать от них чуть ли не пути к общему «излечению» гомосексуальности. В. Флисс справедливо подчеркивал, что эти экспериментальные опыты не обесценивают учения об общем бисексуальном предрасположении высших животных. Более того, мне кажется вероятным, что дальнейшие исследования подобного рода дадут непосредственное подтверждение предполагаемой бисексуальности.

Если лица, сексуальные объекты которых не принадлежат к полу, который пригоден для этого в норме, то есть инвертированные люди, предстают наблюдателю совокупным множеством индивидов, в остальных отношениях, быть может, вполне полноценных, то случаи, в которых сексуальными объектами избираются неполовозрелые лица (дети), с самого начала кажутся единичными отклонениями. Только как исключение единственными сексуальными объектами являются дети; по большей части они оказываются в этой роли, когда малодушный и ставший импотентом индивид снисходит до такого суррогата или импульсивное (неотложное) влечение не может в данный момент завладеть более подходящим объектом. Тем не менее то, что половое влечение допускает так много вариаций и такое унижение своего объекта, проливает свет на природу; голод, который гораздо энергичнее придерживается своего объекта, позволил бы это только в самом крайнем случае. Аналогичное замечание относится к отнюдь не редко встречающемуся, особенно среди сельского населения, половому сношению с животными, причем половая притягательность переходит здесь границы вида.

Из эстетических соображений это, как и другие тяжелые отклонения полового влечения, хочется приписать душевнобольным, но такое недопустимо. Опыт показывает, что у последних не наблюдается иных нарушений полового влечения, чем у здоровых людей, у целых рас и сословий. Так, сексуальное злоупотребление детьми с неимоверной частотой встречается у учителей и воспитателей просто потому, что им для этого предоставляются самые благоприятные возможности. Разве что у душевнобольных соответствующее отклонение проявляется в усиленной форме, или, что особенно важно, достигло степени исключительности и заняло место нормального сексуального удовлетворения.

Это удивительное отношение сексуальных вариаций к шкале «здоровье — душевная болезнь» заставляет задуматься. Я бы сказал, что нуждающийся в объяснении факт является указанием на то, что побуждения в сфере половой жизни относятся к таким, которые и в пределах нормы хуже всего подчиняются высшим видам душевной деятельности. Кто в каком-либо отношении является ненормальным — в социальном, этическом смысле, — тот, по моему опыту, всегда ненормален и в своей сексуальной жизни. Однако многие ненормальны в сексуальной жизни, но по всем другим пунктам соответствуют среднему человеку, лично участвуют в человеческом культурном развитии, слабым местом которого остается сексуальность.

В качестве самого общего результата этих рассуждений мы бы остановились все же на понимании того, что при огромном множестве условий и у удивительно большого числа индивидов тип и ценность сексуального объекта отступают на задний план. Существенным и постоянным в сексуальном влечении является нечто иное[1]

(2) ОТКЛОНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕКСУАЛЬНОЙ ЦЕЛИ

Нормальной сексуальной целью считается соединение гениталий в акте, называемом совокуплением, который ведет к ослаблению сексуального напряжения и к временному угасанию сексуального влечения (удовлетворению, аналогичному насыщению при голоде). И тем не менее уже в самом нормальном сексуальном процессе бросаются в глаза элементы, развитие которых ведет к отклонениям, которые были описаны как *перверсии*. Речь идет об известных промежуточных (лежащих на пути к совокуплению) отношениях к сексуальному объекту, таких, как ощупывание и разглядывание, признаваемых в качестве временных сексуальных целей. Эти действия, с одной стороны, сами связаны с удовольствием, с другой стороны, они усиливают возбуждение, которое должно продолжаться до достижения конечной сексуальной цели. Одно определенное из этих прикосновений, взаимное прикосновение слизистых оболочек губ, то есть поцелуй, у многих народов (в том числе и высококультурных) приобрело высокую сексуальную ценность, хотя имеющиеся при этом в виду части тела не относятся к половому аппарату, а образуют вход в пищеварительный тракт. Это и есть те моменты, которые позволяют установить связь между нормальной сексуальной жизнью и перверсиями и которые также пригодны для классификации последних. Перверсии представляют собой либо *а) выход за анатомические границы* областей тела, предназначенных для полового соединения, либо *б) задержки* на промежуточных отношениях к сексуальному объекту, которые в норме должны быстро преодолеваться на пути к конечной сексуальной цели.

[1] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Самое главное различие между любовной жизнью в древнем мире и нашей состоит, пожалуй, в том, что античный мир делал акцент на самом влечении, а мы переносим его на объект влечения. Древние чествовали влечение и были готовы облагородить им даже малоценный объект, тогда как мы презираем осуществление влечения как такового и позволяем его оправдать лишь достоинствами объекта.

ПЕРЕОЦЕНКА СЕКСУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

Психическая оценка, которую получает сексуальный объект в качестве желанной цели сексуального влечения, лишь в самых редких случаях ограничивается его гениталиями, она распространяется на все его тело и имеет тенденцию включать в себя все ощущения, исходящие от сексуального объекта. Такая же переоценка распространяется на психическую область и проявляется как логическое ослепление (слабость суждения) по отношению к душевным свойствам и совершенствам сексуального объекта, а также как легковерная готовность согласиться с суждениями, исходящими от последнего. Таким образом, доверчивость любви становится важным, если не первоначальным источником *авторитета*[1].

Именно эта сексуальная переоценка так плохо соотносится с ограничением сексуальной цели соединением одних только гениталий и содействует выдвижению других частей тела в качестве сексуальной цели[2].

Значение фактора сексуальной переоценки лучше всего изучать у мужчины, любовная жизнь которого единственно доступна исследованию, тогда как любовная жизнь женщины — отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неискренности женщин — покрыта непроницаемым мраком[1].

---

[1] Не могу отказаться здесь от того, чтобы не напомнить о доверчивой податливости гипнотизируемых перед гипнотизером, которая заставляет меня предположить, что сущность гипноза следует усматривать в бессознательной фиксации либидо на персоне гипнотизера (при посредстве мазохистских компонентов сексуального влечения). *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Ш. Ференци связал это свойство внушаемости с «родительским комплексом». (1909.) [Отношение гипнотизируемого к гипнотизеру Фрейд еще раз обсуждает намного позднее в работе «Психология масс и анализ Я» (1921*c*).]

[2] [Следующее примечание (последнее предложение которого вновь добавилось) и абзац в тексте выше, к которому оно относится, были переработаны в 1920 году и приобрели данную, несколько измененную форму:] Между тем необходимо заметить, что сексуальная переоценка происходит не при всех механизмах выбора объекта и что в дальнейшем мы познакомимся с другим, более непосредственным объяснением сексуальной роли других частей тела. Момент «жажды возбуждения», который привлекается Хохе и И. Блохом для объяснения распространения сексуального интереса на другие части тела, отличные от гениталий, как мне кажется, не заслуживает такого значения. Различные пути, по которым направляется либидо, с самого начала относятся друг к другу как сообщающиеся сосуды, И, кроме того, необходимо принимать в расчет феномен коллатерального течения. [Ср. с. 78.]

[3] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* В типичных случаях у женщины отсутствует «сексуальная переоценка» мужчины, но она почти всегда присутствует по отношению к ею рожденному ребенку.

СЕКСУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ РТА И ГУБ

Использование рта как сексуального органа считается перверсией, если губы (язык) одного человека приходят в соприкосновение с гениталиями другого, но не в том случае, когда прикасаются друг к другу слизистые оболочки губ обоих людей. В последнем исключении состоит присоединение к норме. Кто испытывает *отвращение* как к перверсиям к иным употребительным практикам, существующим, наверное, с доисторических времен человечества, тот поддается при этом явной брезгливости, которая защищает его от принятия такой сексуальной цели. Но граница этой брезгливости нередко чисто условна; кто страстно целует губы красивой девушки, тот, возможно, лишь с отвращением сможет воспользоваться ее зубной щеткой, хотя нет оснований предполагать, что полость его собственного рта, которая ему не противна, чище, чем ротовая полость девушки. Здесь внимание обращается на момент брезгливости, которая препятствует либидинозной переоценке сексуального объекта, но которая, в свою очередь, может преодолеваться либидо. В отвращении хотелось бы усмотреть одну из сил, которые привели к ограничению сексуальной цели. Как правило, на гениталии их действие не распространяется. Однако нет сомнения в том, что и гениталии другого пола сами по себе могут быть предметом отвращения и что такое поведение относится к характеристике всех истеричных больных (главным образом женщин). Силе сексуального влечения нравится утверждать себя в преодолении этого отвращения. (См. ниже [с. 66].)

СЕКСУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАДНЕГО ПРОХОДА

Еще отчетливее, чем в предыдущем случае, становится ясным при использовании заднего прохода, что именно отвращение ставит на эту сексуальную цель клеймо перперверсии. Но не следует истолковывать как пристрастие с моей стороны замечание, что обоснование этого отвращения тем, что эта часть тела служит выделению и соприкасается с самым отвратительным — с экскрементами, — не намного убедительней обоснования истеричными девушками своего отвращения к мужским гениталиям: они, мол, служат для мочеиспускания.

Сексуальная роль слизистой оболочки заднего прохода отнюдь не ограничивается половым сношением между мужчинами, ее предпочтение не имеет ничего характерного для инвертированных чувств. Напротив, педерастия у мужчины, по-видимому, обязана своей ро-

дью аналогии с половым актом с женщиной, тогда как при сношении инвертированных сексуальной целью скорее всего является взаимная мастурбация.

ЗНАЧЕНИЕ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

Распространение сексуальной цели на другие части тела во всех своих вариациях не представляет собой ничего принципиально нового, ничего не добавляет к нашему знанию о половом влечении, которое проявляет в этом только свое намерение овладеть сексуальным объектом по всем направлениям. Но наряду с сексуальной переоценкой при выходе за анатомические границы проявляется второй момент, необычный для общедоступного знания. Определенные части тела, такие, как слизистая оболочка рта и заднего прохода, постоянно используемые в этих практиках, словно претендуют на то, чтобы к ним относились как гениталиям и соответствующим образом с ними обращались. Нам еще предстоит узнать, что это притязание оправдывается развитием сексуального влечения и что оно реализуется в симптоматике некоторых болезненных состояний.

НЕПРИГОДНАЯ ЗАМЕНА СЕКСУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА – ФЕТИШИЗМ

Совершенно особое впечатление производят те случаи, в которых нормальный сексуальный объект заменяется другим, имеющим к нему отношение, но совершенно непригодным для того, чтобы служить нормальной сексуальной цели. В соответствии с принципами классификации мы, наверное, поступили бы более правильно, если бы упомянули эту необычайно интересную группу отклонений полового влечения еще тогда, когда речь шла об отклонениях в отношении сексуального объекта, но мы отложили это до того момента, когда познакомились с моментом *сексуальной переоценки*, от которого зависят эти явления, связанные с отказом от сексуальной цели.

Заменой сексуального объекта становится часть тела, в целом весьма мало пригодная для сексуальных целей (нога, волосы), или неодушевленный объект, имеющий бесспорное отношение к лицу, пробуждающему сексуальные чувства, чаще всего к его сексуальности (предметы одежды, постельное белье). Эта замена вполне правомерно приравнивается к фетишу, в котором дикарь воплощает своего бога.

Переход к случаям фетишизма с отказом от нормальной или извращенной сексуальной цели составляют случаи, в которых, чтобы достигнуть сексуальной цели, требуется присутствие в сексуальном объекте фетишистского условия (определенного цвета волос, одежды и даже физического недостатка). Ни одна другая соприкасающаяся

с патологией вариация сексуального влечения не вызывала у нас такого большого интереса, как эта, из-за странности вызываемых ею явлений. Известное принижение стремления к нормальной сексуальной цели является здесь, по-видимому, предпосылкой для всех случаев (исполнительная слабость полового аппарата)[1]. Связь с нормой опосредуется через психологически необходимую переоценку сексуального объекта, которая неизбежно переносится на все, что с ним ассоциативно связано. Поэтому известная степень такого фетишизма всегда присуща нормальной любви, особенно на тех стадиях влюбленности, когда нормальная сексуальная цель кажется недостижимой или ее осуществление невозможным.

Достань платочек мне с ее груди,
Подвязку хоть на память мне найди![2]

Патологическим случай становится только тогда, когда стремление к фетишу фиксируется, выходя за это условие, и занимает место нормальной цели; далее, когда фетиш теряет связь с определенным лицом, становится единственным сексуальным объектом. Таковы вообще условия перехода просто вариаций полового влечения в патологические отклонения.

Как впервые утверждал Бине [1888], а затем было доказано многочисленными примерами, в выборе фетиша проявляется сохраняющееся влияние сексуального впечатления, полученного чаще всего в раннем детстве, что можно сравнить с вошедшей в поговорку «прилипчивости» первой любви у нормального человека (*«on revient toujours a ses premiers amours*[3] *»)*. Такое происхождение особенно очевидно в случаях исключительной фетишистской обусловленности сексуального объекта. Со значением ранних сексуальных впечатлений мы еще встретимся в другом месте [с. 144][4].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Эта слабость соответствует *конституциональным* условиям. Психоанализ *доказал* влияние сексуального запугивания в раннем детстве как *акцидентного* условия, оттесняющего от нормальной сексуальной цели и побуждающего к ее замене.

[2] [Гете, «Фауст», часть I, 7-я сцена. Перевод Н. Холодковского.]

[3] [Первая любовь всегда помнится (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[4] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Более основательное психоаналитическое исследование привело к правомерной критике утверждения Бине. Все относящиеся к этому наблюдения имеют своим содержанием первое столкновение с фетишем, при котором тот уже вызывает сексуальный интерес, хотя из сопутствующих обстоятельств невозможно понять, каким образом он овладел этим интересом. Кроме того, все эти «ранние» сексуальные впечатления приходятся на возраст после пятого-шестого года, тогда как психоанализ заставляет усомниться в том, могут ли в таком позднем возрасте вновь образовываться пато-

В других случаях к замене объекта фетишем привела символическая связь мыслей, которая большей частью данным человеком не осознается. Пути этих ассоциаций не всегда можно с уверенностью доказать (нога является древним сексуальным символом уже в мифах[1], «мех» обязан своей ролью фетиша ассоциации с волосяном покровом на *mons veneris*[2]); тем не менее и эта символика, по-видимому, не всегда оказывается независимой от сексуальных переживаний детства[3].

(Б) Фиксации на временных сексуальных целях

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ НАМЕРЕНИЙ

Все внешние и внутренние условия, которые затрудняют или отдаляют достижение нормальной сексуальной цели (импотенция, высокая цена сексуального объекта, опасность полового акта), поддерживают, вполне естественно, склонность к тому, чтобы задержаться на подготовительных актах и образовывать из них новые сексуальные цели, которые могут занять место нормаль-

---

логические фиксации. Истинное положение вещей заключается в том, что за первым воспоминанием о появлении фетиша лежит пройденная и забытая фаза сексуального развития, которая заменяется фетишем, словно «покрывающим воспоминанием», остатком и осадком которого и является фетиш. Поворот этой фазы, приходящейся на первые детские годы, в сторону фетишизма, как и выбор самого фетиша, обусловлены конституционально.

[1] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Соответственно ботинок или домашняя туфля является символом женских гениталий.

[2] [Венерин бугор (лат.). — *Примечание переводчика.*]

[3] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Психоанализ восполнил один из имевшихся пробелов в понимании фетишизма, указав на значение утраченного вследствие вытеснения копрофильного *обонятельного удовольствия* для выбора фетиша. Нога и волосы — это сильно пахнущие объекты, которые становятся фетишами после отказа от ставших неприятными обонятельных ощущений. В перверсии, соответствующей фетишизму ноги, сексуальным объектом является лишь грязная, дурно пахнущая нога. Другой материал для объяснения фетишистского предпочтения ноги вытекает из инфантильных сексуальных теорий. (См. ниже [с. 101].) Нога заменяет недостающий пенис у женщины. *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* В некоторых случаях фетишизма ноги удалось доказать, что направленное первоначально на гениталии *влечение к разглядыванию*, стремившееся подобраться к своему объекту снизу, вследствие запрета и вытеснения задержалось на своем пути и поэтому зафиксировалось на ноге или на ботинке как фетише. При этом женские гениталии, соответственно инфантильным ожиданиям, представлялись в фантазии как мужские. [Значение вытеснения обонятельного удовольствия Фрейд также упоминает в анализе «Крысина» (1909*d*; *Studienausgabe*, т. 7, с. 102, далее подробно в двух длинных примечаниях в работе «Недомогание культуры» (1930*a*; *Studienausgabe*, т. 9, с. 229–230, прим., и с. 235–236, прим. 2). О фетишизме речь идет прежде всего в статье Фрейда на эту тему (1927*e*; *Studienausgabe*, т. 3, с. 379–388).]

ных. При ближайшей проверке всегда оказывается, что наметки внешне самых странных из этих новых намерений все же имеются уже при нормальном сексуальном процессе.

ОЩУПЫВАНИЕ И РАЗГЛЯДЫВАНИЕ

Известная доля ощупывания необходима — во всяком случае человеку — для достижения нормальной сексуальной цели. Также общеизвестно, какой источник удовольствия, с одной стороны, и какой приток новой энергии, с другой стороны, достигается благодаря ощущениям от прикосновения к коже сексуального объекта. Поэтому задержку на ощупывании, если только половой акт вообще продолжается, вряд ли можно причислить к перверсиям.

Аналогично обстоит дело с разглядыванием, происходящим в конечном счете из ощупывания. Оптическое впечатление возникает тем же путем, которым чаще всего пробуждается либидинозное возбуждение и на проходимость которого — если допустим такой телеологический подход[1] — рассчитывает племенной отбор, побуждая сексуальный объект развиваться в красивый. Прогрессирующее вместе с культурой сокрытие тела пробуждает сексуальное любопытство, которое стремится к тому, чтобы разоблачением скрытых частей дополнить сексуальный объект, но оно может отвлечься на художественные цели («сублимироваться»), если удается отвлечь его интерес от гениталий и направить его на форму тела в целом[2]. Задержка на этой промежуточной сексуальной цели сексуально подчеркнутого разглядывания в известной степени присуща большинству нормальных людей, более того, она дает им возможность направить известную сумму своего либидо на высшие художественные цели. И наоборот, страсть к разглядыванию становится перверсией, *а)* если она ограничивается исключительно гениталиями, *б)* если она связана с преодолением отвращения (вуайерист: человек, подглядывающий за другим, когда тот отправляет выделительные функции), *в)* если она вытесняет нормальную сексуальную цель, вместо того чтобы подготовить к ее достижению. Последнее особенно выражено у

---

[1] [Эта вставка была добавлена в 1915 году. Ср. прим. на с. 94.]

[2] [Это, по-видимому, первое появившееся в печатном виде употребление выражения «сублимировать». Он также встречается в истории болезни «Доры», которая хотя и была написана раньше, но опубликована позже, чем настоящая работа (см. *Studienausgabe*, т. 6, с. 125 и 181). Этот термин подробнее обсуждается ниже, на с. 85–86. — *Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Мне кажется несомненным, что понятие «красивого» коренится в сексуальном возбуждении и первоначально означает то, что возбуждает сексуально («прелести»). С этим связано то, что сами гениталии, вид которых вызывает сильнейшее сексуальное возбуждение, мы, собственно, никогда не находим «красивыми».

эксгибиционистов, которые, если мне позволено будет сделать вывод на основании ряда анализов[1], показывают свои гениталии для того, чтобы в качестве ответной услуги увидеть гениталии другого[2].

При перверсии, стремление которой состоит в разглядывании и показывании себя, проявляется весьма необычная особенность, которая будет занимать нас еще больше при следующем отклонении. Дело в том, что сексуальная цель проявляется при этом в двух формах — в *активной* и *пассивной.*

Силой, противостоящей стремлению к разглядыванию, а иногда и устраняющей его, является *стыд* (как прежде — отвращение).

САДИЗМ И МАЗОХИЗМ

Склонность причинять боль сексуальному объекту и ее противоположность, эти наиболее часто встречающиеся и самые важные перверсии, в двух ее формах, активной и пассивной, были названы фон Краффтом-Эбингом *садизмом* и *мазохизмом* (пассивная форма). Другие авторы [например, Шренк-Нотцинг (1899)] предпочитают более узкое обозначение *«алголагния»*, подчеркивающее удовольствие от боли, жестокость, тогда как в названиях, выбранных Краффтом-Эбингом, на передний план выдвигаются всякого рода унижение и покорность.

Корни активной алголагнии, садизма, легко можно выявить в нормальном поведении. Сексуальность большинства мужчин обнаруживает примесь *агрессии*, стремления покорять, биологическое значение которого, пожалуй, состоит в необходимости преодолевать сопротивление сексуального объекта еще и другим способом, а не только посредством *ухаживания.* В таком случае садизм соответствовал бы ставшему самостоятельным, чрезмерным агрессивному компоненту сексуального влечения, выдвинувшемуся на главное место благодаря смещению[3].

---

[1] [В изданиях до 1924 года в этом месте говорится: «одного-единственного анализа».]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Анализ выявляет у этой перверсии — как и у большинства других — неожиданное разнообразие ее мотивов и значений. Например, навязчивый эксгибиционизм в значительной мере зависит от комплекса кастрации; он снова и снова подчеркивает целостность собственных (мужских) гениталий и воспроизводит детское удовлетворение по поводу отсутствия члена у женщин. [Ср. с. 101.]

[3] [В изданиях 1905 и 1910 годов в этом месте текст содержал также два следующих предложения: «С такой же определенностью можно вывести по меньшей мере один из корней мазохизма. Он происходит из сексуальной переоценки как неизбежного психического последствия выбора сексуального объекта». С 1915 года два этих предложения были опущены, а вместо них добавлены два следующих абзаца.]

В обычном словоупотреблении понятие садизма колеблется от просто активной, а затем насильственной установки по отношению к сексуальному объекту до исключительной связи удовлетворения с его подчинением и жестоким с ним обращением. Строго говоря, только последний крайний случай имеет право называться перверсией.

Аналогичным образом обозначение «мазохизм» охватывает все пассивные установки по отношению к сексуальной жизни и к сексуальному объекту, крайним выражением которых является связь удовлетворения с переживанием сексуальным объектом физической или душевной боли. Мазохизм как перверсия, по-видимому, больше отдалился от нормальной сексуальной цели, чем его противоположность; сначала следует выразить сомнение, появляется ли он первично и не возникает ли он регулярно скорее вследствие преобразования садизма[1]. Нередко можно видеть, что мазохизм представляет собой не что иное, как продолжение садизма, обращенного против собственной персоны, которая вначале занимает место сексуального объекта. Клинический анализ крайних случаев мазохистской перверсии приводит к взаимодействию целого ряда моментов, которые преувеличивают и фиксируют первоначальную пассивную сексуальную установку (комплекс кастрации, сознание вины).

Преодолеваемая при этом боль присоединяется к отвращению и стыду, которые противопоставлялись либидо в качестве сопротивлений[2].

Садизм и мазохизм занимают особое место среди перверсий, поскольку лежащая в их основе противоположность активности и пассивности относится к общим характерным особенностям сексуальной жизни.

То, что жестокость и половое влечение теснейшим образом взаимосвязаны, вне всякого сомнения, доказывает история человеческой культуры, но при объяснении этой взаимосвязи никто не пошел дальше подчеркивания агрессивного момента либидо. По мнению некоторых авторов, эта примешивающаяся к половому влечению агрессия является, в сущности, остатком каннибальского вожделения, то есть в

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Дальнейшие рассуждения, которые опирались на определенные предположения относительно структуры душевного аппарата и действующих в нем видах влечений, существенно изменили мое суждение о мазохизме. Я пришел к признанию *первичного — эрогенного —* мазохизма, из которого развиваются две последующие формы — *женский* и *моральный* мазохизм. В результате обращения неизрасходованного в жизни садизма против собственной персоны возникает *вторичный* мазохизм, который добавляется к первичному. (См. «Экономическая проблема мазохизма», 1924*c*.).

[2] [Этот короткий абзац присутствовал уже в первом издании (1905); и наоборот, два предыдущих, а также следующий добавились только в 1915 году.]

ней задействован аппарат овладения, служащий удовлетворению другой, в онтогенетическом отношении более древней важной потребности[1]. Также утверждалось, что всякая боль сама по себе содержит возможность ощущения удовольствия. Мы хотим ограничиться впечатлением, что объяснение этой перверсии отнюдь не может считаться удовлетворительным и что при этом, возможно, соединяются несколько душевных стремлений, создавая один эффект[2].

Самая поразительная особенность этой перверсии заключается, однако, в том, что ее активная и ее пассивная формы постоянно встречаются вместе у одного и того же лица. Кто испытывает удовольствие от того, что причиняет другим боль в сексуальном отношении, тот также способен испытывать наслаждение от боли, которая может у него возникать от половых отношений. Садист — это всегда одновременно и мазохист, хотя активная или пассивная сторона перверсии у него может быть выражена сильнее и представлять собой его преобладающую сексуальную деятельность[3].

Мы видим, таким образом, что некоторые из извращенных наклонностей регулярно проявляются как пары противоположностей, чему с учетом приводимого далее материала можно приписать большое теоретическое значение[4]. Кроме того, очевидно, что существование пары противоположностей садизм-мазохизм нельзя непосредственно вывести из примешивания агрессии. Напротив, следовало бы попытаться связать такие одновременно существующие противоположности с объединенной в бисексуальности противоположностью мужского и женского, для которой в психоанализе часто можно ввести противоположность активного и пассивного[5].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Ср. в этой связи последующее сообщение [с. 103–104] о догенитальных фазах сексуального развития, в котором подтверждается этот взгляд.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Из приведенного последним исследования [см. прим. 1 на с. 68] вытекает основанное на происхождении влечения особое положение пары противоположностей садизм–мазохизм, благодаря которому она выделяется из ряда других «перверсий».

[3] Вместо многочисленных доказательств для подтверждения этого я только процитирую место из Хэвлока Эллиса ([1913, 119; 1-е изд.:] 1903): «Все известные случаи садизма и мазохизма, даже приведенные фон Краффтом-Эбингом, всегда имеют следы (как уже доказали Колин Скотт и Фере) обеих групп явлений у одного и того же индивида».

[4] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Ср. последующее упоминание «амбивалентности» [с. 104–105].

[5] [Второго придаточного предложения в изданиях 1905 и 1910 годов еще нет. В издании 1915 года было добавлено следующее придаточное предложение: «значение которой в психоанализе сведено к противоположности активного и пассивного». В 1924 году оно было заменено нынешним текстом.]

(3) ОБЩЕЕ О ВСЕХ ПЕРВЕРСИЯХ

ВАРИАЦИЯ И БОЛЕЗНЬ

Врачи, изучавшие сначала перверсии на ярко выраженных примерах и при особых условиях, разумеется, были склонны приписать им характер болезни или дегенерации точно так же, как при инверсии. Между тем здесь легче, чем там, отклонить это мнение. Повседневный опыт показывает, что большинство этих отклонений, по крайней мере наименее выраженные из них, образуют редко отсутствующую составную часть сексуальной жизни здоровых людей, и считаются ими нормальными наравне с другими интимностями. Там, где этому благоприятствуют обстоятельства, также и нормальный человек может на какое-то время заменить нормальную сексуальную цель такой перверсией или предоставить ей место наряду с первой. Пожалуй, у любого здорового человека имеется то или иное дополнение к нормальной сексуальной цели, которое можно назвать перверсией, и самой по себе такой распространенности достаточно для того, чтобы показать нецелесообразность употребления укоризненного наименования «перверсия». Именно в области сексуальной жизни сталкиваешься с особыми, в настоящее время, собственно говоря, неразрешимыми трудностями, когда пытаешься провести четкую границу между простой вариацией в пределах физиологической области и болезненными симптомами.

Тем не менее у некоторых из этих перверсий качество новой сексуальной цели таково, что требует особой оценки. Известные перверсии настолько удаляются по своему содержанию от нормы, что мы не можем не объявить их «болезненными», особенно те, в которых сексуальное влечение при преодолении сопротивлений (стыда, отвращения, ужаса, боли) проявляется в вызывающих изумление действиях (лизание кала, глумление над трупами). Но и в этих случаях нельзя с уверенностью ожидать, что преступниками всякий раз окажутся лица с иного рода тяжелыми отклонениями или душевнобольные. Также и здесь не уйдешь от факта, что люди, которые в остальных отношениях ведут себя нормально, только в области сексуальной жизни, находясь во власти самого безудержного из всех влечений, проявляют себя как больные. И наоборот, за явной ненормальностью в других жизненных отношениях всякий раз на заднем плане обнаруживается ненормальное сексуальное поведение.

В большинстве случаев мы можем обнаружить болезненный характер перверсии не в содержании новой сексуальной цели, а в ее отношении к норме. Если перверсия появляется не *наряду* с нормой (нормальными сексуальной целью и объектом), где благоприятные

условия содействуют нормальному, а неблагоприятные ему препятствуют, а когда при любых условиях она вытесняет и замещает нормальное; таким образом, в *исключительности* и *фиксации* перверсии мы чаще всего усматриваем основание расценивать ее как болезненный симптом.

ПСИХИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ПРИ ПЕРВЕРСИЯХ

Возможно, именно в самых отвратительных перверсиях следует признать наибольшее участие психики в превращении сексуального влечения. Здесь совершается определенная душевная работа, у которой, несмотря на ее ужасный результат, нельзя отнять значения идеализации влечения. Всемогущество любви нигде, пожалуй, не проявляется так сильно, как в этих ее заблуждениях. Самое высокое и самое низкое повсюду теснейшим образом связаны в сексуальности («с небес в преисподнюю»[1]).

ДВА РЕЗУЛЬТАТА

При изучении перверсий мы пришли к пониманию того, что сексуальное влечение вынуждено бороться с сопротивлением со стороны определенных душевных сил, среди которых отчетливее всего проявляются стыд и отвращение. Можно предположить, что эти силы задействованы в сдерживании влечения в пределах, считающихся нормальными, и если они развились у индивида раньше, чем сексуальное влечение достигло своей полной силы, то, возможно, именно они и задали определенное направление его развитию[2].

Далее мы заметили, что некоторые из исследованных перверсий становятся понятными только при совпадении нескольких мотивов. Если они допускают анализ – разложение, – то это значит, что по своей природе являются составными. Это может послужить нам указанием на то, что и само сексуальное влечение, вероятно, не представляет собой нечто простое, а состоит из компонентов, которые снова отделяются от него в перверсиях. Таким образом, клиника привлекла наше внимание к *слияниям*, утратившим свое выражение в однообразном нормальном поведении[3].

---

[1] [Гёте, «Фауст», Пролог в театре.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* С другой стороны, эти сдерживающие сексуальное развитие силы – отвращение, стыд и мораль – нужно рассматривать как исторический осадок внешних торможений, которые сексуальное влечение испытало в психогенезе человечества. Можно наблюдать, что в развитии отдельного человека они появляются в свое время чуть ли не спонтанно, следуя указаниям воспитания и влиянию извне.

[3] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* По поводу развития перверсий заранее отмечу, что есть основание предполагать, что до их фиксации, точно так же, как при фетишизме, имелись зачатки нормального сексуального развития. *До сих*

(4) СЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ У НЕВРОТИКОВ

ПСИХОАНАЛИЗ

Важное дополнение к знанию о сексуальном влечении у людей, по крайней мере очень близко стоящих к нормальным, можно получить из источника, к которому можно подступиться лишь определенным способом. Существует лишь одно средство, позволяющее получить основательные и не вводящие в заблуждение сведения о половой жизни так называемых психоневротиков (при истерии, неврозе навязчивых состояний, так называемой неврастении, несомненно, при *dementia praecox* и паранойе[1]), а именно если подвергнуть их психоаналитическому исследованию, которым пользуется предложенный Й. Брейером и мной в 1893 году метод лечения, названный тогда «катартическим».

Я должен предпослать или повторить из других публикаций, что эти психоневрозы, насколько богат мой опыт, возникают под воздействием сил сексуального влечения. Я не имею в виду, что энергия сексуального влечения дополняет силы, поддерживающие болезненные явления (симптомы), а категорически утверждаю, что этот компонент является единственно постоянным и самым важным энергетическим источником невроза, а потому сексуальная жизнь данных лиц выражается либо исключительно, либо преимущественно, либо только частично в этих симптомах. Симптомы, как я это указывал в другом месте[2], отражают сексуальное поведение больных. Доказательством этого утверждения послужило мне возрастающее в течение двадцати пяти[3] лет количество психоанализов истерических и других неврозов, о результатах которых по отдельности я дал — и еще буду давать — подробный отчет в других работах[4].

Психоанализ устраняет симптомы истериков исходя из предположения, что эти симптомы являются заменой — так сказать, транс-

---

пор аналитическому исследованию удавалось в отдельных случаях показать, что и перверсия является осадком развития эдипова комплекса, после вытеснения которого вновь проявляется самый сильный по своим задаткам компонент сексуального влечения.

[1] [До 1915 года вместо этих последних пяти слов стояло лишь «вероятно, также при паранойе».]

[2] [«Фрагмент анализа одного случая истерии» (1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 179).]

[3] [В издании 1905 года здесь стояло «в течение десяти лет»; в каждом новом издании вплоть до 1920 года это число возрастало.]

[4] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Это будет лишь уточнением, но не ограничением данного положения, если я изменю его следующим образом: нервные симптомы основываются, с одной стороны, на притязаниях либидинозных влечений, а с другой стороны — на требованиях Я, то есть на реакции против них.

крипцией — ряда аффективно катектированных душевных процессов, желаний и стремлений, которым вследствие особого психического процесса *(вытеснения)* отказано в доступе к осуществлению посредством осознанной психической деятельности. Эти мыслительные образования, удерживаемые в состоянии бессознательного, стремятся найти выражение, сообразное их аффективной ценности, достичь *отвода*, и они находят его при истерии посредством процесса *конверсии* в соматических феноменах — как раз в истерических симптомах. При искусном, проведенном с использованием особых приемов обратном превращении симптомов аффективно катектированные представления, ставшие теперь осознанными, позволяют получить самые точные сведения о природе и происхождении этих ранее бессознательных психических образований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Таким образом стало известно, что симптомы представляют собой замену стремлений, заимствующих свою энергию из источников сексуального влечения. В полном согласии с этим находится все, что мы знаем о характере истериков, взятых здесь в качестве образца всех психоневротиков, до их заболевания и о поводах к этому заболеванию. В истерическом характере можно распознать некоторую долю *сексуального вытеснения*, выходящую за пределы нормы, усиление сопротивлений сексуальному влечению, известных нам в виде стыда, отвращения и морали, и своего рода инстинктивное бегство от интеллектуальных занятий сексуальной проблемой, в результате которого в наиболее ярких случаях вплоть до наступления половой зрелости сохраняется полное сексуальное неведение[1].

Эта существенная для истерии черта характера нередко оказывается незаметной для грубого наблюдения из-за наличия второго конституционального фактора истерии — чересчур выраженного сексуального влечения; но психологический анализ всякий раз умеет его раскрывать и разрешать противоречивую загадочность истерии путем выявления пары противоположностей — слишком сильной сексуальной потребности и чрезмерного отрицания сексуальности.

---

[1] «Этюды об истерии», 1895. (Брейер и Фрейд.) Й. Брейер говорит о своей пациентке, к которой впервые применил катартический метод: «Сексуальный момент был удивительно неразвит». [Речь идет о пациентке Анне О., история болезни которой среди описаний случаев в «Этюдах» приводится первой.]

Для предрасположенного к истерии человека повод к заболеванию возникает тогда, когда вследствие продолжающегося собственного созревания или внешних жизненных условий он всерьез соприкасается с реальными сексуальными требованиями. В таком случае из конфликта между натиском влечения и противодействующим отвержением сексуальности находится выход в болезнь, который не разрешает конфликт, а пытается избежать его путем превращения либидинозных стремлений в симптомы[1]. Если истеричный человек, к примеру мужчина, заболевает от какого-нибудь банального эмоционального проявления, от конфликта, в центре которого не имеется сексуального интереса, то такое исключение — только кажущееся. Психоанализ всякий раз может тогда доказать, что именно сексуальный компонент конфликта сделал возможным заболевание, не позволив душевным процессам совершаться нормальным образом.

НЕВРОЗ И ПЕРВЕРСИЯ

Добрая часть критики этих моих положений, пожалуй, объясняется тем, что сексуальность, из которой я вывожу психоневротические симптомы, отождествляют с нормальным сексуальным влечением. Но психоанализ учит еще большему. Он показывает, что симптомы отнюдь не возникают (по крайней мере, исключительно или преимущественно) только за счет так называемого *нормального* сексуального влечения, а представляют собой конвертированное выражение влечений, которые были бы названы *извращенными* (в широком смысле), если бы их можно было проявить непосредственно в воображаемых намерениях и в поступках без отвлечения от сознания. Таким образом, симптомы отчасти образуются за счет *ненормальной* сексуальности; *невроз – это, так сказать, негатив перверсии*[2].

В сексуальном влечении психоневротиков можно выявить все отклонения, которые мы изучили в качестве вариаций нормальной и выражений болезненной сексуальной жизни.

(а) У всех невротиков (без исключения) в бессознательной душевной жизни имеются побуждения к инверсии, к фиксации либи-

---

[1] [К этой теме Фрейд затем обращается в работе «О типах невротического заболевания» (1912*с*).]

[2] [Эта мысль содержится также в истории болезни «Доры» (1905*е*, *Studienausgabe* т. 6, с. 125).] Ясно сознаваемые фантазии извращенных людей, которые при благоприятных обстоятельствах обращаются в действия, бредовые опасения параноиков, во враждебном смысле проецируемые на других, и раскрываемые психоанализом бессознательные фантазии истериков, стоящие за их симптомами, по содержанию совпадают до мелейших деталей

до на лицах того же пола. Без детального обсуждения невозможно должным образом оценить значение этого момента для формирования картины болезни; я могу только заверить, что бессознательная склонность к инверсии всегда присутствует, и именно она во многом помогает объяснить, в частности, мужскую истерию[1].

(б) В качестве моментов, приводящих к образованию симптомов, у психоневротиков можно выявить наличие в бессознательном всевозможных склонностей к выходу за анатомические границы, а среди них с особой частотой и интенсивностью те, при которых ролью гениталий наделяется слизистая оболочка рта и заднего прохода.

(в) Совершенно исключительную роль среди факторов, приводящих к образованию симптомов, при психоневрозах играют парциальные влечения[2], которые проявляются в основном в парах противоположностей и с которыми мы познакомились как с носителями новых сексуальных целей, — влечение к разглядыванию и выставлению себя напоказ, а также активно и пассивно выраженное влечение к жестокости. Вклад последнего необходим для понимания характера страдания, доставляемого симптомом, и почти всегда он определяет некоторые особенности социального поведения больных. Благодаря этой связи жестокости с либидо осуществляется превращение любви в ненависть, нежных побуждений во враждебные, которые характерны для целого ряда невротических случаев и даже, как представляется, для паранойи.

Интерес к этим результатам возрастает еще больше из-за некоторых особенностей фактического положения вещей[3].

(α) Там, где в бессознательном обнаруживается такое влечение, которое способно составлять пару с противоположностью, постоянно можно выявить действие и этой противоположности. То есть

---

[1] Очень часто психоневроз сочетается с явной инверсией, при этом гетеросексуальная направленность становится жертвой полного подавления. Сообщая, что впервые я обратил внимание на неизбежную всеобщность склонности к инверсии у психоневротиков благодаря личным высказываниям В. Флисса из Берлина, я лишь отдаю должное побуждению, выпавшему на мою долю, после чего я обнаружил ее в отдельных случаях. *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Этот недостаточно оцененный факт должен был бы оказать решающее влияние на все теории гомосексуализма.

[2] [Термин «парциальные влечения» впервые появляется здесь в напечатанном виде; и наоборот, как таковое это *понятие* было введено выше, на с. 71.]

[3] [В изданиях до 1920 года перечислялись три такие «особенности». В отношении первой, в дальнейшем опущенной, говорилось: «Среди бессознательных последовательностей мыслей при неврозах не встречается ничего, что соответствовало бы склонности к фетишизму; данное обстоятельство, пожалуй, проливает свет на психологическую особенность этой хорошо изученной перверсии».]

любая «активная» перверсия сопровождается своим «пассивным» дополнением; кто в бессознательном эксгибиционист, тот одновременно и вуайерист, кто страдает от последствий вытеснения садистских побуждений, у того находится и другое подкрепление симптомов из источников мазохистской наклонности. Полное соответствие с поведением «позитивных» перверсий, разумеется, очень важно. Однако в картине болезни доминирующую роль играет та или другая из противоположных наклонностей.

(β) В более выраженном случае психоневроза лишь изредка встречается развитым единственное из этих извращенных влечений чаще всего обнаруживается их большее количество и, как правило, — следы всех; но отдельное влечение по своей интенсивности не зависит от развития других. Также и здесь изучение позитивных перверсий выявляет их точную противоположность.

(5) ПАРЦИАЛЬНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ И ЭРОГЕННЫЕ ЗОНЫ[1]

Если сопоставить то, что мы узнали из исследования позитивных и негативных перверсий, то напрашивается мысль свести их к ряду «парциальных влечений», которые, однако, не представляют собой нечто первичное, а допускают дальнейшее разложение[2]. Под «влечением» мы понимаем прежде всего не что иное, как психическую репрезентацию непрерывно текущих, интрасоматических источников раздражения, в отличие от «раздражения», которое вызывается отдельными и поступающими извне возбуждениями. Таким образом, влечение — это одно из понятий, разграничивающих душевное и телесное. Самым простым и напрашивающимся предпо-

[1] [Это, по-видимому, первое появление в печати термина «эрогенные зоны» Он встречается в одном из пассажей в разделе I истории болезни «Доры» (1905*e* *Studienausgabe*, т. 6, с. 126), которая предположительно была написана еще в 1901 году. Очевидно, термин создан по аналогии с обозначением «истерогенная зона», который уже был общеупотребительным.]

[2] [С этого места и до конца данный абзац датирован 1915 годом. В двух первых изданиях (1905 и 1910 годов) в этом месте стояли два следующих предложения: «Наряду с несексуальным самим по себе “влечением”, происходящим из источников моторных импульсов, в них [парциальных влечениях] выделяют вклад органа, принимающего раздражители (кожи, слизистой оболочки, органа чувств). Последний следует обозначить здесь как *эрогенную зону*, как тот орган, возбуждение которого придает влечению сексуальный характер». Скорректированная формулировка относится к тому времени, когда Фрейд писал работу «Влечения и их судьбы» (1915*c*), в которой данная тема исследуется подробно.]

ложением о природе влечений было бы то, что сами по себе они никаким качеством не обладают, а могут приниматься во внимание только в качестве меры рабочей нагрузки на душевную жизнь. То, что отличает друг от друга влечения и наделяет их особыми свойствами, — это их отношение к своим соматическим *источникам* и к своим *целям*. Источником влечения является возбуждающий процесс в неком органе, а ближайшая цель влечения состоит в устранении этого раздражения органа[1].

Дальнейшая предварительная гипотеза в теории влечений, от которой мы не можем уклониться, гласит, что от органов тела поступают двоякого рода возбуждения, обусловленные различием их химической природы. Один из этих видов возбуждения мы обозначаем как специфически сексуальный, а данный орган — как *«эрогенную зону»* исходящего от него парциального сексуального влечения[2].

В случае извращенных наклонностей, при которых сексуальное значение придается ротовой полости и заднепроходному отверстию, роль эрогенной зоны вполне очевидна. Во всех отношениях она выступает как часть полового аппарата. При истерии эти части тела и исходящие от них тракты слизистой оболочки становятся местом появления новых ощущений и изменений иннервации — более того, процессов, которые можно сравнить с эрекцией[3], — совершенно так же, как настоящие гениталии под влиянием возбуждения, возникающего при нормальных половых процессах.

Значение эрогенных зон как побочных аппаратов и суррогатов гениталий наиболее отчетливо среди всех психоневрозов проявляется при истерии; но это не должно означать, что им можно пренебрегать при других формах заболевания. Оно здесь лишь менее заметно, потому что при них (неврозе навязчивых состояний, паранойе) образование симптомов происходит в областях душевного аппарата, более удаленных от центров, отвечающих за управление телом. При неврозе навязчивых состояний больше бросается в глаза значение импульсов, которые создают новые сексуальные цели и кажутся независимыми от эрогенных зон. И все же при раз-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Теория влечений — это самая важная но вместе с тем и самая сырая часть психоаналитической теории. В своих более поздних работах («По ту сторону принципа удовольствия», 1920*g*, «Я и Оно» 1923*b*) я занимался дальнейшей разработкой теории влечений.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Нелегко здесь обосновать эти гипотезы, почерпнутые из исследования определенного класса невротических заболеваний. Но с другой стороны невозможно сказать что-либо веское о влечениях не упомянув эти предположения.

[3] [Слова во вставке были добавлены в 1920 году.]

глядывании и эксгибиционизме глаз соответствует эрогенной зоне. когда речь идет о таких компонентах сексуального влечения, как боль и жестокость, такую же роль играет кожа, которая в отдельных участках тела дифференцировалась в органы чувств и модифицировалась в слизистую оболочку в качестве эрогенной зоны κατ ἐξοχήν[1]

(6) ОБЪЯСНЕНИЕ КАЖУЩЕГОСЯ ПРЕОБЛАДАНИЯ ИЗВРАЩЕННОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ ПРИ ПСИХОНЕВРОЗАХ

В результате предшествовавших рассуждений сексуальность психоневротиков, возможно, оказалась представлена в ложном свете. Может показаться, что из-за своих врожденных особенностей психоневротики в сексуальном поведении очень приблизились к извращенным людям и настолько же отдалились от нормальных. Но вполне возможно, что конституциональное предрасположение этих больных помимо чрезмерной степени сексуального вытеснения и чрезвычайной силы сексуального влечения заключает в себе еще и необычайную склонность к перверсии в самом широком смысле слова; однако исследование более легких случаев показывает, что последнее предположение не обязательно или что, по крайней мере при оценке болезненных эффектов, необходимо вычесть воздействие одного фактора. У большинства психоневротиков заболевание возникает только после наступления пубертата под влиянием требований нормальной половой жизни. Против этого в первую очередь и направляется вытеснение. Или же заболевания возникают позднее, когда либидо получает отказ в удовлетворении нормальным путем. В обоих случаях либидо ведет себя как поток, главное русло которого запружено; оно заполняет коллатеральные пути, остававшиеся прежде свободными. Тем самым и кажущаяся столь большой (хотя и негативная) склонность психоневротиков к перверси-

[1] Здесь нужно вспомнить положение Молля, который разделяет сексуальное влечение на влечения к контректации и детумесценции. Контректация означает потребность в прикосновении к коже. [Влечение к детумесценции было описано Моллем (1898) как стремление к разрядке напряжения посредством толчкообразных движений полового органа, влечение к контректации — как стремление вступить в соприкосновение с другим человеком. Он считал, что в развитии индивида последний импульс появляется позже, чем первый (см. также ниже, с. 87, прим. 2).]

ям может быть обусловлена коллатеральным течением, или, во всяком случае, это коллатеральное течение должно усилиться. Но факт заключается в том, что сексуальное вытеснение как внутренний фактор должно быть поставлено в один ряд с теми внешними факторами, которые, подобно ограничению свободы, недоступности нормального сексуального объекта, опасности нормального полового акта и т. д., вызывают перверсии у индивидов, которые в противном случае, возможно, остались бы нормальными.

В отдельных случаях неврозов дело может обстоять по-разному; один раз определяющим является врожденная величина извращенной наклонности, в другой раз – ее коллатеральное усиление вследствие оттеснения либидо от нормальной сексуальной цели и сексуального объекта. Было бы неправильно конструировать противоположность там, где имеются отношения кооперации. Наиболее яркие проявления невроза имеют место тогда, когда конституция и переживание действуют сообща в одном направлении. Резко выраженная конституция сможет, пожалуй, обойтись без поддержки со стороны жизненных впечатлений, сильное потрясение в жизни вызовет, пожалуй, невроз и при средней конституции. Впрочем, эти положения в той же мере касаются этиологического значения врожденного и случайно пережитого также и в других областях.

Если предпочесть гипотезу, что особенно выраженная склонность к перверсиям все же относится к особенностям психоневротической конституции, то появляется перспектива выделить – в зависимости от врожденного преобладания той или иной эрогенной зоны, того или иного парциального влечения – многообразие таких конституций. Соответствует ли врожденному предрасположению к перверсиям особое отношение к выбору определенной формы заболевания, – это, как и многое другое в этой области, пока еще не исследовано.

(7) ССЫЛКА НА ИНФАНТИЛИЗМ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Доказательством того, что извращенные побуждения являются факторами, ведущими к образованию симптомов при психоневрозах, мы чрезвычайным образом увеличили число людей, которых можно было бы причислить к извращенным. Дело не только в том, что сами невротики представляют собой очень многочисленный класс людей, – необходимо также учесть, что неврозы во всех своих

формах сплошными рядами постепенно переходят в здоровье; ведь мог же Мёбиус с полным основанием утверждать, что все мы немного истеричны. Тем самым вследствие невероятного распространения перверсий мы вынуждены допустить, что и предрасположение к перверсиям не является редкой особенностью, а должно быть частью конституции, считающейся нормальной.

Мы слышали, что вопрос о том, сводятся ли перверсии к врожденным условиям или возникают благодаря случайным переживаниям, как это предполагал Бине в отношении фетишизма [см. с. 64], является спорным. Теперь мы можем предложить его решение: разумеется, в основе перверсий лежит нечто врожденное, но нечто такое, *что является врожденным у всех людей,* что в качестве наследственных задатков колеблется в своей интенсивности и ждет усиления благодаря влияниям жизни. Речь идет о врожденных, закрепленных в конституции корнях сексуального влечения, развившихся в одном ряде случаев до настоящих носителей сексуальной деятельности (перверсии), в других случаях подвергающихся недостаточному подавлению (вытеснению), в результате чего они могут обходным путем — в виде симптомов болезни — привлечь к себе значительную часть сексуальной энергии, тогда как в наиболее благоприятных случаях благодаря действенному ограничению и иной переработке, минуя обе крайности, развивается так называемая нормальная сексуальная жизнь.

Но далее мы скажем, что предполагаемую конституцию, обнаруживающую зачатки всех перверсий, можно выявить лишь у ребенка, хотя все влечения у него могут проявляться только с умеренной интенсивностью. Если же нам напрашивается формулировка, что невротики сохранили у себя инфантильное состояние сексуальности или к нему вернулись, то нам следует обратить свой интерес к сексуальной жизни ребенка и проследить за игрой влияний, определяющих процесс развития детской сексуальности вплоть до его исхода в перверсии, неврозе или нормальной половой жизни.

II
ИНФАНТИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ИНФАНТИЛЬНЫМ

Популярное мнение о половом влечении состоит в том, что в детстве оно отсутствует и пробуждается только в период жизни, называемый пубертатом. Но это не простое, а чреватое последствиями заблуждение, поскольку именно оно прежде всего повинно в нашем нынешнем незнании основных условий сексуальной жизни. Обстоятельное исследование сексуальных проявлений в детстве, вероятно, открыло бы нам существенные черты полового влечения, показало бы его развитие и образование из различных источников.

Примечательно, что авторы, занимающиеся объяснением свойств и реакций взрослого индивида, уделяли гораздо больше внимания доисторическому времени, жизни предков, то есть приписывали гораздо больше влияния наследственности, чем другому доисторическому времени, которое приходится уже на индивидуальное существование человека, а именно детство. Однако следовало бы подумать, что влияние этого периода жизни легче понять и что оно с большим основанием должно привлекать к себе внимание, чем влияние наследственности[1]. Хотя в литературе встречаются случайные замечания о преждевременных проявлениях сексуальности у маленьких детей, об эрекции, мастурбации и даже о напоминающих коитус попытках, но только как об исключительных процессах, как о курьезах или как об отталкивающих примерах ранней испорченности. Насколько я знаю, ни один автор не имел четкого представления о закономерностях сексуального влечения в детстве, и в многочисленных сочинениях о развитии ребенка глава «Сексуальное развитие» чаще всего отсутствует[2].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Невозможно также правильно оценить долю, причитающуюся наследственности, не оценив по достоинству долю, принадлежащую детству.

[2] Высказанное здесь утверждение мне самому показалось потом настолько смелым, что я решил проверить его, еще раз просмотрев литературу. В результате этой проверки я оставил его без изменений. Научная проработка телесных и душевных феноменов сексуальности в детском возрасте находится еще в зачаточном состоянии. Один автор, С. Белл (1902 [327]), утверждает: *«I know of no scientist, who has given a careful analysis of the emotion as it is seen in the adolescent»* [«Я не знаю ни одного ученого, который дал бы обстоятельный анализ эмоции в том виде, как она выглядит у подростка» (англ.). — *Примечание переводчика.*] Соматические сексу-

ИНФАНТИЛЬНАЯ АМНЕЗИЯ

Причину этого удивительного пренебрежения я усматриваю, с одной стороны, в конвенциональных соображениях, с которыми авторы считаются вследствие своего собственного воспитания, с другой стороны — в психическом феномене, который до сих пор не поддавался объяснению. Я имею в виду своеобразную *амнезию*, которая у большинства людей (но не у всех!) покрывает их раннее детство до шестого или восьмого года жизни. До сих пор нам не приходило в голову удивляться факту такой амнезии, хотя у нас имеются веские причины для этого. Ибо нам рассказывают, что в эти годы, о которых мы позднее ничего не сохранили в памяти, кроме нескольких непонятных отрывков воспоминаний, мы живо реагировали на впечатления; что умели по-человечески выражать горе и радость, проявляли любовь, ревность и другие страсти, которые нас сильно тогда волновали; что мы даже делали высказывания, которые отмечались взрослыми как доказательства нашего понимания и пробуждающейся способности суждения. И обо всем этом, став взрослыми, сами мы ничего не знаем. Почему наша память так отстает от других наших душевных функций? Ведь у нас есть основание полагать, что ни в какой другой период жизни она не была более восприимчива и способна к воспроизведению, чем именно в годы детства[1].

альные проявления до пубертата привлекли внимание только в связи с явлениями вырождения и как признаки вырождения. Глава о любовной жизни детей отсутствует во всех описаниях психологии этого возраста, которые я прочел, например, в известных трудах Прейера [1882], Болдуина (1895), Пере (1886), Штрюмпеля (1899), Карла Грооса (1904), Т. Хеллера (1904), Салли (1895) и др. Самое лучшее представление о нынешнем положении вещей в этой области получаешь из журнала «Детские ошибки» (с 1896 года). И все же убеждаешься, что существование любви в детском возрасте открывать больше не нужно. Пере (1886 [272 и далее]) выступает в ее защиту, у К. Грооса (1899) упоминается как нечто общеизвестное, «что некоторым детям уже в очень раннем возрасте доступны сексуальные побуждения, и они испытывают желание прикасаться к лицам противоположного пола» (с. 326); самый ранний случай проявления половых любовных побуждений (*sex love*) в серии наблюдений С. Белла (1902 [330]) относился к ребенку в возрасте двух с половиной лет. В этой связи см. также работу Хэвлока Эллиса «Половое чувство» (перевод Курелла), 1903, приложение, II [приложение Б].

[Дополнение, сделанное в 1910 году:] После появления широко задуманного труда Стэнли Холла (1904) вышеупомянутое суждение о литературе по детской сексуальности становится уже недействительным. Недавно появившаяся книга А. Молля (1909) не дает повода к подобной модификации. См. зато: Блейлер (1908) *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* В книге доктора г. фон Хуг-Хелльмут (1913) в достаточной мере учтен сексуальный фактор, которым доселе пренебрегали.

[1] Одну из проблем, связанных с детскими воспоминаниями, я попытался решить в статье «О покрывающих воспоминаниях» (1899*a*). *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Ср. «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*), глава IV

С другой стороны, мы должны предположить или можем убедиться благодаря психологическому исследованию, проведенному над другими, что те же самые впечатления, которые мы позабыли, тем не менее оставили после себя глубочайшие следы в нашей душевной жизни и оказали решающее влияние на наше дальнейшее развитие. Речь, следовательно, идет вовсе не о действительном разрушении детских впечатлений, а об амнезии, подобной той, которую мы наблюдаем у невротиков в отношении более поздних переживаний и сущность которой состоит просто в недопущении в сознание (вытеснении). Но какие силы осуществляют это вытеснение детских впечатлений? Кто разрешил бы эту загадку, тот объяснил бы, пожалуй, и истерическую амнезию.

И все же не упустим случая подчеркнуть, что существование инфантильной амнезии создает новую точку соприкосновения между душевным состоянием ребенка и психоневротика. Прежде [с. 80] мы уже встречались с другой точкой соприкосновения, когда нам напрашивалась формулировка, гласящая, что сексуальность психоневротиков сохранилась на детской позиции или вернулась к ней. Не следует ли в конце концов и саму инфантильную амнезию опять-таки связать с сексуальными побуждениями детства!

Впрочем, идея связать инфантильную амнезию с истерической – нечто большее, чем просто остроумная игра мысли. Истерическая амнезия, служащая вытеснению, объясняется только тем обстоятельством, что индивид уже обладает богатством воспоминаний, которыми он не может сознательно распоряжаться и которые теперь по ассоциативной связи притягивают к себе то, на что действуют со стороны сознания отталкивающие силы вытеснения[1]. Без инфантильной амнезии, можно сказать, не было бы истерической амнезии.

Я полагаю, что инфантильная амнезия, превращающая у каждого человека его детство, так сказать, в *доисторическое* время и скрывающая от него начало его собственной половой жизни, повинна в том, что детскому возрасту в целом не придают значения в развитии сексуальной жизни. Единичный наблюдатель не может восполнить возник-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Механизм вытеснения нельзя понять если принимать во внимание только один из этих двух взаимодействующих процессов. Сравнением может послужить способ, которым туриста поднимают на вершину большой пирамиды в Гизе; с одной стороны, его подталкивают, а с другой – тянут. [Ср. Фрейд, «Вытеснение» (1915*d*).]

ший таким образом пробел в нашем знании. В 1896 году[1] я уже подчеркивал значение детских лет для возникновения некоторых важных феноменов, зависящих от половой жизни, и с тех пор не переставал выдвигать на передний план инфантильный момент в сексуальности.

[1] СЕКСУАЛЬНЫЙ ЛАТЕНТНЫЙ ПЕРИОД ДЕТСТВА И ЕГО ПРОРЫВЫ

Чрезвычайно часто встречающиеся проявления в детстве сексуальных побуждений, якобы противоречащих правилам и возникающих как исключение, а также раскрытие доселе бессознательных детских воспоминаний невротиков позволяют набросать примерную картину сексуального поведения в детском возрасте[2].

Кажется несомненным, что новорожденный появляется на свет, обладая зачатками сексуальных побуждений, которые в течение какого-то времени продолжают развиваться, но затем все больше и больше подвергаются подавлению, которое в свою очередь прерывается из-за закономерных скачков в сексуальном развитии и может задерживаться вследствие индивидуальных особенностей. О закономерности и периодичности этого осциллирующего хода развития ничего в точности не известно. Вместе с тем представляется, что сексуальная жизнь детей в возрасте приблизительно трех или четырех лет выражается в форме, доступной для наблюдения[3].

---

[1] [Например, в конце раздела I статьи, в которой рассматривается этиология истерии (1896c, *Studienausgabe*, т. 6, с. 63).]

[2] Последний материал может быть использован благодаря правомерному ожиданию, что детские годы будущих невротиков не могут существенно отличаться от детских лет будущих здоровых людей, они различаются только в отношении интенсивности и отчетливости. [Последняя часть предложения после запятой была добавлена в 1915 году.]

[3] Возможную анатомическую аналогию с постулируемым мной поведением инфантильной сексуальной функции содержит открытие Байера (1902), что внутренние половые органы (матка) новорожденных, как правило, больше, чем у детей старшего возраста. Однако мнение по поводу такой инволюции после рождения, которую Хальбан установил и в отношении других частей генитального аппарата, окончательно не сложилось. Согласно Хальбану (1904), этот процесс обратного развития после нескольких недель внеутробной жизни оканчивается *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* В свою очередь авторы, рассматривающие интерстициальную часть половой железы как орган, определяющий пол, в результате анатомических исследований пришли к выводу о существовании инфантильной сексуальности и сексуального латентного периода. Я приведу цитату из упомянутой на с. 58 книги Липшютца о пубертатной железе: «Гораздо более будет соответствовать фактам, если сказать, что созревание половых признаков, как оно происходит в пубертате, основывается лишь на существенно ускоренном протекании процессов, которые начались значительно раньше, — по наше-

СЕКСУАЛЬНЫЕ ТОРМОЖЕНИЯ

В этот период полной или только частичной латентности создаются душевные силы, которые позднее в виде препятствий встают на пути сексуального влечения и как плотины суживают его направление (отвращение, чувство стыда, эстетические и моральные идеальные требования). В случае культурного ребенка создается впечатление, что сооружение этих плотин — продукт воспитания, и, несомненно, воспитание во многом этому содействует. На самом деле это развитие обусловлено органически, зафиксировано наследственно и иногда может происходить совсем без содействия воспитания. Воспитание отнюдь не выходит за пределы отведенной ему сферы влияния и ограничивается только тем, что следует за органически предопределенным, придавая ему более четкое и глубокое выражение.

РЕАКТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СУБЛИМАЦИЯ

Какими средствами создаются эти конструкции, столь важные для последующей личной культуры и соответствия норме? Вероятно, за счет самих инфантильных сексуальных побуждений, приток которых, следовательно, не прекратился и в этот латентный период, но энергия которых — полностью или большей частью — отводится от сексуального использования и поставляется для других целей. Историки культуры, по-видимому, согласны с предположением, что благодаря такому отклонению сил сексуального влечения от сексуальных целей и направлению их на новые цели — процессу, заслуживающему название *сублимации*, — приобретаются важнейшие компоненты для всех культурных свершений. Мы бы добавили, что такой же процесс развертывается в развитии отдельного индивида, и помещаем его начало в сексуальный латентный период детства[1].

му мнению, еще в эмбриональной жизни» (1919, 168). *«То, что до сих пор просто называлось пубертатом, вероятно, представляет собой только вторую большую фазу пубертата, которая начинается в середине второго десятилетия...* Детский возраст от рождения до начала второй большой фазы можно было бы назвать "*промежуточной фазой пубертата*"» (там же, с. 170). Это подчеркнутое в реферате [книги Липшютца] Ференци (1920) согласование анатомических данных с психологическим наблюдением нарушается лишь указанием на то, что *«первый кульминационный пункт»* развития сексуального органа приходится на ранний эмбриональный период, тогда как ранний расцвет детской сексуальной жизни следует отнести к третьему и четвертому году жизни. Полного совпадения во времени анатомического формирования и психического развития, конечно, не требуется. Данные исследования были проведены на половой железе человека. Поскольку у животных латентного периода в психологическом смысле не бывает, было бы важно знать, можно ли выявить и у других высших животных такие же анатомические данные, на основании которых авторы предполагают наличие двух кульминационных пунктов сексуального развития.

[1] Название «сексуальный латентный период» я также заимствую у В. Флисса

Также и относительно механизма такой сублимации можно отважиться сделать предположение. Сексуальные побуждения этих детских лет, с одной стороны, не могут найти себе применения, поскольку функции продолжения рода появляются позже, что и составляет главную особенность латентного периода, с другой стороны, они сами по себе являются извращенными, то есть исходят из эрогенных зон и руководствуются влечениями, которые при данном направлении развития индивида могут вызывать только ощущения неудовольствия. Поэтому они пробуждают противоположные душевные силы (реактивные побуждения), сооружающие упомянутые психические плотины — отвращение, стыд и мораль, — для действенного подавления такого неудовольствия[1].

ПРОРЫВЫ ЛАТЕНТНОГО ПЕРИОДА

Не обманывая себя относительно гипотетической природы и недостаточной ясности нашего понимания процессов детского латентного периода, или периода отсрочки, вернемся к действительности и укажем, что такое применение детской сексуальности представляет собой идеал воспитания, от которого развитие индивида, как правило, в каком-либо месте отступает и зачастую в значительной степени. Время от времени прорывается какая-то часть сексуальных проявлений, которая не поддалась сублимации, или на протяжении всего латентного периода сохраняется некая сексуальная деятельность вплоть до усилившегося прорыва сексуального влечения в пубертате. Воспитатели ведут себя, если они вообще обращают внимание на детскую сексуальность, точно так, как будто они разделяют наши взгляды на образование моральных защитных сил за счет сексуальности и как будто знают, что сексуальное поведение ребенка не поддается воспитанию, ибо они преследуют все сексуальные проявления ребенка как «пороки», не будучи в состоянии что-либо с ними поделать. Но у нас все основания направить свой интерес на эти внушающие воспитателям страх феномены, потому что мы ждем от них объяснения первоначальной формы полового влечения.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* В обсуждаемом здесь случае сублимация сил сексуального влечения осуществляется путем реактивного образования. В целом, однако, сублимацию и реактивное образование в понятийном отношении можно отделять друг от друга как два различных процесса. Сублимация может также происходить благодаря другим и более простым механизмам. [Дальнейшее теоретическое обсуждение сублимации содержится в разделе III работы Фрейда, посвященной нарцизму (1914*c*), а также во многих местах эссе «Я и Оно» (1923*b*, главы III, IV и V).]

[2] ПРОЯВЛЕНИЯ ИНФАНТИЛЬНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

СОСАНИЕ По мотивам, которые станут понятны позднее, среди проявлений инфантильной сексуальности мы хотим взять в качестве образца *сосание*, которому венгерский детский врач Линднер посвятил превосходный научный трактат (1879).

Сосание, которое появляется уже у младенца и может продолжаться вплоть до зрелого возраста или сохраняться всю жизнь, состоит в ритмически повторяющемся сосущем прикосновении ртом (губами), причем цель принятия пищи исключена. Часть самих губ, язык, любой другой участок кожи, который можно достать, даже большой палец ноги, используются как объекты сосания. Появляющееся при этом стремление хватать выражается посредством одновременного ритмического дерганья за мочку уха и может воспользоваться для этой же цели частью тела другого человека (чаще всего ухом). Сосание сопровождается полным поглощением внимания, ведет к засыпанию или даже к моторной реакции, напоминающей оргазм[1]. Нередко сосание сочетается с потирающим прикосновением к определенным чувствительным участкам тела, груди, наружных гениталий. Таким путем многие дети приходят от сосания к мастурбации.

Сам Линднер[2] ясно понимал и безоговорочно подчеркивал сексуальную природу этих действий. В детском возрасте сосание часто приравнивается к другим сексуальным «дурным привычкам» ребенка. Со стороны многих детских врачей и невропатологов высказывалось энергичное возражение против такого понимания, которое отчасти основывается на смешении «сексуального» и «генитального». Это возражение поднимает сложный, но неизбежный вопрос, по каким общим характеристикам мы намерены распознавать сексуальные проявления ребенка. Я думаю, что взаимосвязь явлений, которая нам стала понятной благодаря психоаналитическому исследованию, позволяет нам считать сосание выражением сексуаль-

---

[1] Уже здесь проявляется то, что сохраняет свое значение в течение всей жизни: сексуальное удовлетворение представляет собой наилучшее снотворное средство. Большинство случаев нервной бессонницы объясняется сексуальной неудовлетворенностью. Известно, что бессовестные няньки усыпляют плачущих детей поглаживанием их гениталий.

[2] [Этот абзац был добавлен в 1915 году, а именно вместо абзаца, содержавшегося в изданиях 1905 и 1910 годов, в котором на данном примере детского сексуального поведения критиковались воззрения Молля (ср. выше, с. 78, прим.),

ности и именно на ее примере изучать важные свойства инфантильной сексуальной деятельности[1].

АУТОЭРОТИЗМ

Мы обязаны разобрать этот пример подробно. В качестве наиболее бросающейся в глаза особенности этого сексуального поведения подчеркнем, что влечение не направлено на других людей; оно удовлетворяется на собственном теле, оно является *аутоэротическим*, если употребить удачное выражение, введенное Хэвлоком Эллисом [1898][2].

Далее очевидно, что поведение сосущего ребенка определяется поисками — уже пережитого и теперь всплывающего в памяти — удовольствия. Благодаря ритмическому сосанию участков кожи или слизистой оболочки он в самом простом случае получает удовлетворение. Нетрудно также догадаться, по каким поводам ребенок впервые приобрел опыт этого удовольствия, которое теперь он стремится испытать снова. Первая и самая важная для жизни ребенка деятельность — сосание материнской груди (или ее суррогатов) — должна была уже познакомить его с этим удовольствием. Мы сказали бы, что губы ребенка вели себя как *эрогенная зона*, а раздражение теплой струей молока, пожалуй, и было причиной ощущения удовольствия. Сначала удовлетворение от эрогенной зоны соединялось с удовлетворением потребности в пище. Сексуальная деятельность сначала опирается на функции, служащие сохранению жизни, и только позже становится от них независимой[3]. Кто видел, как ребе-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Некий доктор Галант в 1919 году в журнале «Neurolog. Zentralblatt» № 20 под названием «Сосание» опубликовал исповедь одной взрослой девушки, которая не отказалась от этой детской формы сексуальной деятельности, и описывает удовлетворение от сосания как совершенно аналогичное сексуальному удовлетворению, в частности от поцелуя возлюбленного. «Не все поцелуи похожи на сосание; нет, нет, далеко не все! Невозможно описать, как приятно становится во всем теле от сосания; просто уносишься из этого мира, становишься совершенно удовлетворенной и безмятежно счастливой. Это удивительное чувство; не хочется ничего, кроме покоя, который не должен нарушаться. Это несказанно прекрасно: не чувствуешь ни боли, ни страданий и, ах, уносишься в другой мир».

[2] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Впрочем, Х. Эллис определил термин «аутоэротический» несколько иначе — в смысле возбуждения, вызванного не извне, а происходящего изнутри. Для психоанализа значение имеет не происхождение, а отношение к объекту. [Во всех изданиях до 1920 года это примечание звучало следующим образом: «Х. Эллис лишь искажает смысл найденного им термина, когда причисляет всю истерию и мастурбацию в ее полном объеме к феноменам аутоэротизма».]

[3] [Это предложение добавилось в 1915 году. Ср. раздел II работы Фрейда о нарцизме.]

нок, насытившись, отпадает от груди, с раскрасневшимися щеками и блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет признать, что эта картина в значительной степени сохраняется и в последующей жизни в качестве выражения сексуального удовлетворения. Теперь потребность в повторении сексуального удовлетворения отделяется от потребности в принятии пищи; это отделение становится необходимым, когда появляются зубы, и пища уже не только всасывается, но и пережевывается. Ребенок не пользуется посторонним объектом для сосания – он предпочитает участки собственной кожи, потому что она ему удобнее, потому что это делает его независимым от внешнего мира, овладеть которым он пока еще не способен, и потому что подобным образом он, так сказать, создает себе вторую, хотя и менее ценную, эрогенную зону. Неполноценность этой второй зоны позднее будет его побуждать искать аналогичные части – губы другого человека. («Жаль, что я не могу поцеловать сам себя», – хотелось бы ему это истолковать.)

Не все дети сосут. Можно предположить, что к этому приходят те дети, у которых конституционально усилено эрогенное значение губ. Если оно сохраняется, то эти дети, становясь взрослыми, делаются любителями поцелуев, склонны к извращенным поцелуям или, будучи мужчинами, привносят с собой сильный мотив для пьянства и курения. Если же к этому добавляется вытеснение, то они будут ощущать отвращение к еде и страдать истерической рвотой. В силу общности зоны губ вытеснение переносится на влечение к пище. Многие[1] мои пациентки, страдающие нарушениями, связанными с принятием пищи, истерическим комом, сжатием в горле и рвотой, были в детстве энергичными сосунками.

На примере сосания мы могли уже познакомиться с тремя важными особенностями проявления инфантильной сексуальности. Оно возникает *по образцу* жизненно важных телесных функций[2], пока еще не знает сексуального объекта, является *аутоэротическим* и его сексуальная цель находится во власти *эрогенной зоны*. Заранее скажем, что эти характеристики сохраняют свое значение и для большинства других проявлений инфантильных сексуальных влечений.

---

[1] [В первом издании вместо «многие» стояло «все».]

[2] [Эта характеристика была добавлена в 1915 году; поэтому в более ранних изданиях в предыдущем предложении Фрейд говорит не о «трех», а о «двух» особенностях.]

[3] СЕКСУАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ ИНФАНТИЛЬНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРОГЕННЫХ ЗОН

Из примера сосания можно взять еще кое-что для характеристики эрогенных зон. Это участок кожи или слизистой оболочки, на котором раздражения известного рода вызывают ощущения удовольствия определенного качества. Не подлежит сомнению, что вызывающие удовольствие раздражения связаны с особыми условиями; эти условия нам неизвестны. Среди них некую роль должен играть ритмический характер, сама собой напрашивается аналогия с щекотанием. Менее определенным кажется вопрос, следует ли называть «особенным» характер этого ощущения удовольствия, вызванного раздражением, понимая под этой особенностью именно сексуальный момент. В вопросах удовольствия и неудовольствия психология еще настолько плутает в потемках, что самое осторожное предположение будет и наилучшим. Позднее, возможно, нам встретятся доводы, которые, по-видимому, подтверждают особое качество ощущения удовольствия.

Эрогенное свойство может быть исключительным образом связано с отдельными частями тела. Как показывает пример сосания, существуют предрасположенные эрогенные зоны. Но этот же пример показывает, что и любой другой участок кожи или слизистой оболочки может выступать в качестве эрогенной зоны, то есть он, должно быть, обладает для этого известной способностью. Следовательно, качество раздражителя имеет большее значение для возникновения ощущения удовольствия, нежели особенности участка тела. Сосущий ребенок ищет по всему своему телу и выбирает для сосания какое-либо место, которое затем благодаря привычке становится предпочтительным; если при этом он случайно наталкивается на предрасположенное место (грудной сосок, гениталии), то преимущество, разумеется, остается за ним. Совершенно аналогичная способность к смещению воспроизводится затем в симптоматике истерии. При этом неврозе вытеснение наиболее затрагивает собственно генитальные зоны, и эти зоны передают свою раздражимость остальным эрогенным зонам, которыми в зрелом возрасте обычно пренебрегают и которые в таком случае начинают себя вести совершенно как гениталии. Но, кроме того, в точности как при сосании, любая другая часть тела может быть наделена возбудимостью гениталий и стать эрогенной зоной. Эрогенные и истерогенные зоны имеют те же самые свойства[1]

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Дальнейшие рассуждения и другие

ИНФАНТИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

Сексуальная цель инфантильного влечения состоит в том, чтобы получить удовлетворение благодаря соответствующему раздражению так или иначе выбранной эрогенной зоны. Это удовлетворение должно быть пережито до этого, чтобы оставить после себя потребность в его повторении, и мы можем быть готовы к тому, что природа создала надежные приспособления, чтобы это переживание удовлетворения не предоставлять воле случая[1]. Со способом, благодаря которому достигается эта цель в отношении зоны губ, мы уже познакомились; речь идет об одновременной связи этой части тела с принятием пищи. Другие подобные приспособления нам еще встретятся в качестве источников сексуальности. Состояние потребности в повторении удовлетворения выдает себя двояким образом: своеобразным чувством напряжения, которое само по себе носит характер неудовольствия, и *центрально обусловленным*, спроецированным на периферические эрогенные зоны ощущением зуда или раздражения. Поэтому сексуальную цель можно также сформулировать следующим образом: заменить ощущение, спроецированное на эрогенные зоны, таким внешним раздражителем, который устранит ощущение раздражения, вызвав ощущение удовлетворения. Этот внешний раздражитель будет состоять в основном в манипуляции, аналогичной сосанию[2].

В полном согласии с нашими физиологическими знаниями бывает так, что потребность пробуждается также периферически в результате действительного изменения в эрогенной зоне. Разве что это кажется несколько странным, поскольку один раздражитель для своего устранения, похоже, нуждается в другом раздражителе в этом же месте.

наблюдения заставляют приписать свойство эрогенности всем частям тела и внутренним органам. Ср. с этим нижесказанное о нарцизме [с. 121–122].

[1] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* В биологических рассуждениях едва ли возможно избежать обращения к телеологическому образу мышления, хотя известно, что в отдельных случаях нельзя быть застрахованным от ошибки. [Ср. примечание на с. 94.]

[2] [Это описание того, каким образом определенное сексуальное желание возникает на основе «переживания удовлетворения», лишь представляет собой конкретное применение общей теории Фрейда, касающейся механизма желания, которая обсуждается в главе VII, разделе В «Толкования сновидений» (1900*a*, *Studienausgabe*, т. 2, с. 538 и далее). Сама эта тема связана с представлениями Фрейда о «проверке реальности», которую, например, он рассматривает в своей работе «Отрицание» (1925*h*).]

[4] ПРОЯВЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ВИДЕ МАСТУРБАЦИИ[1]

Мы можем только порадоваться, что после того как на основании одной-единственной эрогенной зоны разобрались, что такое влечение, нам предстоит узнать уже не так много важного о сексуальном поведении ребенка. Наиболее отчетливые различия относятся к необходимым для удовлетворения действиям, которые для зоны губ состояли в сосании и которые в зависимости от положения и свойств других зон должны замениться другими мышечными действиями.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНАЛЬНОЙ ЗОНЫ

Анальная зона, подобно зоне губ, по своему положению вполне пригодна для того, чтобы содействовать *присоединению* сексуальности к другим функциям тела. Эрогенное значение этой части тела следует представлять себе первоначально очень большим. Затем благодаря психоанализу не без удивления узнаешь, какие преобразования обычно происходят с исходящими из нее сексуальными возбуждениями и как часто у этой зоны остается на всю жизнь значительная доля генитальной раздражимости[2]. Из-за очень частых в детские годы кишечных расстройств у этой зоны нет недостатка в интенсивных раздражениях. Энтериты в столь нежном возрасте делают детей, как принято выражаться, «нервными»; при возникающем позднее невротическом заболевании они оказывают существенное влияние на симптоматическое выражение невроза, в распоряжение которого они предоставляют всю сумму кишечных расстройств. Принимая во внимание оставшееся, по крайней мере в измененной форме, эрогенное значение зоны заднего прохода, не следует также пренебрегать геморроидальными влияниями, которые старая медицина считала столь важными при объяснении невротических состояний.

Дети, которые используют эрогенную раздражимость анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока они, скопившись в большом количестве, не вызывают сильные мышечные сокращения и при прохождении через задний

---

[1] См. в этой связи весьма содержательную, но по своим идеям большей частью не имеющую четкой ориентации литературу об онанизме, например, работу Роледера (1899) *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]*, далее 2-й выпуск «Дискуссий Венского психоаналитического объяснения», «Онанизм», Висбаден, 1912 [в частности, собственные статьи Фрейда (1912*f*)].

[2] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Ср. статьи «Характер и анальная эротика» *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* и «О превращении влечений, в частности анальной эротики» (1917*c*)

проход раздражают слизистую оболочку. При этом наряду с болезненными ощущениями возникают и сладострастные. Одним из вернейших признаков будущей странности характера или нервности является упорное нежелание младенца очистить кишечник, когда его сажают на горшок, то есть когда это угодно няне, и его стремление осуществлять эту функцию по своему усмотрению. Ему, конечно, не важно, что пачкается его постель; он заботится только о том, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации. Воспитатели опять-таки подозревают верное, когда называют дурными детей, которые «берегут» эти отправления.

Содержимое кишечника[1], выступающее раздражителем сексуально чувствительной поверхности слизистой оболочки и ведущее себя как предтеча другого органа, которому предстоит вступить в действие только по прошествии фазы детства, имеет для младенца и другое значение. Оно воспринимается им как собственная часть тела, представляет собой «первый подарок», через выдачу которого может выражаться уступчивость маленького существа по отношению к своему окружению, а через отказ это сделать — упрямство. Вместо «подарка» оно затем получает значение «ребенка», который, согласно одной из инфантильных сексуальных теорий [см. ниже, с. 101], приобретается через еду и рождается через кишечник.

Сдерживание фекальных масс, которое сначала является преднамеренным, чтобы использовать их для мастурбационного, так сказать, раздражения зоны заднего прохода или употребить по отношению к воспитателям, впрочем, представляет собой одну из причин запоров, столь часто возникающих у невропатов. Все значение анальной зоны отражается в факте, что встречается лишь малое число невротиков, у которых не было бы своих особых копрологических обычаев, церемоний и т. п., тщательно ими скрываемых[2].

---

[1] [Данный абзац был добавлен в 1915 году. Более подробно эта тема рассматривается в статье, упомянутой в предыдущем примечании.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* В одной работе, которая чрезвычайно углубляет понимание нами значения анальной эротики (1916), Лу Андреас Саломе указала на то, что история первого запрета, предъявленного ребенку, запрета получать удовольствие от анальной функции и ее продуктов, имеет решающее значение для всего его развития. По этому поводу маленькое существо должно впервые почувствовать враждебный его влечениям окружающий мир, научиться отделять свое собственное существо от этого чуждого мира, а затем осуществить первое «вытеснение» своих возможностей получения удовольствия. Отныне «анальное» остается символом всего того, что необходимо отбросить, устранить из жизни. Требуемому позднее отделению анальных процессов от генитальных препятствуют близкие анатомические и функциональные аналогии и отношения между ними. Генитальный аппарат остается по соседству с клоакой, а «у женщины даже лишь позаимствованным» [Фрейд цитирует здесь Лу Андреас-Саломе].

Настоящее мастурбационное раздражение анальной зоны при помощи пальца, вызванное центрально обусловленным или периферически подкрепляемым зудом — отнюдь не редкое явление у детей старшего возраста.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНИТАЛЬНОЙ ЗОНЫ

Среди эрогенных зон детского тела имеется одна, которая, несомненно, не играет первую роль и не может также быть носительницей самых ранних сексуальных побуждений, но которой уготована важная роль в будущем. У мальчика и у девочки она имеет отношение к мочеиспусканию (головка пениса, клитор), и у первого она покрыта слизистым мешком, а потому не испытывает недостатка в раздражениях секретами, которые уже в раннем возрасте могут вызывать сексуальное возбуждение. Сексуальные проявления этой эрогенной зоны, относящейся к действительным половым органам, образуют начало более поздней «нормальной» половой жизни.

Вследствие анатомического положения, наводнения секретами, умывания и вытирания при гигиеническом уходе за телом и вследствие определенных случайных возбуждений (таких, как перемещение кишечных паразитов у девочек) становится неизбежным, что ощущение удовольствия, которое способны давать эти части тела, обращает на себя внимание ребенка уже в младенческом возрасте и пробуждает потребность в его повторении. Если окинуть взглядом совокупность имеющихся условий и принять во внимание, что гигиенические мероприятия едва ли могут воздействовать иначе, чем загрязнение, то нельзя будет отказаться от мнения, что через младенческий онанизм, которого вряд ли избегает хоть один индивид, устанавливается будущий примат этой эрогенной зоны в половой деятельности[1]. Действие, устраняющее раздражение и дающее удовлетворение, состоит в потирающем прикосновении рукой или в несомненно рефлекторно обусловленном надавливании рукой или сомкнутыми бедрами. Последний прием гораздо чаще применяется девочкой. У мальчика предпочтение руки уже указы-

[1] [В изданиях 1905 и 1910 годов заключительная часть этого предложения звучала следующим образом: «то едва ли можно не распознать намерение природы через младенческий онанизм, которого вряд ли избегает хоть один индивид, установить будущий примат этих эрогенных зон в половой деятельности». Телеологический момент в этом аргументе в пользу всеобщей распространенности детского онанизма подвергся резкой критике со стороны Рудольфа Райтлера во время дискуссий на эту тему в Венском психоаналитическом объединении в январе 1912 года (*Diskussionen*, 1912, 92–93). В своей дискуссионной речи (там же, 134; Freud, 1912f) Фрейд признал, что выразился неудачно; он пообещал изменить данное место в последующих изданиях. Таким образом, в январе 1915 года оно было заменено приведенной здесь версией. См. выше, с. 66 и прим. 1, а также с. 91 и прим. 1.]

вает на то, какой важный вклад в мужскую сексуальную деятельность когда-нибудь внесет влечение к овладению[1].

Если я укажу[2], что следует различать три фазы инфантильной мастурбации, то это лишь будет способствовать большей ясности. Первая относится к младенческому периоду, вторая — к кратковременному расцвету сексуальной деятельности в возрасте около четырех лет и только третья соответствует пубертатному онанизму, который зачастую расценивается как единственный.

ВТОРАЯ ФАЗА ДЕТСКОЙ МАСТУРБАЦИИ

По-видимому, спустя короткое время младенческий онанизм исчезает, однако его непрерывное продолжение до пубертата может оказаться первым существенным отклонением от развития, к которому стремится культурный человек. Однажды в детские годы после периода младенчества, обычно до четвертого года жизни, сексуальное влечение этой генитальной зоны вновь пробуждается и затем какое-то время сохраняется до нового подавления или продолжается непрерывно. Возможные обстоятельства чрезвычайно разнообразны, и их можно выяснить только путем детального анализа отдельных случаев. Но все частности этой *второй* фазы инфантильных проявлений сексуальности оставляют после себя глубочайшие (бессознательные) следы впечатлений в памяти человека, определяют развитие его характера, если человек остается здоровым, и симптоматику его невроза, если он заболевает после достижения половой зрелости[3]. В последнем случае этот сексуальный период забывается,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Необычные технические приемы при занятии онанизмом в более поздние годы, по-видимому, указывают на влияние преодоленного запрещения онанировать.

[2] [Этот абзац был добавлен в 1915 году. В том издании добавились также заглавие следующего абзаца и вставка «обычно до четвертого года жизни» его второго предложения. Кроме того, в первом предложении этого абзаца слова «с наступлением латентного периода», содержавшиеся в изданиях 1905 и 1910 годов, заменены словами «спустя короткое время». Наконец, в тех двух первых изданиях *следующий* абзац начинался словами: «Сексуальное возбуждение возвращается в детские годы (более общее определение времени пока еще не удалось) либо...» Причина всех этих сделанных в 1915 году изменений, очевидно, состояла в необходимости провести более четкое различие между первой и второй фазами инфантильной сексуальной деятельности и несколько точнее датировать вторую фазу «примерно четвертым годом жизни».]

[3] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Почему сознание вины невротиков постоянно, как это еще недавно признал Блейлер [1913], связывается с воспоминаниями о занятии онанизмом, чаще всего в пубертатный период, — этот вопрос ждет своего исчерпывающего аналитического объяснения. *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Самым грубым и самым важным фактором такой обусловленности является, возможно, тот факт, что онанизм представляет собой осуществление всей инфантильной сексуальности и поэтому способен взять на себя связанное с нею чувство вины.

свидетельствующие о нем бессознательные воспоминания смещаются; я уже упоминал, что хотел бы связать также и нормальную инфантильную амнезию с этой инфантильной сексуальной деятельностью. Благодаря психоаналитическому исследованию удается довести забытое до сознания и устранить этим давление, проистекающее из бессознательного психического материала.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЛАДЕНЧЕСКОЙ МАСТУРБАЦИИ

Сексуальное возбуждение младенческого возраста возвращается в указанные детские годы либо в виде центрально обусловленного раздражения, напоминающего зуд, которое требует онанистического удовлетворения, либо в виде процесса, сходного с поллюцией, который аналогично поллюции в зрелом возрасте приводит к удовлетворению без каких-либо действий. Последний случай чаще встречается у девочек, а также во второй половине детства; его обусловленность не совсем понятна, и, по-видимому, зачастую — но не всегда — его предпосылкой является период более раннего активного онанизма. Симптоматика этих сексуальных проявлений очень бедна; вместо пока еще неразвитого полового аппарата, как правило, дает о себе знать мочеиспускательный аппарат, так сказать, в качестве его опекуна. Большинство так называемых заболеваний мочевого пузыря этого времени являются сексуальными заболеваниями; *enuresis nocturna*[1], если оно не представляет собой эпилептического припадка, соответствует поллюции.

Для нового появления сексуальной деятельности решающее значение имеют внутренние причины и внешние поводы; в случаях невротического заболевания те и другие можно угадать по форме симптомов и полностью их раскрыть посредством психоаналитического исследования. О внутренних причинах мы поговорим позднее; случайные внешние поводы приобретают к этому времени большое и неослабевающее значение. Во главе стоит влияние соблазнения, из-за которого ребенок преждевременно становится сексуальным объектом и при оставляющих глубокое впечатление обстоятельствах знакомится с удовлетворением генитальных зон, которое он затем чаще всего вынужден возобновлять с помощью онанизма. Такое влияние может исходить от взрослых или от других детей; не могу не признать, что в моей статье 1896[*c*] года «Об этиологии истерии» я переоценил его частоту или значение, хотя тогда я еще не знал, что индивиды, оставшиеся нормальными, в детские годы могли иметь такие же переживания, и поэтому оценивал соблазнение выше, чем факторы сексуальной конституции и разви-

---

[1] [Ночное недержание мочи (лат.). — *Примечание переводчика.*]

тия[1]. Само собой разумеется, чтобы пробудить сексуальную жизнь ребенка, не требуется соблазнения, и такое пробуждение может происходить спонтанно по внутренним причинам.

ПОЛИМОРФНО ИЗВРАЩЕННАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ

Поучительно, что под влиянием соблазнения ребенок может стать полиморфно извращенным, что его можно склонить к всевозможным извращениям. Это свидетельствует о том, что он приносит с собой такую способность в своем предрасположении; совершение тех или иных действий потому встречает так мало сопротивления, что душевные плотины против сексуальных излишеств — стыд, отвращение и мораль — в зависимости от возраста ребенка пока еще не воздвигнуты или находятся в стадии образования. В этом отношении ребенок ведет себя так, как средняя нецивилизованная женщина, у которой сохраняются такие же полиморфно извращенные наклонности. При обычных условиях такая женщина может оставаться сексуально нормальной, но под руководством умелого соблазнителя приобретает вкус ко всякого рода перверсиям и придерживается их в своей сексуальной деятельности. Такое же полиморфное, то есть инфантильное, предрасположение использует затем проститутка в своей профессиональной деятельности, а при огромном количестве проституированных женщин и таких, которым следует приписать склонность к проституции, хотя они избегли этой профессии, становится окончательно невозможным не признать в таком предрасположении ко всем перверсиям нечто общечеловеческое и первоначальное.

ПАРЦИАЛЬНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ

Впрочем, влияние соблазнения не помогает выявить первоначальные условия полового влечения, а только запутывает наше его понимание, преждевременно предоставляя ребенку сексуальный объект, в котором инфантильное сексуальное влечение пока не

[1] [См. подробное изложение этих выводов Фрейда в его второй работе, посвященной роли сексуальности при неврозах (1906*a*, ниже, с. 152).] Хэвлок Эллис в приложении к своему научному трактату «Половое чувство» (1903 [приложение Б]) привел множество автобиографических сообщений людей, которые впоследствии в основном остались нормальными, об их первых сексуальных побуждениях в детстве и о поводах к ним. Разумеется, эти сообщения страдают тем недостатком, что не содержат сведений о доисторическом периоде половой жизни, скрытом инфантильной амнезией, который может быть дополнен только при помощи психоанализа индивида, ставшего невротиком. Но тем не менее они ценны во многих отношениях, и расспросы подобного рода вынудили меня к упомянутой в тексте модификации моих этиологических предположений. [См. также ниже, с. 172.]

нуждается. Между тем мы должны признать, что детская сексуальная жизнь при всем господстве эрогенных зон проявляет компоненты, для кот рых с самого начала в качестве сексуальных объектов принимаются во внимание другие люди. Компонентами подобного рода являются находящиеся в известной независимости от эрогенных зон влечения к разглядыванию и показыванию себя и к жестокости, которые только позднее вступают в тесную связь с генитальной жизнью[1], но уже в детские годы проявляют себя как поначалу отделенные от эрогенной сексуальной деятельности, самостоятельные стремления. Маленький ребенок вначале бесстыден и в определенные ранние годы проявляет недвусмысленное удовольствие от обнажения своего тела, особенно подчеркивая свои половые органы. Противоположность этой считающейся извращенной наклонности, интерес к разглядыванию половых органов других людей, проявляется, вероятно, в несколько более поздние годы, когда препятствие в виде чувства стыда уже достигло некоторого развития[2]. Под влиянием соблазнения вуайеристская перверсия может приобрести большое значение для сексуальной жизни ребенка. И все же из моих исследований детского возраста здоровых людей и невротических больных я должен сделать вывод, что влечение к разглядыванию может проявиться у ребенка как спонтанное выражение сексуальности. Маленькие дети, внимание которых направлено на собственные гениталии — по большей части при мастурбации, — обычно делают дальнейший шаг без посторонней помощи и проявляют живой интерес к гениталиям своих товарищей по играм. Поскольку возможность удовлетворить такое любопытство появляется в основном лишь при удовлетворении обеих выделительных потребностей, такие дети становятся вуайеристами, усердно подглядывают за другими во время мочеиспускания или дефекации. После наступившего вытеснения этих наклонностей интерес к разглядыванию гениталий других людей (своего или противоположного пола) сохраняется в виде мучительного навязчивого стремления, которое затем в ряде невротических случаев снабжает значительной энергией, присущей влечению, образование симптомов.

Еще более независимо от обычной, связанной с эрогенными зонами сексуальной деятельности у ребенка развивается компонент жестокости сексуального влечения. Детскому характеру вообще при-

---

[1] [«Сексуальной жизнью» в изданиях 1905 и 1910 годов.]

[2] [Данное предложение датировано 1920 годом. В более ранних изданиях эта мысль подчеркивается еще сильнее. Тема эксгибиционизма у маленьких детей довольно подробно обсуждалась в «Толковании сновидений» (1900*a*), глава V, раздел Г (а) (*Studienausgabe*, т. 2, с. 249–250).]

суща жестокость, поскольку препятствие, удерживающее влечение к овладению от причинения боли другим, то есть способность к состраданию, развивается сравнительно поздно. Как известно, основательный психологический анализ этого влечения пока еще не удался; мы можем предположить, что импульсы жестокости происходят от влечения к овладению и проявляются в сексуальной жизни в такое время, когда гениталии еще не получили своего более позднего значения. Они властвуют в фазе сексуальной жизни, которую мы в дальнейшем опишем как догенитальную организацию[1]. Дети, отличающиеся особой жестокостью по отношению к животным и товарищам, как правило, справедливо вызывают подозрение в интенсивной и преждевременной сексуальной деятельности эрогенных зон, и при совпадении с преждевременной зрелостью всех сексуальных влечений эрогенная сексуальная деятельность, по-видимому, все же первична. Отсутствие ограничений, обусловленных состраданием, угрожает тем, что эта возникшая в детстве связь жестоких влечений с эрогенными в дальнейшей жизни окажется нерасторжимой.

В качестве эрогенной причины пассивного влечения к жестокости (мазохизма) болезненное раздражение кожи ягодиц известно всем воспитателям со времен исповеди [«Confessions»] Жан-Жака Руссо. Они правильно вывели из этого требование, что телесного наказания, чаще всего относящегося именно к этой части тела, не должно иметь места у всех детей, у которых вследствие последующих требований культурного воспитания либидо может быть оттеснено на коллатеральные пути[2].

---

[1] [Последние полтора предложения в своей нынешней форме появились в 1915 году. В изданиях 1905 и 1910 годов они звучали следующим образом: «Мы можем предположить, что импульсы жестокости проистекают из независимых от сексуальности источников, но благодаря анастомозу [поперечному соединению] способны вступить в раннюю связь с источниками того и другого. Вместе с тем наблюдение показывает, что между сексуальным развитием и развитием влечений к разглядыванию и жестокости существуют влечения, которые вновь ограничивают утверждаемую независимость обоих влечений».]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* К вышеизложенным положениям об инфантильной сексуальности я пришел в 1905 году в основном благодаря результатам психоаналитического исследования взрослых. В то время непосредственные наблюдения над ребенком не могли быть в полной мере использованы и дали только отдельные указания и ценные подтверждения. С тех пор благодаря анализу отдельных случаев нервных заболеваний в нежном возрасте удалось прийти к непосредственному пониманию инфантильной психосексуальности. Я могу с удовлетворением указать на то, что непосредственное наблюдение полностью подтвердило выводы психоанализа и тем самым дало хорошее доказательство надежности этого метода исследования. Кроме того, «Анализ фобии пятилетнего

[5] ИНФАНТИЛЬНОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ[1]

ВЛЕЧЕНИЕ К ЗНАНИЮ Примерно в это же время, когда сексуальная жизнь ребенка достигает своего первого расцвета, в возрасте от трех до пяти лет, у него также появляются зачатки той деятельности, которой приписывают влечение к знанию или исследованию. Влечение к знанию нельзя ни отнести к элементарным компонентам влечений, ни подчинить исключительно сексуальности. Его поведение, с одной стороны, соответствует сублимированному способу овладения, с другой стороны, оно задействует энергию стремления к разглядыванию. Но его отношение к сексуальной жизни является особенно важным, ибо мы узнали из психоанализа, что влечение к знанию у детей непредвиденно рано и неожиданно интенсивно притягивают к себе сексуальные проблемы, и, возможно, оно даже пробуждается ими.

ЗАГАДКА СФИНКС Исследовательской деятельностью у ребенка движут не теоретические, а практические интересы. Угроза условиям его существования из-за реального или предполагаемого появления нового ребенка, страх потерять в связи с этим событием заботу и любовь заставляют его задуматься и делают проницательным. Соответственно истории ее возникновения первая проблема, которая его занимает, — это не вопрос о различии полов, а загадка: откуда берутся дети?[2] С небольшим искажением, которое легко поправить, это также загадка, которую задавала фиванская Сфинкс. Факт существования двух полов ребенок сначала принимает без сопротивления и раздумий.

мальчика» (1909*b*) научил кое-чему новому, к чему не были подготовлены психоанализом, например, тому, что сексуальная символика, изображение сексуального посредством несексуальных объектов и отношений начинается с первых же лет овладения речью. Далее мое внимание обращали на отсутствие приведенного выше описания, в котором в интересах наглядности различие в понятиях обеих фаз *аутоэротизма* и *объектной любви* излагается как разделенное также во времени. Однако из упомянутых анализов (а также из сообщений Белла, см. выше, с. 81–82, прим.) становится очевидным, что в возрасте от трех до пяти лет дети способны совершать вполне отчетливый, сопровождающийся сильными аффектами *выбор объекта*. [Только в издании 1910 года эта сноска оканчивается указанием на сексуальные исследования и сексуальные теории детей, а также на работу Фрейда, посвященную этой теме (1908*c*); см. ниже, с. 171 и далее.]

[1] [Весь раздел о сексуальных исследованиях у ребенка впервые появился в 1915 году.]

[2] [В более поздней работе (1925*j*; см. ниже, с. 261, прим. 1) Фрейд скорректировал это высказывание; оно не имеет силы для девочки и не всегда также относится к мальчикам.]

Мальчику совершенно естественно предположить, что такие же гениталии, как его собственные, имеются у всех известных ему людей, и ему невозможно соотнести отсутствие таковых с его представлением об этих других людях.

КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ И ЗАВИСТЬ К ПЕНИСУ

Мальчик стойко придерживается этого убеждения, упорно защищает его от противоречий, возникающих вследствие наблюдения, и отказывается от него только после тяжелой внутренней борьбы (комплекс кастрации). Замещающие образования этого утраченного пениса у женщины играют важную роль в образовании различных перверсий[1].

Предположение о наличии у всех людей одинаковых (мужских) гениталий представляет собой первую из удивительных и чреватых последствиями инфантильных сексуальных теорий. Ребенку мало проку с того, что биологическая наука оправдывает его предрассудки и признает женский клитор соответствующей заменой пениса. Маленькая девочка не впадает в подобное отрицание, когда видит иначе устроенные гениталии мальчика, готова это тут же признать, и у нее просыпается зависть к пенису, достигающая кульминации в желании также быть мальчиком, которое впоследствии имеет большое значение.

ТЕОРИИ РОЖДЕНИЯ

Многие люди могут четко припомнить, как интенсивно в предпубертатный период интересовались вопросом, откуда берутся дети. Анатомические решения звучали тогда совершенно по-разному: они появляются из груди, или их вырезают из живота, или пупок открывается, чтобы их пропустить[2]. О соответствующем исследовании в ранние детские годы вне анализа вспоминают лишь в редких случаях; оно давно подверглось вытеснению, но его результаты были совершенно аналогичными. Детей получают оттого, что едят что-то определенное (как в сказке), и они рождаются через кишечник, как при дефекации. Эти детские теории напоминают о приспособлениях, встречающихся в животном мире, в частности о клоаке у типов, стоящих ниже млекопитающих.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* У нас есть все основания говорить о комплексе кастрации у женщин. Дети как женского, так и мужского пола создают теорию, что женщина также вначале имела пенис, который затем был утрачен в результате кастрации. Приобретенное в конце концов убеждение, что женщина не обладает пенисом, нередко оставляет после себя у индивида мужского пола стойкое пренебрежительное отношение к противоположному полу.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Богатство сексуальных теорий в эти более поздние детские годы гораздо больше. В тексте приведены лишь немногие их примеры.

САДИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛОВОГО АКТА

Если дети в столь нежном возрасте становятся свидетелями полового сношения между взрослыми, к чему дает повод убеждение взрослых, что маленький ребенок пока еще не может понять ничего сексуального, то они могут истолковать сексуальный акт только как своего рода избиение или насилие, то есть в садистском смысле. Психоанализ позволяет нам также узнать, что такое впечатление в раннем детстве во многом способствует предрасположению к последующему садистскому смещению сексуальной цели. В дальнейшем дети много занимаются проблемой, в чем может состоять половое сношение или, как его понимать, что означает быть замужем или женатым, и чаще всего ищут раскрытие этой тайны в общности с функциями мочеиспускания или испражнения.

ТИПИЧНАЯ НЕУДАЧА ДЕТСКОГО СЕКСУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом о детских сексуальных теориях можно сказать, что они являются отображением собственной сексуальной конституции ребенка и, несмотря на их причудливые заблуждения, свидетельствуют о большем понимании сексуальных процессов, чем это можно было бы предполагать у их создателей. Дети воспринимают также изменения при беременности у матери и умеют их правильно истолковать; басня про аиста очень часто рассказывается слушателям, которые относятся к ней с глубоким, но по большей части немым недоверием. Но поскольку детскому сексуальному исследованию остаются неведомы два элемента, роль оплодотворяющего семени и существование женского полового отверстия, — впрочем, именно те пункты, в которых инфантильная организация пока еще отстает, — усилия инфантильных исследователей все же регулярно остаются бесплодными и заканчиваются отказом, который нередко оставляет после себя стойкое ослабление влечения к знанию. Сексуальное исследование в эти ранние детские годы всегда проводится в одиночестве; оно означает первый шаг к самостоятельной ориентировке в мире и ведет к значительному отчуждению ребенка от окружающих его людей, которые прежде пользовались полным его доверием.

[6] ФАЗЫ РАЗВИТИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ[1]

До сих пор в качестве характерных особенностей инфантильной сексуальной жизни мы подчеркивали, что в сущности она является аутоэротической (находит свой объект на собственном теле) и что ее отдельные парциальные влечения, в целом несвязанные и независимые друг от друга, стремятся к получению удовольствия. Завершением развития является так называемая нормальная сексуальная жизнь взрослого человека, в которой получение удовольствия стало служить функции продолжения рода, а парциальные влечения под приматом одной-единственной эрогенной зоны образовали прочную организацию для достижения сексуальной цели с посторонним сексуальным объектом.

ДОГЕНИТАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Изучение с помощью психоанализа торможений и нарушений в этом процессе развития позволяет нам выявить зачатки и предварительные ступени такой организации парциальных влечений, которые составляют своего рода сексуальный режим. Эти фазы сексуальной организации обычно протекают ровно, выдавая себя разве что в виде намеков. И только в патологических случаях они активируются и становятся заметными для поверхностного наблюдения.

Организации сексуальной жизни, в которых генитальные зоны еще не начали играть свою главенствующую роль, мы хотим назвать *догенитальными*. До сих пор мы познакомились с двумя такими организациями, которые напоминают, так сказать, возврат к раннему животному состоянию.

Первой такой догенитальной сексуальной организацией является *оральная*, или, если хотите, *каннибальская*. Сексуальная деятельность еще не отделена здесь от принятия пищи, противоположности внутри ее еще не дифференцированы. Объект одной деятельности является одновременно и объектом другой, сексуальная цель состоит в *поглощении* объекта, прототипе того, что позднее в качестве *идентификации* будет играть столь значимую психическую роль. Как остаток этой фиктивной, навязанной нам патологией фазы организации можно рассматривать сосание, при котором сексуальная деятельность, отделенная от деятельности, связанной

---

[1] [Также и весь этот раздел впервые появился в издании 1915 года. Очевидно, в настоящем пассаже впервые признается оральная организация как таковая.]

с принятием пищи, отказалась от постороннего объекта ради объекта на собственном теле[1].

Вторая догенитальная фаза — это *анально-садистская* организация. Здесь уже образовалась противоположность, которая пронизывает сексуальную жизнь; но ее пока еще нельзя назвать *мужской* и *женской* — она должна называться *активной* и *пассивной*. Активность появляется благодаря действующему преимущественно через мускулатуру влечению к овладению, а эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя как орган с пассивной сексуальной целью; для обоих стремлений имеются объекты, которые, однако, не совпадают. Наряду с этим другие парциальные влечения ведут себя аутоэротическим образом. Следовательно, в этой фазе уже можно выявить сексуальную полярность и посторонний объект. Организация и подчинение функции продолжения рода пока отсутствуют[2].

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

Эта форма сексуальной организации может уже сохраняться всю жизнь и постоянно притягивать к себе значительную часть сексуальных проявлений. Преобладание садизма и роль клоаки, которую играет анальная зона, придают ей ярко выраженный архаичный характер. Другая ее особенность заключается в том, что пары противоположных влечений сформированы примерно одинаковым образом, их соотношение, по удачному выражению Блейлера, называется *амбивалентностью.*

Предположение о догенитальных организациях сексуальной жизни основывается на анализе неврозов, и едва ли его можно понять без связи с этим знанием. Мы можем рассчитывать, что продолжение аналитической работы даст нам еще больше сведений о строении и развитии нормальной сексуальной функции.

Чтобы дополнить картину инфантильной сексуальной жизни, необходимо иметь в виду, что зачастую или регулярно уже в детские годы совершается выбор объекта, который мы представили как характерный для пубертатной фазы развития, а именно таким образом, что все сексуальные стремления направляются на единствен-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Об остатках этой фазы у взрослых невротиков см. работу Абрахама (1916). *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* В более поздней работе (1924) Абрахам разделил как эту оральную, так и более позднюю анально-садистскую фазу на две подкатегории, для которых характерно различное отношение к объекту.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Абрахам (в упомянутой последней статье) обращает внимание на то, что задний проход образуется из *первичного рта* эмбриона, что представляется своего рода биологическим прототипом психосексуального развития.

ного человека, с помощью которого они хотят достичь своих целей. В таком случае это является наибольшим приближением к окончательной форме сексуальной жизни после пубертата, какое только возможно в детские годы. Отличие от последней состоит лишь в том, что объединения парциальных влечений и подчинения их примату гениталий в детстве не происходит, а если и происходит, то лишь в очень неполной мере. Установление этого примата, служащего продолжению рода, является, следовательно, последней фазой, которую сексуальная организация проходит в своем развитии[1]

ДВУВРЕМЕННЫЙ ВЫБОР ОБЪЕКТА

Можно считать типичным событием, что выбор объекта происходит двувременно, в два[2] приема. Первый выбор начинает совершаться в возрасте между двумя и пятью годами, а в латентный период приостанавливается или даже регрессирует; он отличается инфантильной природой своих сексуальных целей. Второй выбор совершается с наступлением пубертата и определяет окончательную форму сексуальной жизни.

Факт двувременного выбора объекта, который по существу сводится к воздействию латентного периода, становится, однако, чрезвычайно важным для нарушения этого конечного состояния. Результаты инфантильного выбора объекта проявляются в более поздний период; они либо сохраняются в том же виде, либо обновляются ко времени пубертата. Вследствие развития вытеснения, происходящего между двумя этими фазами, ими, однако, невозможно воспользоваться. Их сексуальные цели ослабились, и теперь они представляют собой то, что мы можем охарактеризовать как *нежное* течение сексуальной жизни. Только психоаналитическое исследование может выявить, что за этой нежностью, почитанием и уважением скрываются старые, ставшие теперь непригодными сексуальные стремления инфантильных парциальных влечений. Выбор

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Позднее (1923) я сам изменил это описание в том отношении, что после двух стадий догенитальной организации я включил в детское развитие третью фазу, которая уже заслуживает наименования генитальной, имеет сексуальный объект и демонстрирует некую степень конвергенции сексуальных стремлений на этот объект, но отличается от окончательной организации в одном важном пункте. А именно она знает только один вид гениталий — мужские. Я назвал ее *фаллической* ступенью организации («Инфантильная генитальная организация», [1923*e*; см. ниже, с. 237 и далее]). Согласно Абрахаму [1924], ее биологический прототип — индифферентное для обоих полов, одинаковое генитальное предрасположение эмбриона.

[2] [Еще в 1915 году в этом месте говорилось «три»; изменение на «два» произошло в 1920 году. См. также конец прим. 1 на с. 126.]

объекта в пубертатный период должен отказаться от инфантильных объектов и возобновиться как *чувственное* течение. Несовпадение обоих течений довольно часто приводит к тому, что не может быть достигнут один из идеалов сексуальной жизни — объединение всех желаний в одном объекте[1].

[7] ИСТОЧНИКИ ИНФАНТИЛЬНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

В стремлении проследить происхождение сексуального влечения мы до сих пор полагали, что сексуальное возбуждение возникает: *а)* как подражание удовлетворению, пережитому в связи с другими органическими процессами; *б)* благодаря соответствующему раздражению периферических эрогенных зон; *в)* как выражение некоторых не совсем понятных нам по своему происхождению «влечений», таких, как влечение к разглядыванию и влечение к жестокости. Психоаналитическое исследование, возвращающееся к детству от более позднего периода, и одновременное наблюдение над ребенком открывают нам и другие постоянные источники сексуального возбуждения. Наблюдение над детьми имеет тот недостаток, что оно имеет дело с объектами, которые можно с легкостью неверно истолковать; психоанализ затрудняется тем, что он может прийти к своим объектам и своим выводам только долгими обходными путями; однако в своем взаимодействии оба метода достигают достаточной степени надежности своих научных выводов.

При исследовании эрогенных зон мы уже обнаружили, что эти участки кожи просто-напросто обладают повышенной возбудимостью, которая в известной степени присуща всей поверхности кожи. Поэтому мы не будем удивлены, узнав, что известным видам общей раздражимости кожи следует приписать весьма отчетливые эрогенные воздействия. Среди них мы подчеркиваем прежде всего температурные раздражения; возможно, таким образом нам станет также понятным терапевтический эффект теплых ванн.

МЕХАНИЧЕСКИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ

Далее мы должны здесь присоединить сексуальное возбуждение, создаваемое ритмическими механическими сотрясениями тела, среди которых необходимо выделить три вида воздействия раздражителей: на чувственный аппарат вестибулярных нервов, на кожу

[1] [Оба течения подробно рассматриваются во второй статье Фрейда, посвященной психологии любовной жизни (1912*d*); см. ниже с. 200–206.]

и на глубокие части (мышцы, суставной аппарат). Из-за возникающих при этом ощущений удовольствия важно подчеркнуть, что мы, не делая различий, можем постоянно использовать понятия «сексуальное возбуждение» и «удовлетворение», и это делает нас обязанными в дальнейшем поискать этому объяснение [см. с. 116–117]. Доказательством появления удовольствия, вызываемого известными механическими сотрясениями тела, служит, следовательно, тот факт, что дети очень любят пассивные игры-движения, такие, как качание и подбрасывание, и непрерывно требуют их повторения[1]. Как известно, чтобы усыпить беспокойных детей, регулярно используется убаюкивание. Сотрясения при езде в экипаже и позднее по железной дороге оказывают такое завораживающее воздействие на детей старшего возраста, что по крайней мере все мальчики хоть раз в жизни хотят стать кучерами и кондукторами. К тому, что происходит на железной дороге, они обычно проявляют загадочный необычайно большой интерес, а в возрасте, когда усиливается деятельность фантазии (незадолго до пубертата), это становится у них ядром чисто сексуальной символики. Принуждение связывать поездку по железной дороге с сексуальностью исходит, очевидно, из приятного характера двигательных ощущений. Если затем к этому добавляется вытеснение, обращающее в противоположность столь многое из того, чему дети оказывают предпочтение, то эти же люди, подрастая или став взрослыми, реагируют на качание тошнотой, ужасно устают от поездки по железной дороге или проявляют склонность к приступам страха во время поездки и защищаются от повторения неприятного переживания с помощью *страха перед железной дорогой.*

Затем здесь добавляется — пока еще непонятный — факт, что в результате совпадения испуга и механического сотрясения возникает тяжелый истериформный травматический невроз. По крайней мере можно предположить, что эти влияния, которые при небольшой интенсивности становятся источниками сексуального возбуждения, воздействуя в чрезмерном количестве, вызывают глубокое расстройство сексуального механизма или химизма[2].

МЫШЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Известно, что активная мышечная деятельность является потребностью для ребенка, от удовлетворения которой он получает необычайное удовольствие. Имеет ли это удовольствие нечто общее с сексуальностью, включает ли оно само сексуальное удов-

[1] Некоторые люди могут припомнить, что, качаясь на качелях, непосредственно ощущали как сексуальное удовольствие столкновение движущегося воздуха с гениталиями.

[2] [Слова «или химизма» были добавлены в 1924 году.]

летворение или может стать поводом к сексуальному возбуждению, — это может стать предметом критических рассуждений, которые будут направлены, пожалуй, и против ранее высказанного утверждения, что удовольствие от ощущений пассивного движения воздействует сексуальным образом или вызывает сексуальное возбуждение. Но факт заключается в том, что, по рассказам многих людей, первые признаки возбуждения в своих гениталиях они ощутили во время драки или борьбы с товарищами; однако в этой ситуации помимо общего мышечного напряжения оказывает воздействие еще и соприкосновение с участками кожи противника. Склонность к мышечной борьбе с определенным человеком, как и к словесной борьбе в более поздние годы («Милые бранятся — только тешатся»), относится к явным признакам направленного на него выбора объекта. В том, что мышечная деятельность способствует сексуальному возбуждению, можно было бы усмотреть одну из причин садистского влечения. Для многих индивидов инфантильная связь между дракой и сексуальным возбуждением является одним из определяющим факторов предпочитаемой впоследствии направленности их полового влечения[1].

АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Меньшему сомнению подлежат остальные источники сексуального возбуждения ребенка. Благодаря непосредственному наблюдению, равно как и последующему исследованию, легко установить, что все более интенсивные аффективные процессы, даже возбуждения, вызванные испугом, распространяются на сексуальность, что, впрочем, может способствовать пониманию патогенного влияния таких душевных переживаний. У школьника страх перед экзаменом, напряжение, вызванное трудноразрешимой задачей, могут существенно повлиять на прорыв сексуальных проявлений и на отношение к школе, поскольку при таких обстоятельствах довольно часто возникает чувство раздражения, заставляющее прикасаться к гениталиям, или процесс, похожий на поллюцию, со всеми его приводящими в замешательство последствиями. Поведение детей в школе, задающее учителям вдоволь загадок, вообще следует

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1910 году:]* Анализ случаев невротического расстройства ходьбы и страха пространства устраняет сомнение в сексуальной природе удовольствия, получаемого от движения. Как известно, современное культурное воспитание в большом объеме использует спорт для отвлечения молодежи от сексуальной деятельности; правильнее было бы сказать, что оно заменяет сексуальное удовольствие удовольствием от движения и оттесняет сексуальную деятельность к одному из ее аутоэротических компонентов.

соотнести с зарождающейся сексуальностью школьников. Сексуально возбуждающее воздействие некоторых неприятных самих по себе аффектов — тревоги, боязливости, страха — у большого числа людей сохраняется также и в зрелой жизни и, пожалуй, служит объяснением того, почему так много людей стремятся испытать подобные ощущения, если только определенные побочные обстоятельства (принадлежность к иллюзорному миру, чтение, театр) не притупляют серьезность ощущения неудовольствия.

Если бы можно было допустить, что интенсивные болезненные ощущения оказывают такое же эрогенное воздействие, особенно если боль приглушена каким-нибудь привходящим обстоятельством или удерживается дольше, то в этом отношении заключалась бы одна из основных причин садомазохистского влечения, многообразный и сложный состав которого мы, таким образом, начинаем постепенно понимать[1].

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РАБОТА

Наконец, совершенно очевидно, что следствием концентрации внимания на интеллектуальной работе и умственного напряжения в целом у многих молодых и более зрелых людей является сопутствующее сексуальное возбуждение, которое, пожалуй, необходимо считать единственной настоящей причиной нервных расстройств, которым обычно дают весьма сомнительное объяснение, сводящееся к умственному «переутомлению»[2].

Если теперь после этих сообщенных опытов и указаний, которые не являются ни полными, ни окончательными, мы окинем взором источники детского сексуального возбуждения, то сможем предугадать или выявить следующие общие свойства: по-видимому, все делается для того, чтобы привести в действие процесс сексуального возбуждения, сущность которого, правда, стала для нас весьма загадочной. Об этом прежде всего заботятся более или менее непосредственным образом возбуждения чувствительных поверхностей кожи и органов чувств) и самым непосредственным образом — раздражающие воздействия на определенные участки тела, которые называются эрогенными зонами. В этих источниках сексуального возбуждения решающее значение имеет качество раздражений, хотя

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* (Так называемый «эрогенный мазохизм» [см. с. 68, прим. 1].)

[2] [Некоторые замечания Фрейда на эту тему содержатся в его более ранней работе «Сексуальность в этиологии неврозов» (1898*a*), см. выше, с. 23.]

и момент интенсивности (при боли) не совсем безразличен. Но, кроме того, в организме имеются приспособления, вследствие которых в качестве побочного явления в целом ряде внутренних процессов возникает сексуальное возбуждение, как только интенсивность этих процессов переходит известные количественные границы. То, что мы назвали парциальными сексуальными влечениями, либо непосредственно происходит из этих внутренних источников сексуального возбуждения, либо составляется из тех вкладов, которые вносят эти источники и эрогенные зоны. Возможно, в организме не происходит ничего более значительного, что отдавало бы свои компоненты для возбуждения сексуального влечения.

В настоящее время мне кажется невозможным сделать эти общие положения более ясными и надежными, и я возлагаю за это ответственность на два момента: во-первых, на новизну всего способа рассмотрения и, во-вторых, на то обстоятельство, что сущность сексуального возбуждения нам совершенно неизвестна. И все же я не хотел бы отказаться от двух замечаний, сулящих нам открыть вид вдаль.

РАЗЛИЧНЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИИ

а) Если прежде мы видели возможность обосновать многообразие врожденных сексуальных конституций различным развитием эрогенных зон, то же самое мы можем попытаться проделать и теперь с привлечением непосредственных источников сексуального возбуждения. Мы можем предположить, что, хотя эти источники обеспечивают притоки у всех индивидов, не у всех людей они одинаково сильны и что предпочтительное развитие отдельных источников сексуального возбуждения способствует дальнейшей дифференциации различных сексуальных конституций[1]. [Ср. с. 79.]

ПУТИ ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ

б) Оставляя фигуральный способ выражения, которого мы так долго придерживались, говоря об «источниках» сексуального возбуждения, мы можем прийти к предположению, что все соединительные пути, ведущие от других функций к сексуальности,

[1] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Неизбежное следствие из предыдущих рассуждений заключается в том, что каждому индивиду необходимо приписать оральную, анальную, уретральную и т. д. эротику и что констатация соответствующих им душевных комплексов не означает суждения о ненормальности или неврозе. Различия, отделяющие нормальное от ненормального, могут состоять только в относительной силе отдельных компонентов сексуального влечения и в их использовании в процессе развития.

должны быть проходимыми и в обратном направлении. Если, например, общее для обеих функций обладание зоной губ является причиной того, что при приеме пищи возникает сексуальное удовлетворение, то тот же самый момент позволяет нам понять нарушения, связанные с приемом пищи, когда нарушены эрогенные функции общей зоны. Если нам известно, что концентрация внимания способна вызывать сексуальное возбуждение, то напрашивается предположение, что, воздействуя тем же путем, но только в обратном направлении, состояние сексуального возбуждения влияет на способность управлять вниманием. Значительная часть симптоматики неврозов, которую я вывожу из нарушений сексуальных процессов, выражается в нарушении других, не сексуальных телесных функций, и это непонятное до сих пор влияние становится менее загадочным, если оно представляет собой лишь дополнение к тем влияниям, которые испытывает на себе производство сексуального возбуждения[1].

Но те же пути, по которым сексуальные нарушения распространяются на прочие телесные функции, у здорового человека должны служить и другой важной функции. Силы сексуального влечения должны привлекаться по ним для достижения других, не сексуальных целей, то есть должна происходить сублимация сексуальности. В заключение необходимо признать, что об этих путях, несомненно, имеющихся и, вероятно, проходимых в обоих направлениях, пока нам известно очень мало достоверного.

[1] [Фрейд вновь обратился к этому вопросу, рассматривая нарушения зрения, в своей работе «Психогенное нарушение зрения с позиции психоанализа» 1910*i*; *Studienausgabe*, т. 6, с. 210–212).]

III
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПУБЕРТАТА

С наступлением пубертата начинаются изменения, которые должны перевести инфантильную сексуальную жизнь в ее окончательную нормальную форму. До сих пор сексуальное влечение было преимущественно аутоэротическим, теперь оно находит сексуальный объект. Доселе оно действовало, исходя из отдельных влечений и эрогенных зон, которые независимо друг от друга в качестве единственной сексуальной цели искали определенного удовольствия. Теперь появляется новая сексуальная цель, для достижения которой взаимодействуют все парциальные влечения, тогда как эрогенные зоны подчиняются примату генитальной зоны[1]. Поскольку новая сексуальная цель наделяет оба пола очень разными функциями, их сексуальное развитие существенно расходится. Развитие мужчины более последовательно и более доступно нашему пониманию, тогда как у женщины наступает даже своего рода инволюция. Нормальность половой жизни обеспечивается только точным совпадением двух течений, направленных на сексуальный объект и на сексуальную цель, — нежного и чувственного[2], — из которых первое вмещает в себе все, что остается от раннего инфантильного расцвета сексуальности[3]. Это похоже на прокладку туннеля с двух сторон.

Новая сексуальная цель состоит у мужчины в разгрузке половых продуктов; она отнюдь не чужда прежней цели — достижению удовольствия, напротив, наибольшее количество удовольствия связано именно с этим конечным актом сексуального процесса. Сексуальное влечение начинает теперь служить функции продолжения рода; оно становится, так сказать, альтруистическим. Чтобы это превращение удалось, в данном процессе необходимо считаться с исходными задатками и всеми особенностями влечений.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* В приведенном в тексте схематическом описании подчеркиваются различия. То, в какой степени инфантильная сексуальность своим выбором объекта и образованием фаллической фазы приближается к окончательной сексуальной организации, отмечалось выше на с. 104–105. [Выражение «и образованием фаллической фазы» добавилось только в 1924 году.]

[2] [Последние три слова были добавлены в 1915 году.]

[3] [Последняя часть предложения после слова «чувственного» добавилась в 1920 году.]

Как в любом другом случае, когда в организме должны создаваться новые связи и соединения, образующие сложные механизмы, так же и здесь возникает возможность болезненных нарушений из-за отсутствия этих преобразований. Все болезненные нарушения половой жизни с полным правом можно рассматривать как препятствия развитию.

[1] ПРИМАТ ГЕНИТАЛЬНЫХ ЗОН И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Перед нашими глазами ясно открываются исходный пункт и конечная цель описанного хода развития. Опосредствующие переходы во многих отношениях нам еще непонятны; мы должны будем разрешить в них не одну загадку.

Важной характеристикой процессов пубертата считается то, что больше всего бросается в глаза, — явное увеличение в размерах внешних гениталий, которое в латентный период детства проявлялось благодаря относительной задержке роста. Одновременно развитие внутренних гениталий настолько продвинулось вперед, что они оказываются способными поставлять половые продукты или воспринимать их для образования нового существа. Таким образом, в готовом состоянии имеется необычайно сложный аппарат, который ждет, когда им воспользуются.

Этот аппарат должен быть приведен в действие, и наблюдение позволяет нам выяснить, что раздражения могут достигать его тремя путями: из внешнего мира через возбуждение уже известных нам эрогенных зон; из внутренних органов (эти пути нам еще предстоит исследовать) и из душевной жизни, которая сама представляет собой «камеру хранения» внешних впечатлений и «приемный пункт» внутренних возбуждений. Всеми тремя способами вызывается одно и то же — состояние, которое называется «сексуальным возбуждением» и проявляется через признаки двоякого рода, душевные и соматические. Душевные признаки состоят в своеобразном чувстве напряжения чрезвычайно настойчивого характера; среди разнообразных телесных изменений на первом месте стоит ряд изменений гениталий, имеющих несомненный смысл — готовности, приготовления к половому акту. (Эрекция мужского органа, увлажнение влагалища.)

СЕКСУАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

С характером напряжения при сексуальном возбуждении связана проблема, разрешение которой настолько же трудно, насколько велико ее значение для понимания сексуальных процессов. Несмотря на господствующее в психологии различие мнений по этому поводу, я настаиваю на том, что чувство напряжения должно носить в себе характер неудовольствия. Для меня является определяющим, что такое чувство приносит с собой стремление к изменению психической ситуации, побуждает к действию, что совершенно чуждо сущности испытываемого удовольствия. Но если причислить напряжение при сексуальном возбуждении к неприятным чувствам, то сталкиваешься с фактом; что оно, несомненно, переживается как приятное. Повсюду к напряжению, вызванному сексуальными процессами, примешивается удовольствие; даже при подготовительных изменениях в гениталиях становится отчетливым своего рода чувство удовлетворения. Как связаны между собой это неприятное напряжение и это ощущение удовольствия?

Все, что связано с проблемой удовольствия-неудовольствия, касается одного из самых болезненных мест современной психологии. Мы попытаемся как можно больше узнать об этом из условий имеющегося перед нами случая и уклонимся от того, чтобы подходить к проблеме во всей ее полноте[1]. Сначала посмотрим на то, каким способом эрогенные зоны приспосабливаются к новому порядку. Им принадлежит важная роль в возникновении сексуального возбуждения. Самый отдаленный, наверное, от сексуального объекта орган — глаз — в условиях ухаживания за объектом чаще всего становится способным прельщаться тем особым качеством возбуждения, повод к которому в сексуальном объекте мы называем красотой. Поэтому достоинства сексуального объекта называются также «прелестями» [ср. с. 66, прим. 2]. С этим раздражением, с одной стороны, уже связано удовольствие, с другой стороны, его следствием является усиление или возникновение, если оно отсутствует, сексуального возбуждения. Если добавляется возбуждение другой эрогенной зоны, например ощупывающей руки, то получается такой же эффект: с одной стороны, ощущение удовольствия, вскоре усиливающееся благодаря удовольствию от подготовительных изменений, с другой стороны — дальнейшее усиление сексуального напряжения, которое вскоре переходит в самое отчетливое неудовольствие, если ему не позволяется доставлять дальнейшее удовольствие. Более ясен, пожалуй, другой случай,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Ср. попытку решения этой проблемы во вступительных замечаниях в моей статье «Экономическая проблема мазохизма», 1924*c*).

когда, например, у сексуально невозбужденного человека прикосновением раздражают эрогенную зону, допустим, кожу на груди у женщины. Это прикосновение уже вызывает чувство удовольствия, но вместе с тем оно как ничто другое способно пробудить сексуальное возбуждение, требующее усиления удовольствия. То, каким образом получается, что ощущаемое удовольствие вызывает потребность в еще большем удовольствии, как раз и составляет проблему.

МЕХАНИЗМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО УДОВОЛЬСТВИЯ

Однако роль, которая достается при этом эрогенным зонам, ясна. То, что относилось к одной из них, относится ко всем. Все они используются для того, чтобы благодаря соответствующему раздражению принести известное количество удовольствия, приводящего к усилению напряжения, которое в свою очередь должно дать необходимую моторную энергию, чтобы довести половой акт до завершения. Предпоследняя его часть опять-таки состоит в соответствующем раздражении эрогенной зоны, самой генитальной зоны на головке члена, при помощи наиболее подходящего для этого объекта — слизистой оболочки влагалища, и под влиянием удовольствия, которое обеспечивает это возбуждение, на этот раз рефлекторным путем приобретается моторная энергия, которая обеспечивает выведение половых веществ. Это последнее удовольствие является наиболее интенсивным и по своему механизму отличается от предыдущего. Оно всецело вызывается разрядкой, полностью представляет собой удовольствие от удовлетворения, и с ним на какое-то время угасает напряжение либидо.

Мне кажется вполне правомерным зафиксировать это отличие в сущности удовольствия, возникающего вследствие возбуждения эрогенных зон, от удовольствия, вызванного опорожнением сексуальных веществ, дав им соответствующие названия. Первое подходящим образом можно назвать *предварительным удовольствием* в противоположность *конечному удовольствию,* или удовольствию от удовлетворения, сексуальной деятельности. В таком случае предварительное удовольствие представляет собой то же самое, что могло доставлять, хотя и в меньшей степени, инфантильное сексуальное влечение; конечное удовольствие является новым, то есть, вероятно, оно связано с условиями, возникшими только с наступлением пубертата. Формула новой функции эрогенных зон теперь такова: они используются для того, чтобы посредством получаемого от них, как в инфантильной жизни, предварительного удовольствия содействовать достижению большего удовольствия от удовлетворения.

Недавно мне удалось объяснить другой пример из совершенно другой области психического события, в котором также достигается

больший эффект удовольствия благодаря менее значительному ощущению удовольствия, действующему при этом как соблазнительная премия. Там также имелась возможность рассмотреть сущность удовольствия более подробно[1].

ОПАСНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО УДОВОЛЬСТВИЯ

Однако взаимосвязь предварительного удовольствия с инфантильной сексуальной жизнью подтверждается патогенной ролью, которая может выпасть на его долю. Из механизма, в который вошло предварительное удовольствие, очевидно, возникает опасность для возможности достижения нормальной сексуальной цели; она возникает тогда, когда в каком-нибудь месте подготовительных сексуальных процессов предварительное удовольствие становится слишком сильным, а присущий ему компонент напряжения — слишком незначительным. Тогда сила влечения, необходимая для продолжения сексуального процесса, пропадает, весь путь сокращается, данное подготовительное действие занимает место нормальной сексуальной цели. Как показывает опыт, этот вредный случай обусловлен тем, что данная эрогенная зона или соответствующее парциальное влечение уже в инфантильной жизни в необычайной степени способствовали получению удовольствия. Если добавляются еще и моменты, содействующие фиксации, то в дальнейшей жизни легко возникает навязчивость, препятствующая включению этого предварительного удовольствия в новую взаимосвязь. Таков фактически механизм многих перверсий, которые представляют собой остановку на подготовительных актах сексуального процесса.

Нарушения функции сексуального механизма, возникающего по вине предварительного удовольствия, избежать проще всего, если примат генитальных зон предначертан уже в инфантильной жизни. Для этого, по-видимому, действительно принимаются меры во второй половине детства (от восьми лет до пубертата). В эти годы генитальные зоны ведут себя уже так, как в период зрелости, они становятся местом ощущений возбуждения и подготовительных изменений, если ощущается какое-либо удовольствие вследствие удовлетворения других эрогенных зон, хотя этот эффект пока еще остается бесцельным, то есть не

---

[1] См. мой появившийся в 1905 году научный трактат «Острота и ее отношение к бессознательному» [в конце главы IV, *Studienausgabe*, т. 4, с. 129–130] «Предварительное удовольствие», полученное благодаря техническим приемам остроты, используется для того, чтобы высвободить большее удовольствие вследствие устранения внутренних торможений. [В более поздней статье, посвященной процессу поэтического творчества (1908*e*) Фрейд приписал аналогичный механизм эстетическому удовольствию (*Studienausgabe*, т. 10, с. 179).]

способствует продолжению сексуального процесса. Таким образом, уже в детские годы наряду с удовольствием от удовлетворения имеется известное количество сексуального напряжения, хотя менее постоянного и менее значительного, и теперь мы можем понять, почему при обсуждении источников сексуальности мы могли с таким же правом сказать, что данный процесс и приносит сексуальное удовлетворение, и вызывает сексуальное возбуждение. [Ср. с. 106–107] Мы замечаем, что на пути к познанию сначала представляли себе различия инфантильной и зрелой сексуальной жизни чрезмерно большими, и теперь задним числом вносим корректировку. Не только отклонения от нормальной сексуальной жизни, но и нормальные ее формы определяются инфантильными проявлениями сексуальности.

[2] ПРОБЛЕМА СЕКСУАЛЬНОГО ВОЗБУЖДЕНИЯ

У нас осталось совершенно необъясненным, откуда берется сексуальное напряжение, возникающее при удовлетворении эрогенных зон одновременно с удовольствием, и в чем состоит его сущность[1] Напрашивающееся предположение, что это напряжение возникает каким-то образом из самого удовольствия, не только само по себе весьма неправдоподобно, оно также несостоятельно, поскольку при самом большом удовольствии, связанном с опорожнением половых продуктов, не создается никакого напряжения; напротив, всякое напряжение прекращается. Поэтому удовольствие и сексуальное напряжение могут быть связаны только косвенным образом.

РОЛЬ СЕКСУАЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ

Помимо факта, что обычно только освобождение от сексуальных веществ кладет конец сексуальному возбуждению, имеются еще и другие основания связать сексуальное напряжение с сексуальными продуктами. При воздержанной жизни половой аппарат через различные, но не беспорядочные периоды освобождается по ночам во время галлюцинаторного представления во сне полового акта, сопровождающегося ощущением удовольствия, от сексуаль-

[1] Весьма поучительно, что немецкий язык учитывает упомянутую в тексте роль подготовительного сексуального возбуждения, которое одновременно дает некоторое удовлетворение и создает некоторое количество сексуального напряжения, употреблением слова «Lust» [удовольствие]. «Lust» имеет двоякий смысл и обозначает как ощущение сексуального напряжения (Ich habe Lust = я хотел бы, я ощущаю стремление), так и удовлетворение. [Ср. с. 47, прим. 2]

ных веществ, и в отношении этого процесса — ночной поллюции — трудно отказаться от мнения, что сексуальное напряжение, которое умеет найти короткий галлюцинаторный путь для замены акта, является функцией накопления семени в резервуарах для половых продуктов. В этом же смысле опыт указывает на относительную истощаемость сексуального механизма. При опустошенных запасах семени не только невозможно осуществление полового акта, но и пропадает также раздражимость эрогенных зон, соответствующее возбуждение которых не может вызвать удовольствия. Таким образом, попутно мы узнаем, что известная степень сексуального напряжения требуется даже для возбуждения эрогенных зон.

Стало быть, напрашивается предположение, которое, если я не ошибаюсь, распространено довольно широко, что накопление сексуальных веществ создает и поддерживает сексуальное напряжение, поскольку давление этих продуктов на стенки их резервуаров действует как раздражение на спинальный центр, состояние которого воспринимается высшими центрами, и в таком случае в сознании появляется известное ощущение напряжения. Если возбуждение эрогенных зон усиливает сексуальное напряжение, то это может происходить только из-за того, что эрогенные зоны находятся в анатомической связи с этими центрами, повышают тонус возбуждения в них, при достаточном сексуальном напряжении приводят в действие половой акт, а при недостаточном — стимулируют производство половых веществ[1].

Слабость этого учения, которого придерживается, например, фон Краффт-Эбинг в своем описании сексуальных процессов, состоит в том, что, созданное для объяснения половой деятельности зрелого мужчины, оно мало учитывает троякого рода условия, которым оно также должно дать объяснение. Эти условия относятся к ребенку, к женщине и к кастрату мужского пола. Во всех трех случаях не может быть и речи о накоплении половых продуктов в таком же смысле, как у мужчины, что затрудняет простое применение схемы; однако надо сразу признаться, что можно найти сведения, позволяющие упорядочить также и эти случаи. Как бы то ни было необходимо предостеречь от того, чтобы приписывать фактору накопления половых продуктов функции, на которые он, по-видимому, не способен.

ОЦЕНКА ВНУТРЕННИХ ПОЛОВЫХ ОРГАНОВ

То, что сексуальное возбуждение может быть в значительной степени независимым от производства половых веществ, показывают наблюдения над кастратами мужского пола, у которых

[1] [Эту гипотезу Фрейд обсуждал еще раньше в разделе III своей первой работы, посвященной неврозу страха (1895*b*, *Studienausgabe*, т. 6, в частности с. 43).]

иногда операция не наносит ущерба либидо, хотя правилом является противоположное поведение, которое и служит поводом к операции. Кроме того, давно известно, что болезни, приводящие к прекращению производства мужских половых клеток, оставляют неповрежденными либидо и потенцию теперь уже стерильного индивида[1]. Поэтому отнюдь не удивительно, как это представляет К. Ригер [1900], что потеря мужских половых желез в зрелом возрасте может не оказать никакого влияния на душевное состояние индивида. Кастрация, произведенная в нежном возрасте, до пубертата, хотя и приближается по своему воздействию к устранению половых признаков, однако при этом кроме потери половых желез как таковых следовало бы также учитывать связанную с их исчезновением задержку развития других факторов.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Опыты над животными с удалением половых желез (яичек и яичников) и соответственно варьирующей пересадкой новых таких органов у позвоночных животных (см. цитированный труд Липшютца [1919, см. выше], с. 84–85) наконец-то отчасти пролили свет на происхождение сексуального возбуждения и при этом еще более оттеснили на задний план значение возможного накопления клеточных половых продуктов. С помощью эксперимента (Э. Штейнах) стало возможным превратить самца в самку и, наоборот, самку в самца, при этом психосексуальное поведение животного менялось в соответствии с соматическими половыми признаками и одновременно с ними. Но это определяющее пол влияние следует приписать не той части половой железы, которая производит специфические половые клетки (сперматозоиды и яйцеклетки), а ее интерстициальной ткани, которая поэтому выделяется авторами как «пубертатная железа». Вполне возможно, что дальнейшие исследования покажут, что обычно «пубертатная железа» может определять оба пола, чем было бы анатомически обосновано учение о бисексуальности высших животных, и уже сейчас можно предположить, что она — не единственный орган, имеющий отношение к производству сексуального возбуждения и половых признаков. Во всяком случае это новое биологическое открытие примыкает к тому, что мы уже раньше узнали о значении щитовидной железы для сексуальности. Мы можем теперь считать, что в интерстициальной части половой железы создаются особые химические вещества, которые усваиваются кровотоком и заряжают определенную часть центральной нервной системы сексуальным напряжением, как мы знаем о таком превращении токсичес-

---

[1] [Это предложение было добавлено в 1929 году]

кого раздражения в особое раздражение органа с помощью других введенных ядовитых веществ, которые для тела являются чуждыми. Каким образом возникает сексуальное возбуждение в результате раздражения эрогенных зон при прежнем заряде центральных аппаратов и какие смешения чисто токсических и физиологических раздражений получаются при этих сексуальных процессах, даже если это рассматривать только гипотетически, — говорить об этом сегодня несвоевременно. В этом представлении о сексуальных процессах нам достаточно придерживаться как существенного предположения о наличии особых веществ, возникающих в результате обмена сексуальных веществ[1]. Ибо эта кажущаяся произвольной гипотеза подкрепляется крайне важными фактами, на которые мало обращали внимания. Неврозы, которые можно свести только к нарушениям сексуальной жизни, демонстрируют огромное клиническое сходство с феноменами интоксикации и абстиненции, возникающими в результате обычного введения ядовитых веществ (алкалоидов), вызывающих удовольствие.

---

[1] [Весь абзац до этого места в настоящей форме датирован 1920 годом. В первом издании (1905), а также в двух следующих вместо него имелся следующий пассаж: «Истина заключается в том, что о сущности сексуального возбуждения — с тех пор как мы понимаем, что переоценивали половые железы в этом значении — мы не способны дать никаких сведений, причем прежде всего не потому, что не знаем, с каким органом или с какими органами связаны характеристики пола. После того как удивительные открытия познакомили нас с важной ролью половой железы для сексуальности, мы можем предположить, что знание существенных факторов половых свойств пока еще от нас скрыто. У кого есть потребность восполнить этот огромный пробел в нашем знании с помощью предварительного предположения, тот, опираясь на действенные вещества, которые были выявлены в щитовидной железе, придет к примерно следующему представлению: в результате соответствующего раздражения эрогенных зон, в точности как при других обстоятельствах, когда возникает сексуальное возбуждение, разлагается общераспространенное в организме вещество, продукты распада которого создают раздражитель, специфический для репродуктивных органов или с ними связанного спинального центра, как мы знаем о таком превращении токсического раздражения в особое раздражение органа с помощью других введенных ядовитых веществ, которые для тела являются чуждыми. Обсуждать (даже только гипотетически) смешения чисто токсических и физиологических раздражений, которые получаются при этих сексуальных процессах — задача несвоевременная. Впрочем, я не настаиваю на этой особой гипотезе и готов тотчас от нее отказаться в пользу другой, если только сохранится ее главное свойство — акцент на сексуальном химизме». Примечательно, сколь незначительны оказались изменения, которые пришлось сделать Фрейду в своей гипотезе после открытия половых гормонов — открытия, которое он фактически предвосхитил, причем не в 1905, а по меньшей мере в 1896 году, как это следует из двух его писем Флиссу от 1 марта и 2 апреля 1896 года (Freud, 1950*a*, письма № 42 и № 44). Также и во второй его работе, посвященной роли сексуальности в неврозах, он подчеркивал значение химического фактора (1906а, см. ниже, с. 156); эту работу он опубликовал примерно в одно время с первым изданием «Трех очерков».]

[3] ТЕОРИЯ ЛИБИДО[1]

С этими предположениями о химической основе сексуального возбуждения хорошо согласуются наши вспомогательные гипотезы, которые мы создали себе для того, чтобы лучше понять психические выражения сексуальной жизни. Мы ввели понятие *либидо* как количественно меняющейся энергии, которой можно измерить процессы и преобразования в области сексуального возбуждения. Это либидо — в силу его особого происхождения — мы отличаем от энергии, которую следует положить в основу душевных процессов в целом, и, таким образом, наделяем ее также особыми качественными характеристиками. Отделяя либидинозную от другой психической энергии, мы выражаем предположение, что сексуальные процессы организма отличаются от процессов питания особым химизмом. Анализ перверсий и психоневрозов привел нас к пониманию того, что это сексуальное возбуждение поставляется не только так называемыми половыми частями, но и всеми органами тела. Следовательно, мы создаем представление о неком количестве либидо, психическое представительство которого мы называем *либидо Я*, а его продукция — уменьшение или увеличение, распределение и смещение — должна позволить нам объяснить наблюдаемые психосексуальные феномены.

Однако аналитическому исследованию это либидо Я становится доступным только тогда, когда оно нашло психическое применение в виде катексиса сексуальных объектов, то есть стало *объектным либидо*. Мы видим тогда, что оно концентрируется[2] на объектах, фиксируется на них или оставляет эти объекты, переходит с них на другие и с этих позиций направляет сексуальную деятельность индивида, которая ведет к удовлетворению, то есть частичному и вре́менному угасанию либидо. Психоанализ так называемых неврозов переноса (истерии и невроза навязчивых состояний) позволяет нам получить здесь четкое представление.

Относительно судеб объектного либидо мы можем также узнать, что, будучи отвлеченным от объектов, оно сохраняется свободным в особых состояниях напряжения и в конце концов возвра-

---

[1] [Весь этот абзац за исключением трех последних предложений появился в 1915 году. Он в значительной мере основывается на работе Фрейда, посвященной нарцизму (1914*c*).]

[2] [Здесь, как и в других местах, где Фрейд говорит о том, что либидо концентрируется на «объектах» или отвлекается от «объектов», он, разумеется, имеет в виду *представления* об объектах, а не объекты как таковые.]

щается к Я, в результате чего снова становится либидо Я. Либидо Я — в противоположность объектному либидо — мы называем также *нарциссическим* либидо. Из психоанализа, словно через границу, переступить которую нам не дозволено, мы глядим в водоворот нарциссического либидо, и у нас создается представление об отношениях того и другого[1]. Нарциссическое либидо, или либидо Я, предстает перед нами как огромный резервуар, из которого посылаются объектные катексисы и в который они снова втягиваются; нарциссический либидинозный катексис Я — как первичное состояние, реализованное в раннем детстве, которое лишь прикрывается более поздними испусканиями либидо, но, в сущности, сохраняется позади них.

Задача теории либидо невротических и психотических расстройств должна состоять в выражении всех наблюдаемых феноменов и выявленных процессов в терминах экономики либидо. Нетрудно догадаться, что при этом судьбам либидо Я будет придаваться большее значение, особенно там, где речь идет об объяснении более глубоких психотических расстройств. В таком случае трудность заключается в том, что средство нашего исследования, психоанализ, пока дает нам надежные сведения только о превращениях объектного либидо[2] и не может непосредственно отделить либидо Я от других действующих в Я энергий[3]. Поэтому[4] дальнейшее развитие теории либидо возможно пока только путем умозрительных рассуждений. Но мы откажемся от всех завоеваний прежних психоаналитических наблюдений, если по образцу К. Г. Юнга дадим понятию либидо испариться, отождествив его с движущей психической энергией в целом.

Отделение импульсов сексуального влечения от других и тем самым ограничение понятия либидо этими первыми получают существенное подкрепление со стороны изложенной выше гипотезы об особом химизме сексуальной функции.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Это ограничение уже не имеет своей прежней силы с тех пор, как психоанализу в большей степени стали доступны нарушения, отличающиеся от «неврозов переноса».

[2] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* См. предыдущее примечание.

[3] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* См. «О введении понятия "нарцизм"» (1914*c*) *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Термин «нарцизм» был создан не Некке, как там по ошибке указано, а Х. Эллисом. [Сам Эллис подробно рассмотрел этот вопрос позднее (1927) и пришел к выводу, что эта честь принадлежит им обоим.]

[4] [Остальная часть абзаца была добавлена в 1920 году.]

[4] ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Известно, что только с наступлением пубертата происходит строгое разделение мужского и женского характера; эта противоположность как никакая другая оказывает затем решающее влияние на весь образ жизни людей. Однако мужские и женские задатки хорошо заметны уже в детском возрасте; развитие сдерживающих факторов сексуальности (стыда, отвращения, сострадания и т. д.) происходит у девочки раньше и встречает меньше сопротивления, чем у мальчика; склонность к сексуальному вытеснению представляется в целом большей. Там, где дают о себе знать парциальные влечения сексуальности, они предпочитают пассивную форму. Однако аутоэротическая деятельность эрогенных зон у обоих полов одинакова, и вследствие этого соответствия возможность половых различий в том виде, как они устанавливаются после пубертата, в детстве отсутствует. Учитывая проявления сексуальности в виде аутоэротики и мастурбации, можно было бы выдвинуть тезис, что сексуальность маленьких девочек носит вполне мужской характер. Более того, если бы мы сумели наделить понятия «мужской» и «женский» более определенным содержанием, то можно было бы отстаивать также и утверждение, что либидо регулярно и закономерно имеет мужскую природу, кому бы оно — мужчине или женщине — ни принадлежало и независимо от своего объекта, будь то мужчина или женщина[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Необходимо отдавать себе отчет в том, что понятия «мужской» и «женский», содержание которых обычному человеку кажется столь недвусмысленным, в науке относятся к самым запутанным, и их следует разделять по меньшей мере по *трем* направлениям. Слова «мужской» и «женский» употребляют то в смысле *активности* и *пассивности*, то в *биологическом*, а затем и в *социологическом* смысле. Первое из трех этих значений является важным, и оно используется большей частью в психоанализе. Именно в этом значении выше в тексте либидо обозначается как мужское, ибо влечение всегда активно, даже тогда, когда оно поставило перед собой пассивную цель. Второе, биологическое, значение мужского и женского допускает самое ясное определение. Мужское и женское характеризуется здесь наличием семенных клеток либо яйцеклеток и обусловленных ими функций. Активность и ее побочные проявления, более сильное развитие мускулатуры, агрессия, бóльшая интенсивность либидо, как правило, сочетаются с биологической мужественностью, но не связаны с ней непременно, ибо имеются виды животных, у которых этими свойствами наделены, скорее, женские особи. Третье, социологическое, значение получает свое содержание благодаря наблюдению над действительно существующими мужскими и женскими индивидами. Эти наблюдения у людей показывают, что ни в психологическом, ни в биологическом смысле чистой мужественности или

С тех пор как я познакомился с точкой зрения на бисексуальность[1], я считаю этот момент в данном случае определяющим и думаю, что без учета бисексуальности едва ли можно прийти к пониманию фактически наблюдаемых сексуальных проявлений у мужчины и женщины.

ВЕДУЩИЕ ЗОНЫ У МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Несмотря на это, я могу добавить лишь следующее: также и у ребенка женского пола ведущая эрогенная зона расположена в клиторе, то есть она является гомологичной мужской генитальной зоне на головке полового члена. Все, что мне удалось узнать о мастурбации у маленьких девочек, относилось к клитору, а не к частям внешних гениталий, имеющим большое значение для последующих генитальных функций. У меня самого существуют сомнения в том, что под влиянием соблазнения девочка может прийти к чему-либо иному, кроме мастурбации клитора, разве что в совершенно исключительном случае. Так часто встречающаяся именно у маленьких девочек спонтанная разрядка сексуального возбуждения выражается в подергиваниях клитора, а частые его набухания позволяют девочке правильно и без указаний оценить сексуальные проявления противоположного пола, просто перенося на мальчиков ощущения от собственных сексуальных процессов.

Кто хочет понять превращение маленькой девочки в женщину, тот должен проследить дальнейшую судьбу этой возбудимости клитора. Пубертат, сопровождающийся у мальчика стремительным вторжением либидо, у девочки характеризуется новой волной вытеснения, которым затрагивается как раз клиторальная сексуальность. При этом подвергается вытеснению известная часть мужской сексуальной жизни.

Усиливающееся сдерживание сексуальности девушки, обусловленное пубертатным вытеснением, служит стимулом для либидо мужчины и вынуждает его к активизации своих функций; с повышением либидо усиливается тогда и сексуальная переоценка, которая в полной мере проявляется лишь в отношении отказывающей, от-

---

женственности не встречается. Напротив, каждый отдельный человек обнаруживает смешение своих биологических половых признаков с биологическими чертами противоположного пола и соединение активности и пассивности, поскольку эти характерные психические особенности, с одной стороны, зависят от биологических, но, с другой, от них независимы. [Последующее обсуждение этого вопроса содержится в работе «Недомогание культуры» (1930*a*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 235–236, прим. 2.]

[1] [Только в 1905 году в этом месте указано также: «(благодаря В. Флиссу)» Ср. конец примечания на с. 55 выше.]

рицающей свою сексуальность женщины. Тогда клитор, сам возбуждаясь во время позволительного, наконец, полового акта, выполняет роль проводника этого возбуждения к соседним женским органам, подобно тому как используют сосновые щепки, чтобы зажечь не так легко воспламеняющиеся дрова. Нередко, чтобы произошел этот перенос, требуется определенное время, в течение которого молодая женщина лишена чувствительности. Эта анестезия может стать постоянной, если клиторальная зона отказывается передать свою способность возбуждаться, что подготавливается активной деятельностью в детской жизни. Известно, что анестезия женщин часто лишь кажущаяся, локальная. Они нечувствительны у входа во влагалище, но отнюдь не при стимуляции клитора или других зон. К этим эрогенным причинам анестезии присоединяются затем еще и психические, также обусловленные вытеснением.

Если перенос эрогенной раздражимости от клитора во вход во влагалище удался, то это означает, что у женщины произошла смена ее ведущей зоны для последующего полового поведения, тогда как у мужчины с детства сохраняется одна и та же зона. В этой смене ведущей эрогенной зоны, а также во всплеске вытеснения в пубертате, в результате которого, так сказать, устраняется инфантильная мужественность, кроются основные причины особой предрасположенности женщины к неврозу, в частности к истерии. Следовательно, эти условия самым тесным образом связаны с сущностью женственности[1].

[5] НАХОЖДЕНИЕ ОБЪЕКТА

В то время как благодаря процессам полового созревания устанавливается примат генитальных зон, а появление эрекции мужского полового члена властно указывает на новую сексуальную цель — на проникновение в полость тела, возбуждающее генитальную зону, с психической стороны совершается процесс нахождения объекта, подготовка к которому велась с самого раннего детства. Когда первоначальное сексуальное удовлетворение еще было связано с приемом пищи, сексуальный объект сексуального влечения находился

---

[1] [Впоследствии Фрейд исследовал процесс развития сексуальности у женщин при описании истории болезни одной гомосексуальной женщины (1920*a*: *Studienausgabe*, т. 7, с. 257 и далее), при обсуждении последствий анатомического различия между полами (1925*j*), в своей статье о женской сексуальности (1931*b*; обе статьи представлены в данном томе, с. 257 и далее, с. 275 и далее) и в 33-й лекции «Нового цикла» (1933*a*; *Studienausgabe*, т. 1, с. 544 и далее).]

вне собственного тела – в материнской груди. Влечение лишилось его лишь позднее, возможно, как раз в то время, когда ребенок стал способным формировать общее представление о человеке, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган. Как правило, половое влечение становится затем аутоэротическим, и только по завершении латентного периода восстанавливается первоначальное отношение. Не без веского основания сосание ребенком груди матери стало образцом всех любовных отношений. Нахождение объекта – это, по существу, нахождение заново[1].

СЕКСУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Но от этих первых и самых важных сексуальных отношений даже после отделения сексуальной деятельности от приема пищи остается важная часть, подготовляющая выбор объекта, то есть помогающая восстановить утраченное счастье. Весь латентный период ребенок учится *любить* других людей, которые помогают ему в его беспомощности и удовлетворяют его потребности, в точности по образцу и в продолжение его младенческих отношений к кормилице. Наверное, захочется воспротивиться отождествлению нежных чувств и уважения, которые ребенок проявляет к тем, кто о нем заботится, с половой любовью; но я полагаю, что более точное психологическое исследование, вне всякого сомнения, сумеет установить эту тождественность. Общение ребенка с человеком, который за ним ухаживает, является для него непрерывным источником сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны, тем более что последний – как правило, это все же мать – сам одаривает ребенка чувствами, происходящими из собственной сексуальной жизни, ласкает его, целует и убаюкивает и совершенно отчетливо заменяет им полноценный сексуальный объект[2]. Мать, вероятно, испугалась бы,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Психоанализ показывает, что имеются два пути нахождения объекта: во-первых, описанный в тексте, который совершается с *опорой* на образцы раннего детства, и, во-вторых, *нарциссический*, который ищет собственное Я и заново находит его в другом человеке. Этот последний путь имеет особенно большое значение для патологических исходов, но к обсуждаемой здесь проблеме не относится. [Этот вопрос далее обсуждается во второй половине раздела II работы Фрейда о нарцизме (1914c; *Studienausgabe*, т. 3, с. 53–58). Данный абзац, написанный в 1905 году, похоже, не согласуется с примечаниями, относящимися к этой теме на страницах 105 и 136, добавленными в 1915 и 1920 годах соответственно.]

[2] Те, кому это мнение покажется «кощунственным», пусть прочтут почти совпадающую по смыслу трактовку отношений между матерью и ребенком у Хэвлока Эллиса. («Половое чувство», с. 16.)

если бы ей разъяснили, что всеми своими нежностями она пробуждает сексуальное влечение своего ребенка и подготавливает его будущую интенсивность. Она считает свои действия проявлением асексуальной «чистой» любви, поскольку тщательно избегает вызывать в гениталиях ребенка больше возбуждения, чем это необходимо при уходе за ним. Но, как мы знаем, половое влечение пробуждается не только раздражением генитальной зоны; то, что мы называем нежностью, неминуемо однажды окажет воздействие и на генитальные зоны. Если бы мать лучше понимала важную роль влечений для всей душевной жизни, для всех этических и психических проявлений, то и после таких объяснений она не стала бы себя укорять. Она лишь выполняет свою задачу, обучая ребенка любить; он должен стать дельным человеком с энергичной сексуальной потребностью и осуществить в своей жизни все, к чему подталкивает человека влечение. Избыток родительской нежности может, разумеется, навредить, ускорив сексуальное созревание, кроме того, это делает ребенка «избалованным», неспособным в дальнейшей жизни временно отказаться от любви или довольствоваться меньшим ее количеством. То, что ребенок оказывается ненасытным в своем требовании родительской нежности, — один из вернейших признаков будущей нервозности; с другой стороны, именно невропатические родители, в большинстве своем склонные к чрезмерной нежности, чаще всего пробуждают своими ласками предрасположение ребенка к невротическому заболеванию. Впрочем, из этого примера видно, что у невротических родителей имеются более непосредственные пути передать свое нарушение детям, чем по наследственности.

ИНФАНТИЛЬНАЯ ТРЕВОГА

Сами дети с ранних лет ведут себя так, как будто их привязанность к тем, кто за ними ухаживает, носит характер сексуальной любви. Первоначально тревога детей представляет собой не что иное, как выражение того, что им недостает любимого человека; поэтому любого чужака они встречают с тревогой; они боятся темноты, потому что в ней не видно любимого человека, и успокаиваются, если в темноте могут взять его за руку. Воздействие всяких детских страшилок или жутких историй нянек переоценивается, когда их делают повинными в том, что они вызывают боязливость детей. Дети, склонные к боязливости, воспринимают только такие истории, которые на других детей никакого впечатления не производят; а к боязливости склонны лишь дети с чрезмерным, или преждевременно развитым, или ставшим по причине изнеженности пре-

тенциозным сексуальным влечением. При этом ребенок ведет себя как взрослый, превращая свое либидо в тревогу, будучи неспособным дать ему удовлетворение, а в свою очередь взрослый, став вследствие неудовлетворенного либидо невротичным, ведет себя в своей тревоге, как ребенок, начинает бояться, оставаясь один, то есть без человека, в любви которого он уверен, и желает успокоить эту свою тревогу самыми детскими мерами[1].

ОГРАНИЧЕНИЕ ИНЦЕСТА[2]

Если нежность родителей к ребенку счастливо избежала того, чтобы преждевременно, то есть до появления физических условий пубертата, пробудить его сексуальное влечение с такой силой, что психическое возбуждение явным образом прорывается к генитальной системе, то она может исполнить свою задачу — руководить этим ребенком в зрелости при выборе сексуального объекта. Несомненно, ребенку легче всего избрать сексуальными объектами тех лиц, которых он любит с детства, так сказать, приглушенным либидо[3]. Но благодаря отсрочке сексуального созревания появилось время, чтобы наряду с другими сексуальными торможениями соорудить преграды для инцеста, воспринять в себя те моральные предписания, которые категорически исключают при выборе объекта любимых в детстве людей, близких родственников. Соблюдение этих границ — это прежде всего культурное требование общества, которое должно бороться с поглощением семьей интересов, необходимых ему для создания более высоких социальных единиц, и поэтому всеми средствами старается ослабить у каждого отдельного

---

[1] Объяснением происхождения детской тревоги я обязан одному трехлетнему мальчику; однажды я услышал, как он просил, находясь в темной комнате: «Тетя, поговори со мной; я боюсь, потому что очень темно». Тетя ему ответила. «Что тебе с того? Ведь ты меня не видишь». «Ну и что, — ответил ребенок, — когда кто-нибудь говорит, становится светло». То есть он боялся не из-за темноты, а потому что ему недоставало любимого человека, и мог обещать успокоиться, как только получит доказательство его присутствия. *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* То, что невротическая тревога происходит из либидо, представляет собой продукт его превращения, относится, следовательно, к нему, как уксус к вину, является одним из самых значительных результатов психоаналитического исследования. Дальнейшее обсуждение этой проблемы см. в моих «Лекциях по введению в психоанализ» [25-я лекция] (1916–1917), где, пожалуй, также не дано окончательного объяснения. [Свои окончательные представления, связанные с проблемой тревоги, Фрейд изложил в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*) и в 32-й лекции «Нового цикла» (1933*a*).]

[2] [В издании 1924 года этот подзаголовок был, вероятно, по ошибке опущен.

[3] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Ср. с этим сказанное на с. 105 о выборе объекта у ребенка: «нежное течение».

человека, особенно у юноши, связь с семьей, имеющую решающее значение только в детстве[1].

Но выбор объекта сначала совершается в представлении, и половая жизнь только созревающих молодых людей едва ли может происходить где-то еще, кроме как в фантазиях, то есть в представлениях, не предназначенных для исполнения[2]. В этих фантазиях у всех лю-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Ограничение инцеста принадлежит, вероятно, к историческим завоеваниям человечества и, подобно другим моральным табу, зафиксировано у многих индивидов органическим унаследованием. (Ср. мое сочинение «Тотем и табу», 1912–1913.) И все же психоаналитическое исследование показывает, с какой силой отдельный человек в период своего развития борется с искушениями инцеста и как часто он предается им в фантазиях и даже в реальности. [Мысль о «страхе инцеста» в печатном виде здесь изложена впервые.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* Фантазии пубертатного времени присоединяются к оставленному в детстве инфантильному сексуальному исследованию и, пожалуй, отчасти относятся к латентному периоду. Они могут оставаться полностью или по большей части бессознательными и поэтому зачастую не поддаются точной датировке. Они имеют большое значение для возникновения разнообразных симптомов, прямо-таки представляя собой их предварительные ступени, то есть создавая формы, в которых находят свое удовлетворение вытесненные компоненты либидо. Таковы и источники ночных фантазий, которые осознаются в виде сновидений. Сновидение — это часто не что иное, как оживление таких фантазий под влиянием и в связи с дневным раздражителем, оставшимся из жизни в бодрствовании («дневные остатки»). [См. главу VI, раздел I «Толкования сновидений» (1900*a*; *Studienausgabe*, т. 2, с. 474).] Среди сексуальных фантазий пубертатного времени выделяются несколько, которые отличаются всеобщей распространенностью и значительной независимостью от переживаний отдельного человека. Таковы фантазии о подглядывании за половым сношением родителей, о соблазнении в раннем детстве любимыми людьми, об угрозе кастрации [ср. обсуждение «первичных фантазий» в 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917); *Studienausgabe*, т. 1, с. 359–362)], фантазии о материнской утробе, содержание которых — пребывание и даже переживания в утробе матери, и так называемый «семейный роман», в котором подрастающий юноша реагирует на различие своего отношения к родителям сейчас и в детстве. Близкую связь этих фантазий с мифом для последнего примера показал О. Ранк в своем сочинении «Миф о рождении героя», 1909. [См. также работу самого Фрейда о «семейном романе» (1909*c*; *Studienausgabe*, т. 4, с. 223 и далее) и длинное примечание в истории болезни «Крысина» (1909*d*; *Studienausgabe*, т. 7, с. 72–74, прим. 2).]

Справедливо говорят, что эдипов комплекс — это ядерный комплекс неврозов, что он представляет собой основную часть содержания невроза. В нем достигает кульминации инфантильная сексуальность, которая своим последействием оказывает решающее влияние на сексуальность взрослого человека. Перед каждым новорожденным встает задача преодолеть эдипов комплекс; кто с ней не справится, тот обречен на невроз. Успех психоаналитической работы все яснее показывает это значение эдипова комплекса; его признание стало тем шибболетом [евр. «колос», Кн. Судей, XII, 6 — в переносном смысле означает «особенность», «отличие» — *Примечание переводчика.*], который отделяет сторонников психоанализа от его противников.

[Дополнение, сделанное в 1924 году:] В другом сочинении («Травма рождения» 1924) Ранк возвел привязанность к матери к эмбриональному доисторическому

дей снова проявляются инфантильные склонности, теперь усиленные соматически, а среди них с закономерной частотой и на первом месте – в большинстве случаев уже дифференцированное благодаря половому притяжению сексуальное влечение ребенка к родителям, сына к матери и дочери к отцу[1]. Одновременно с преодолением и оставлением этих явно инцестуозных фантазий достигается один из самых значительных, но и самых болезненных результатов психической деятельности пубертатного времени – освобождение от авторитета родителей, благодаря которому создается столь важное для культурного прогресса противопоставление нового и старого поколений. На каждой из остановок на пути развития, который должны пройти индивиды, некое их число застревает, и, таким образом, имеются также люди, никогда не сумевшие освободиться от авторитета родителей и не изъявшие обратно у них свои нежные чувства или сделавшие это только отчасти. В большинстве случаев это девушки, которые, к радости родителей, сохраняют полностью свою детскую любовь далеко за пределами пубертата, и тут весьма поучительно обнаружить, что в последующем браке этим девушкам недостает способности дарить своим мужьям надлежащее. Они становятся холодными женами и остаются сексуально анестетическими. Из этого следует, что внешне несексуальная любовь к родителям и половая любовь питаются из одного и того же источника, то есть первая лишь соответствует инфантильной фиксации либидо.

Чем больше приближаешься к глубоким нарушениям психосексуального развития, тем отчетливее выступает на передний план значение инцестуозного выбора объекта. У психоневротиков вследствие отвержения сексуальности вся психосексуальная деятельность, направленная на нахождение объекта, или большая часть ее остается в бессознательном. Для девушек с чрезмерной потребностью в нежности и с таким же страхом перед реальными требованиями сексуальной жизни непреодолимым искушением становится, с одной стороны, желание осуществить в жизни идеал асексуальной любви, с другой стороны – скрыть свое либидо под нежностью, которую они могут проявлять без упреков к себе, сохранив на всю жизнь инфантильную, оживленную в пубертате склонность к родителям или братьям и сестрам. Психоанализ, выслеживая при помощи симптомов и других

времени и, таким образом, показал биологическую основу эдипова комплекса. В отличие от вышесказанного он выводит ограничение инцеста из травматического впечатления от тревоги, возникающей при рождении. [См. главу X работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*); *Studienausgabe*, т. 6, с. 289–291.]

[1] Ср. рассуждения о неизбежном роке в сказании об Эдипе («Толкование сновидений», 1900a [глава V, раздел Г (β), *Studienausgabe*, т. 2, с. 265–268]).

болезненных проявлений бессознательные мысли и переводя эти мысли в сознание, без труда может показать таким людям, что они в общепринятом смысле слова *влюблены* в этих своих близких родственников. Также и в тех случаях, когда человек, бывший прежде здоровым, заболел после неудачного любовного опыта, в качестве механизма такого заболевания можно гарантированно раскрыть возвращение его либидо к предпочитаемым в детстве людям.

ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ ИНФАНТИЛЬНОГО ВЫБОРА ОБЪЕКТА

Также и тот, кто счастливо избежал инцестуозной фиксации своего либидо, не избавлен полностью от ее влияния. Отчетливым отголоском этой фазы развития является первая серьезная влюбленность молодого человека, как это часто бывает, в зрелую женщину, влюбленность девушки в немолодого, обладающего авторитетом мужчину, которые могут оживить у них образ матери и отца[1]. При более свободной опоре на эти образцы происходит, пожалуй, вообще всякий выбор объекта. Прежде всего мужчина ищет объект под влиянием сохранившегося в памяти образа матери, во власти которого он находится с самого раннего детства; с этим полностью согласуется то, что мать, если она жива, противится подобной своей замене и встречает ее с враждебностью. При таком значении детских отношений к родителям для последующего выбора объекта легко понять, что всякое нарушение этих сложившихся в детстве отношений выражается в тяжелейших последствиях для сексуальной жизни после наступления зрелости; также и ревность любящих никогда не бывает лишена инфантильных корней или, по крайней мере, инфантильного подкрепления. Ссоры между самими родителями, несчастливый брак обусловливают сильнейшее предрасположение к нарушению сексуального развития или невротическому заболеванию детей.

Инфантильная склонность к родителям является, пожалуй, самым важным, но не единственным из следов, которые, будучи обновленными в пубертате, указывают затем путь к выбору объекта. Другие склонности такого же происхождения позволяют мужчине, по-прежнему опираясь на свое детство, выстроить более одного *сексуального ряда*, создать совершенно разные условия для выбора объекта[2].

[Дополнение, сделанное в 1920 году:] См. мою статью «Об особом типе выбора объекта у мужчины» (1910*h*) [с. 187 и далее в этом томе.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Бесчисленные особенности любовной жизни человека, а также навязчивость самой влюбленности вообще можно понять только через возвращение к детству и как его остаточное воздействие

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Задача, возникающая при выборе объекта, состоит в том, чтобы не «упустить» противоположный пол. Она, как известно, разрешается не без некоторых пробных попыток. Первые побуждения после пубертата довольно часто — без особого, впрочем, вреда — ведут по ложному пути. Дессуар [1894] справедливо обратил внимание на закономерность восторженной дружбы юношей и молодых девушек с подобными себе. Наибольшую силу, защищающую от стойкой инверсии сексуального объекта, несомненно, представляет собой притягательность противоположных половых признаков друг для друга; для объяснения данного факта в контексте этих рассуждений ничего сказать невозможно[1]. Но самого по себе этого фактора недостаточно для того, чтобы исключить инверсию; к нему добавляются всевозможные подкрепляющие моменты. Прежде всего сдерживающий авторитет общества; там, где инверсия не расценивается как преступление, можно увидеть, что она полностью соответствует сексуальным наклонностям многих индивидов. Далее, относительно мужчины можно предположить, что детское воспоминание о нежности матери и других лиц женского пола, кому он ребенком был вверен, активно содействует тому, чтобы направить его выбор на женщину[2], тогда как пережитое в раннем детском возрасте сексуальное запугивание со стороны отца и отношение к нему как сопернику отвлекают от лиц того же пола. Но оба этих момента относятся также и к девушке, сексуальная деятельность которой находится под особым присмотром матери. Таким образом, возникает враждебное отношение к собственному полу, оказывающее решающее влияние на выбор объекта в том смысле, который признается нормальным. Воспитание мальчиков мужчинами (рабами в античном мире), по-видимому, способствует гомосексуализму; распространенность инверсии у нынешней знати, пожалуй, становится несколько более понятной по причине использования мужской прислуги и меньшей личной заботы матерей о своих детях. У некоторых истериков бывает так, что из-за

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Здесь уместно сослаться на безусловно фантастическое, но весьма остроумное сочинение Ференци («Опыт теории генитальности», 1924), в котором половая жизнь высших животных выводится из биологической теории развития.

[2] [Остальная часть этого предложения и два следующих предложения относятся к 1915 году. В изданиях 1905 и 1910 годов вместо этого говорилось: «Тогда как девушка, которая и без того с пубертатом вступает в период вытеснения, побуждениями соперничества удерживается от любви к лицам того же пола».]

отсутствия в раннем детстве одного из родителей (вследствие смерти, развода, отчуждения) оставшийся родитель привлекает к себе всю любовь ребенка, в результате чего создается условие, определяющее пол человека, выбираемого в дальнейшем в качестве сексуального объекта и вместе с тем содействующее возникновению постоянной инверсии.

РЕЗЮМЕ

Теперь самое время попытаться подытожить изложенное. Мы исходили из отклонений полового влечения в отношении объекта и его цели и столкнулись с вопросом, проистекают ли они из врожденных задатков или приобретаются под влиянием того, что происходит в жизни. Ответ на этот вопрос вытекает из нашего понимания особенностей полового влечения у психоневротиков — многочисленной группы людей, недалеко отстоящей от здоровых, и это понимание мы получили благодаря психоаналитическому исследованию. Мы установили, что у этих людей в качестве бессознательной силы можно выявить склонность ко всем видам перверсий, которая проявляется как фактор, способствующий образованию симптомов, и могли утверждать, что невроз — это своего рода негатив перверсии. Ввиду известного нам теперь большого распространения склонности к перверсиям мы пришли к выводу, что предрасположение к перверсиям представляет собой общее первоначальное предрасположение полового влечения человека, из которого вследствие органических изменений и психических торможений в процессе созревания развивается нормальное сексуальное поведение. Мы надеемся, что сумеем выявить первоначальные задатки в детском возрасте; среди сил, ограничивающих направление сексуального влечения, мы выделили стыд, отвращение, сострадание и социальные конструкции морали и авторитета. Таким образом, в каждом зафиксированном отклонении от нормальной половой жизни мы должны были усматривать частичную задержку в развитии и инфантилизм. Нам пришлось выдвинуть на передний план значение вариаций первоначальных задатков, а также предположить, что между ними и жизненными влияниями существуют отношения кооперации, а не противоположности. С другой стороны, нам казалось, что, поскольку первоначальные задатки должны быть комплексными, само половое влечение — как нечто состоящее из многих факторов — при перверсиях, так сказать, распадается на свои компоненты. Таким образом, перверсии предстали, с одной стороны, задержками, с другой стороны — диссоциациями нормального развития. Оба вывода объединились в предположении, что половое влечение взрослого человека образуется благодаря соединению многочисленных побуждений детской жизни в единое целое — в одно стремление с одной-единственной целью.

Мы также добавили объяснение преобладания извращенных наклонностей у психоневротиков, истолковав их как на коллатеральное заполнение побочных путей при преграждении основного русла вследствие вытеснения, и обратились затем к рассмотрению сексуальной жизни ребенка[1]. Мы сочли прискорбным, что детскому возрасту отказывали в сексуальном влечении и что нередко наблюдаемые проявления сексуальности у ребенка описывали как явления, отклоняющиеся от общего правила. Нам, скорее, казалось, что ребенок появляется на свет с зачатками сексуальной деятельности и уже при приеме пищи испытывает сексуальное удовлетворение, которое затем он постоянно старается воссоздать в хорошо всем известной деятельности «сосания». Однако сексуальная деятельность ребенка не развивается равномерно, как другие его функции, а после короткого периода расцвета — в возрасте от двух до пяти лет[2] — наступает так называемый латентный период. Производство сексуального возбуждения в это время отнюдь не прекращается, а продолжается и дает запас энергии, которая большей частью используется на другие, не сексуальные цели, а именно, с одной стороны, на передачу сексуальных компонентов социальным чувствам, с другой стороны (посредством вытеснения и реактивного образования), на создание последующих сексуальных ограничений. Таким образом, силы, предназначенные удерживать сексуальное влечение в определенных рамках, создаются в детском возрасте за счет извращенных по большей части сексуальных побуждений и при содействии воспитания. Другая часть инфантильных сексуальных побуждений избегает такого применения и может выразиться в виде сексуальной деятельности. В таком случае можно узнать, что сексуальное возбуждение ребенка проистекает из различных источников. Прежде всего возникает удовлетворение благодаря соответствующему чувственному возбуждению так называемых эрогенных зон, в качестве которых может выступать, вероятно, любой участок кожи и любой орган чувств, возможно, любой орган[3], между тем как су-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* Это относится не только к «негативно» проявляющимся при неврозе извращенным наклонностям, но и к позитивным, собственно так и называемым перверсиям. Эти последние объясняются, следовательно, не просто фиксацией инфантильных наклонностей, но и регрессией к ним вследствие преграждения других путей сексуального течения. Поэтому позитивные перверсии также доступны психоаналитической терапии.

[2] [Последние семь слов впервые добавлены в 1915 году. Однако в том издании говорится: «в возрасте от трех до пяти лет», и только с 1920 года — «от двух...»]

[3] [Слова «возможно, любой орган» были добавлены в 1915 году.]

ществуют известные строго очерченные эрогенные зоны, возбуждение которых благодаря определенным органическим приспособлениям обеспечено с самого начала. Далее сексуальное возбуждение возникает как своего рода побочный продукт при целом ряде процессов в организме, как только они достигают определенной интенсивности, особенно при всяких более сильных душевных переживаниях, даже неприятных по своей природе. Возбуждения из всех этих источников еще не объединились, а преследовали каждое в отдельности свою цель, которая состоит лишь в получении известного удовольствия. Следовательно, в детском возрасте половое влечение *не центрировано* и вначале[1] является безобъектным, *аутоэротическим*.

Еще в детские годы начинает обращать на себя внимание эрогенная зона гениталий – либо, подобно любой другой зоне, давая удовлетворение в ответ на соответствующее чувственное раздражение, либо в результате того, что вместе с удовлетворением из других источников не совсем понятным способом одновременно вызывается сексуальное возбуждение, которое особым образом связано с генитальной зоной. Нам приходится сожалеть, что не удалось достаточно объяснить отношения между сексуальным удовлетворением и сексуальным возбуждением, а также между деятельностью генитальной зоны и остальными источниками сексуальности.

Благодаря изучению[2] невротических нарушений мы заметили, что в детской сексуальной жизни с самого начала можно выявить зачатки организации сексуальных компонентов влечений. В первой, очень ранней, фазе на переднем плане находится *оральная* эротика: вторая из этих *«догенитальных»* организаций характеризуется преобладанием *садизма* и *анальной* эротики, и только в третьей фазе (которая у ребенка развивается лишь до примата фаллоса[3]) сексуальная жизнь определяется также участием собственно генитальных зон.

Затем в качестве одного из самых неожиданных результатов мы вынуждены были констатировать, что этот ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни (от двух до пяти лет) включает в себя также выбор объекта со всеми его богатыми душевными проявлениями[4], а потому связанную с ним соответствующую ему фазу, несмотря на недостаточное объединение отдельных компонентов влечения и на ненадежность сексуальной цели, надо расценивать как важную предтечу последующей окончательной сексуальной организации.

---

[1] [Слова «не центрировано и вначале» появились в 1920 году.]
[2] [Этот и два следующих абзаца добавились в 1924 году.]
[3] [Часть предложения, заключенная в скобки, добавилась в 1924 году.]
[4] [Ср. конец прим. 1 на с. 126.]

Факт *двувременного начала* сексуального развития у человека, то есть прерывание этого развития латентным периодом, показался нам достойным особого внимания. Он, по-видимому, содержит в себе одно из условий способности человека к развитию высшей культуры, но также и его предрасположения к неврозу. У родственных человеку животных, насколько мы знаем, ничего подобного не наблюдается. Источники происхождения этой человеческой особенности следовало бы искать в древнейшей истории человечества.

Какую меру сексуальной деятельности в детском возрасте можно считать нормальной, невредной для дальнейшего развития, — этого мы сказать не могли. Сексуальность проявлялась в основном в виде мастурбации. Затем благодаря наблюдениям мы установили, что внешние воздействия соблазнения могут привести к преждевременным прорывам латентного периода вплоть до его устранения и что при этом половое влечение ребенка оказывается фактически полиморфно извращенным; далее, что любая подобная ранняя сексуальная деятельность приводит к тому, что ребенок становится менее доступным влиянию воспитания.

Несмотря на недостаточность наших знаний об инфантильной сексуальной жизни, мы должны были сделать попытку изучить ее изменения, произошедшие после наступления пубертата. В качестве определяющих мы выбрали два таких изменения — подчинение всех прочих источников сексуального возбуждения примату генитальных зон и процесс нахождения объекта. Оба они уже были подготовлены в детской жизни. Первое происходит благодаря механизму использования предварительного удовольствия, причем обычно самостоятельные сексуальные акты, связанные с удовольствием и возбуждением, становятся подготовительными актами для новой сексуальной цели — опорожнения половых продуктов, достижение которой при огромном удовольствии кладет конец сексуальному возбуждению. При этом мы должны были учитывать дифференциацию половых существ на мужчин и женщин и обнаружили, что для становления женщины необходимо новое вытеснение, устраняющее некоторую часть инфантильной мужественности и подготовляющее женщину к смене ведущей генитальной зоны. Наконец, мы обнаружили, что при выборе объекта человек руководствуется наметившейся в раннем детстве и обновленной к пубертату сексуальным расположением к своим родителям и лицам, которые осуществляли уход за ним, и направленным — вследствие возникшему тем временем ограничению инцеста — на сход-

ных с ними людей. Наконец, добавим, что в переходном периоде пубертата соматические и психические процессы развития какое-то время друг с другом не связаны и протекают параллельно, пока с прорывом интенсивного любовного побуждения к иннервации гениталий не устанавливается требуемое в норме единство любовной функции.

ФАКТОРЫ, НАРУШАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ

Каждый шаг на этом длинном пути развития может стать местом фиксации, любой стык в этом запутанном соединении может стать поводом к диссоциации полового влечения, как мы это уже рассмотрели на различных примерах[1]. Нам остается еще дать обзор различных мешающих развитию внутренних и внешних моментов и добавить, в каком месте механизма возникает проистекающее от них нарушение. То, что мы тут приводим в одном ряду, может, разумеется, быть неравноценным, и мы должны считаться с трудностями при установлении значимости отдельных моментов.

КОНСТИТУЦИЯ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

На первом месте здесь следует назвать врожденное *различие сексуальной конституции*, которое, вероятно, имеет решающее значение, но о котором, разумеется, можно сделать вывод только по его более поздним проявлениям, да и то не всегда с большой уверенностью. Мы понимаем под ним преобладание того или другого из разнообразных источников сексуального возбуждения и полагаем, что такое различие задатков в любом случае должно выражаться в конечном результате, даже если оно может остаться в пределах нормы. Разумеется, допустимы также такие вариации первоначального предрасположения, которые неизбежно и без дальнейшего содействия должны привести к образованию ненормальной сексуальной жизни. Их можно назвать «дегенеративными» и рассматривать как на выражение наследственного отягощения. В связи с этим я должен указать на удивительный факт. Больше чем у половины подвергнутых мной психотерапевтическому лечению тяжелых случаев истерии, невроза навязчивых состояний и т. д. мне с несомненностью удалось выявить у отцов перенесенный до брака сифилис, будь то сухотка спинного мозга, прогрессив-

---

[1] [Еще одну проблему возможной взаимосвязи места фиксации с типом невроза, проблему «выбора невроза», Фрейд в этих «Очерках» не рассматривает хотя ею давно уже занимался. Он затрагивает ее во второй своей работе, посвященной роли сексуальности в этиологии неврозов (1906*a*), которая появилась почти в одно время с «Очерками» (см. ниже, с. 153 и прим.).]

ный паралич или другое установленное в анамнезе сифилитическое заболевание. Я особо подчеркиваю, что дети, становящиеся затем невротиками, не имеют никаких телесных признаков наследственного сифилиса, и поэтому ненормальную сексуальную конституцию можно было рассматривать как последний отголосок сифилитического наследия. Как я ни далек от того, чтобы трактовать происхождение от сифилитических родителей как постоянное или необходимое этиологическое условие невропатической конституции, я все же считаю обнаруженное мной совпадение неслучайным и не лишенным значения.

Наследственные условия позитивно извращенных людей не так хорошо известны, потому что такие люди умеют уклоняться от расспросов. И все же есть основание предполагать, что к перверсиям относится то же, что и к неврозам. Нередко в одной семье перверсия и психоневроз распределяются таким образом, что члены семьи мужского пола (или один из них) являются позитивно извращенными, а женского пола – соответственно присущей им склонности к вытеснению – негативно извращенными, истеричными; это служит хорошим доказательством выявленной нами сущностной связи между обоими нарушениями.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ПЕРЕРАБОТКА

Между тем нельзя отстаивать точку зрения, будто зачатками различных компонентов в сексуальной конституции однозначно предопределяется формирование сексуальной жизни. Напротив, обусловленность этим не ограничивается, и в зависимости от судьбы сексуальных течений, проистекающих из отдельных источников, возникают дальнейшие возможности. Эта *дальнейшая переработка* является, очевидно, окончательным определяющим фактором, тогда как одинаковая по описанию конституция может привести к трем разным конечным исходам. [1] Если все врожденные задатки сохраняются в их относительной пропорции, которая считается ненормальной, и в процессе созревания усиливаются, то конечным результатом может оказаться извращенная сексуальная жизнь. Анализ таких ненормальных конституциональных задатков пока еще недостаточно разработан, но все же нам уже известны случаи, которые легко находят свое объяснение с помощью подобных гипотез. Авторы рассуждают, к примеру [ср. с. 53–54], о целом ряде фиксационных перверсий, полагая, что их необходимым условием является врожденная слабость сексуального влечения. В этой форме данное положение мне кажется несостоятельным, но оно приобретает смысл, если имеется в виду конституциональная слабость одного фактора

сексуального влечения — генитальной зоны, которая впоследствии выполняет функцию объединения отдельных форм сексуальной деятельности в целях продолжения рода. В таком случае это требуемое в пубертате объединение должно не удаться, и самый сильный из остальных компонентов проявится в виде перверсии[1].

ВЫТЕСНЕНИЕ

[2] Другой конечный результат возникает тогда, когда в ходе развития отдельные особенно сильные врожденные компоненты подвергаются процессу *вытеснения*, о котором нужно помнить, что он не тождественен упразднению. При этом соответствующие возбуждения вызываются как обычно, но из-за психического сдерживания не достигают своей цели и оттесняются на разнообразные другие пути, пока не проявляются в виде симптомов. Результатом может стать почти нормальная половая жизнь — по большей части ограниченная, — но дополненная психоневротическим заболеванием. Именно эти случаи стали нам хорошо знакомы благодаря психоаналитическому исследованию невротиков. Сексуальная жизнь таких людей началась так же, как жизнь извращенных, значительная часть их детства заполнена извращенной сексуальной деятельностью, которая иногда простирается далеко за период созревания; затем по внутренним причинам — по большей части еще до пубертата, а в иных случаях даже после него — происходит инверсия вытеснения, и отныне вместо перверсии возникает невроз, хотя прежние побуждения не исчезают. Припоминается поговорка «В юности потаскуха, в старости святоша», разве что юность проходит здесь слишком быстро. Эту смену перверсии неврозом в жизни одного и того же человека, как и указанное прежде распределение перверсии и невроза между различными членами одной семьи, необходимо соотносить с пониманием того, что невроз — это негатив перверсии.

СУБЛИМАЦИЯ

[3] Третий исход при ненормальных конституциональных задатках становится возможным благодаря процессу *сублимации*, при котором сверхсильным возбуждениям, происходящим из отдельных источников сексуальности, открывается возможность оттока и применения в других областях, в результате чего благодаря самим по себе опасным

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1915 году:]* При этом часто видишь, что в пубертате сначала устанавливается нормальное сексуальное течение, которое, однако вследствие своей внутренней слабости терпит крушение при первых внешних препятствиях, а затем сменяется регрессией к извращенной фиксации.

наклонностям существенно повышается психическая работоспособность. Здесь можно обнаружить один из источников художественной деятельности, и в зависимости от того, является ли такая сублимация полной или неполной, анализ характера высокоодаренных, имеющих особые художественные задатки людей откроет различное соотношение частей в смеси работоспособности, перверсии и невроза. Разновидностью сублимации, пожалуй, является подавление посредством *реактивного образования*, которое, как мы обнаружили, возникает у ребенка уже в латентный период, чтобы в благоприятном случае сохраняться всю жизнь. Добрая часть того, что мы называем «характером» человека, построена на материале сексуальных возбуждений и состоит из фиксированных с детства влечений, из того, что достигнуто благодаря сублимации, и из тех конструкций, которые предназначены для эффективного подавления извращенных побуждений, признанных неприемлемыми[1]. Таким образом, общее извращенное сексуальное предрасположение детства можно расценивать как источник целого ряда наших добродетелей, поскольку оно дает толчок к их формированию посредством реактивных образований[2].

ПЕРЕЖИТОЕ СЛУЧАЙНО

По сравнению с высвобождением сексуальности, усилениям вытеснения и сублимациям, причем внутренние условия двух последних процессов нам совершенно неизвестны, все остальные влияния далеко уступают по своему значению. Кто причисляет вытеснения и сублимации к конституциональным задаткам, рассматривает их как жизненные проявления этих предрасположений, тот, однако, вправе утверждать, что конечная форма сексуальной жизни — это прежде всего результат врожденной конституции. Между тем ни один рассудительный человек не будет оспаривать, что в таком взаимодействии факторов остается также место для модифицирующих влияний того,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1920 году:]* В случае некоторых черт характера была даже выявлена взаимосвязь с определенными эрогенными компонентами. Так, упрямство, скупость и аккуратность происходят из применения анальной эротики. Честолюбие определяется ярко выраженным предрасположением, относящимся к уретральной эротике. [См. работу Фрейда «Характер и анальная эротика» (1908*b*; *Studienausgabe*, т. 7, с. 29–30).]

[2] Такой знаток людей, как Э. Золя, изображает в *La joie de vivre* [«Радости жизни»] девушку, которая в радостном самоотречении приносит в жертву любимым людям все, чем обладает и на что могла бы претендовать, свое имущество и свои жизненные желания, ничем себя за это не вознаграждая. В детстве эта девушка находилась во власти ненасытной потребности в нежности, которая обращалась в жестокость, если ею пренебрегали ради кого-то другого.

что было случайно пережито в детстве и позже. Действенность[1] конституциональных и акцидентных факторов в их отношении друг к другу оценить не так уж просто. В теории всегда склонны переоценивать значение первых; в терапевтической практике подчеркивают важность последних. Ни в коем случае не следует забывать, что между обоими существует отношение кооперации, а не исключения. Конституциональный момент должен дожидаться переживаний, которые его проявят, акцидентный момент нуждается в опоре на конституцию, чтобы оказать свое действие. Для большинства случаев можно представить себе так называемый «дополнительный ряд»[2], в котором снижение интенсивности одного фактора уравновешивается повышением интенсивности другого; но нет никакой причины отрицать существование крайних случаев на концах ряда.

Психоаналитическому исследованию соответствует еще больше, если среди акцидентных моментов отвести привилегированное положение переживаниям раннего детства. В таком случае один этиологический ряд распадается на два, которые можно назвать *предрасполагающим* и *окончательным*. В первом конституция и акцидентные переживания детства действуют совместно, подобному тому как во втором — предрасположение и более поздние травматические переживания. Все моменты, нарушающие сексуальное развитие, оказывают свое воздействие таким образом, что вызывают *регрессию*, возвращение к прежней фазе развития.

Мы продолжаем выполнять здесь нашу задачу — перечислять факторы, которые, как нам стало известно, влияют на сексуальное развитие, будь то действующие силы или просто их проявления.

РАННЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Таким моментом является спонтанная *ранняя* сексуальная *зрелость*, которую можно, несомненно, доказать в этиологии по крайней мере неврозов, хотя самой по себе ее так же недостаточно, чтобы вызвать невроз, как и других моментов. Она выражается в прерывании, сокращении или прекращении инфантильного латентного периода и становится причиной расстройств, вызывая сексуальные проявления, которые, с одной стороны, из-за отсутствия торможения сек-

---

[1] [Остальная часть этого абзаца и весь следующий были добавлены в 1915 году.]

[2] [В 1915 году Фрейд употребил выражение «этиологический ряд», которое в 1920 году было заменено «дополнительным рядом». По-видимому, это последнее понятие он впервые использовал в 22-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 341). Несколькими строчками ниже Фрейд не исправил прежнее выражение.]

суальности, с другой стороны, вследствие неразвитой генитальной системы могут носить только характер перверсий как таковых. Эти наклонности к перверсии могут такими и оставаться или же после произошедших вытеснений становиться движущими силами невротических симптомов; во всех случаях ранняя сексуальная зрелость затрудняет желательный в дальнейшем контроль над сексуальным влечением со стороны высших душевных инстанций и усиливает навязчивый характер, который и без того приобретают психические представительства влечения.

Зачастую ранняя сексуальная зрелость сопровождается преждевременным интеллектуальным развитием; как таковая она встречается в истории детства самых значительных и дееспособных индивидов; тогда она, по-видимому, не действуетстоль патогенно, как в тех случаях, когда проявляется изолированно[1].

ВРЕМЕННЫЕ МОМЕНТЫ

Точно так же, как раннюю зрелость, необходимо учитывать и другие моменты, которые можно объединить с ранней зрелостью в качестве *«временных»* факторов. По-видимому, филогенетически предопределено, в какой последовательности активируются отдельные импульсы влечения и как долго они могут проявляться, пока не подвергнутся влиянию вновь появившегося импульса влечения или типичному вытеснению. Однако как в этой временнóй последовательности, так и в ее продолжительности, по-видимому, имеются вариации, которые оказывают определяющее влияние на конечный результат. Не может быть безразлично, появляется ли какое-нибудь течение раньше или позже, чем противоположное ему течение, ибо воздействие вытеснения нельзя отменить: временнóе отклонение в составе компонентов всякий раз приводит к изменению результата. С другой стороны, особенно интенсивно проявляющиеся импульсы влечения зачастую протекают удивительно быстро, например, гетеросексуальная привязанность тех, кто впоследствии становится открытыми гомосексуалистами. Самые сильные стремления, возникающие в детском возрасте, не оправдывают опасения, что они постоянно будут преобладать в характере взрослого; можно также ожидать, что они исчезнут, уступив место своей противоположности. («Последние заморозки царят недолго».) Чем можно объяснить такую временную спутанность процессов развития, мы не способны указать

---

[1] [См. некоторые замечания по этому вопросу в истории болезни «маленького Ганса» (1909*b*, в начале третьего раздела главы III) (*Studienausgabe*, т. 8, с. 118–119). Следующий абзац был добавлен в 1915 году.]

даже предположительно. Здесь открывается вид на целый ряд более глубоких биологических, возможно, также исторических проблем на боевую дистанцию к которым мы пока еще не приблизились

УСТОЙЧИВОСТЬ

Значение всех ранних сексуальных проявлений возрастает благодаря психическому фактору неизвестного происхождения, который, однако, как психологический феномен в настоящее время можно описать лишь предварительно. Я имею в виду повышенную *устойчивость* или *способность к фиксации* этих впечатлений сексуальной жизни, которую в дополнение к фактическим данным необходимо учитывать у будущих невротиков так же, как у извращенных людей, поскольку такие же преждевременные сексуальные проявления у других лиц не запечатлеваются так глубоко, чтобы навязчиво требовать повторения и предписывать сексуальному влечению его пути на всю жизнь. Возможно, объяснение этой устойчивости отчасти заключено в другом психическом моменте, без которого мы не можем обойтись, рассматривая причины неврозов, а именно в большем значении, которое в душевной жизни достается следам воспоминаний в сравнении с недавними впечатлениями. Этот момент, очевидно, зависит от интеллектуального развития, и значимость его возрастает с уровнем личной культуры. В противоположность этому дикаря характеризовали как «несчастное дитя момента»[1]. Из-за антагонистических отношений между культурой и свободным сексуальным развитием, последствия которых можно проследить в образе нашей жизни, на низших ступенях культуры или общества столь малое, а на высших столь большое значение имеет то, как протекала сексуальная жизнь ребенка.

ФИКСАЦИЯ

Только что упомянутые психические моменты содействуют случайно пережитым побуждениям детской сексуальности. Последние (прежде всего соблазнение другими детьми или взрослыми) дают материал, который при помощи первых может зафиксироваться в виде стойкого нарушения. Значительная часть наблюдаемых впоследствии отклонений от нормальной сексуальной жизни у невротиков, равно как и у из-

---

[1] Возможно, что повышение устойчивости также представляет собой результат особенно интенсивных соматических сексуальных проявлений в ранние годы. [То, что Фрейд описывает как «устойчивость» или «способность к фиксации», в другом месте он называет также «клейкостью либидо». См., например 22-ю и 28-ю лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe* т. 1 с. 341 и 437.]

вращенных людей, с самого начала была определена впечатлениями якобы свободных от сексуальности периодов детства.

Причины этих отклонений распределяются между предрасположением конституции, ранней зрелостью, свойством повышенной устойчивости и случайной стимуляцией сексуального влечения в результате постороннего влияния. Однако неудовлетворительный вывод, вытекающий из этих исследований нарушений сексуальной жизни, сводится к тому, что мы слишком мало знаем о биологических процессах, в которых состоит сущность сексуальности, чтобы из разрозненных установленных нами фактов создать теорию, достаточную для понимания как нормы, так и патологии.

Мои взгляды на роль сексуальности в этиологии неврозов
(1906 [1905])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

(1905 июнь. Дата подготовки рукописи.)

1906 В книге Лёвенфельда «Сексуальная жизнь и нервные недуги», 4-е изд., Висбаден, Бергманн. (1914, 5-е изд., 313–322.)

1906 *S.K.S.N.*, т. 1, 225–234. (1911, 2-изд., 220–229; 1920, 3-е изд.; 1922, 4-е изд.)

1924 *G.S.*, т. 5, 123–133.

1942 *G.W.*, т. 5, 149–159.

В более ранних изданиях книги Лёвенфельда уже содержалось обсуждение идей Фрейда; для 4-го издания Лёвенфельд уговорил Фрейда написать данную статью. Фрейд был также готов просмотреть ее для 5-го издания, но внес лишь единственное несущественное изменение.

В данной работе примечательно в первую очередь то, что Фрейд впервые откровенно признается, что больше не верит в травматическую этиологию истерии, и, наоборот, подчеркивает значение фантазий (о своих воззрениях Фрейд частным образом сообщал Флиссу за многие годы до этого). См. с. 151 и далее.

Я полагаю, что мою теорию об этиологическом значении сексуального момента для неврозов можно оценить лучше всего, если проследить за ее развитием. Я отнюдь не намерен отрицать, что она прошла определенное развитие и в ходе него изменилась. Коллеги могли бы найти в этом признании свидетельство того, что эта теория представляет собой не что иное, как выражение постоянно углубляющих новых знаний. То, что в противоположность этому возникло в результате умозрительных рассуждений, может, однако, сразу проявиться в окончательном и — в таком случае — неизменном виде.

Первоначально теория относилась только к картинам болезни, объединенным понятием «неврастения», среди которых мне бросились в глаза два типа — иногда также проявляющиеся в чистом виде, — которые я описал как *«собственно неврастению»* и как *«невроз тревоги»*. Мне всегда было известно, что в возникновении этих форм определенную роль могут играть сексуальные моменты, однако никто не считал, что они действуют постоянно, и не думая о том, чтобы отвести им главенствующее положение среди прочих этиологических влияний. Вначале я был поражен частотой грубых расстройств в *vita sexualis*[1] нервнобольных; чем больше я занимался выявлением таких расстройств, при этом отдавая себе отчет в том, что в сексуальных вопросах все люди скрывают правду, и чем искуснее я продолжал расспрашивать больных вопреки первоначальному отрицанию, тем чаще я находил такие патогенные моменты в сексуальной жизни, и мне не хватало лишь самой малости, чтобы говорить об их универсальности. Однако с самого начала необходимо было считаться с таким же частым наличием сексуальных неполадок, возникающих под давлением социальных условий в нашем обществе, и я оставался в сомнении, в какой мере отклонения от нормальной сексуальной функции можно рассматривать в качестве причины болезни. Поэтому сексуальным патогенным факторам я мог придавать лишь небольшое значение по сравнению со вторым

[1] [Сексуальной жизни (лат.). — *Примечание переводчика.*]

выявленным фактом, который казался мне более определенным. Оказалось, что форма заболевания, будь то неврастения или невроз тревоги, имеет четкую связь с характером сексуальной вредности. В типичных случаях неврастении постоянно можно было выявить мастурбацию или частые поллюции, при неврозе тревоги – такие факторы, как *coitus interruptus*[1], «фрустрированное возбуждение» и др., общим для которых казался момент недостаточного отвода произведенного либидо. Только после этого вывода, который легко сделать и как угодно часто можно подтвердить, я имел смелость говорить о том, что сексуальные влияния играют главную роль в этиологии неврозов. Кроме того, при столь частых смешанных формах неврастении и невроза тревоги требовалось показать, что предполагаемые для обеих форм этиологические факторы также смешаны и что такое разделение на две части форм проявлений невроза, по-видимому, вполне согласуется с полярным характером сексуальности (мужской и женской).

В то время, когда я стал придавать сексуальности это значение в возникновении простых неврозов[2], в отношении психоневрозов (истерии и навязчивых представлений) я начал придерживаться чисто психологической теории, в которой сексуальный момент рассматривался точно так же, как и другие эмоциональные источники. В союзе с Й. Брейером, основываясь на наблюдениях, сделанных им за десятилетие до этого в работе с истерическими больными, я изучал механизм возникновения истерических симптомов посредством пробуждения воспоминаний в гипнотическом состоянии, и мы получили результаты, позволившие нам связать травматическую истерию по Шарко с общей, нетравматической истерией[3]. Мы пришли к выводу, что истерические симптомы – это результат длительного воздействия психических травм, при которых относящийся к ним аффект вследствие особых условий был оттеснен от сознательной переработки и поэтому проложил себе аномальный путь к иннервации тела. Это воззрение характеризуют такие термины, как *«зажатый аффект»*, *«конверсия»* и *«отреагирование»*.

При близких отношениях психоневрозов к простым неврозам, которые заходят настолько далеко, что неопытному врачу не всегда легко их диагностическим образом различить, не могло, однако, не

[1] [Прерванный акт (лат.). – *Примечание переводчика.*]

[2] «Об основании для отделения определенного симптомокомплекса от неврастении в качестве "невроза тревоги"» (1895*b*).

[3] «Этюды об истерии», (1895)

оказаться так, чтобы знание, приобретенное в одной области, не утвердилось также и в другой. Кроме того, более глубокое понимание психического механизма истерических симптомов — помимо такого влияния — привело к аналогичному результату. Если при применении «катартического» метода, разработанного Брейером и мной, все дальше прослеживать психические травмы, от которых произошли истерические симптомы, то в конце концов приходишь к переживаниям, касавшимся детства больного и его сексуальной жизни, причем также в тех случаях, в которых банальная эмоция несексуального характера стала причиной возникновения болезни. Без учета этих сексуальных травм детского возраста нельзя было ни объяснить симптомы, детерминацию которых считают понятной, ни предотвратить их возвращение. Таким образом, беспримерное значение сексуальных переживаний для этиологии психоневрозов казалось несомненно установленным, и этот факт до сих пор оставался одним из опорных столбов теории.

Если представить эту теорию таким образом, что причина сохраняющегося всю жизнь истерического невроза лежит, как правило, в незначительных самих по себе сексуальных переживаниях раннего детства, то, разумеется, это будет звучать довольно странно. Но если учесть историческое развитие теории, свести ее основное содержание к тезису, что истерия — это выражение особого поведения сексуальной функции индивида, и это поведение в значительной степени определяется уже первыми влияниями и переживаниями в детском возрасте, то на один парадокс мы стали беднее, но вместе с тем и богаче, уделив внимание необычайно важному последействию детских впечатлений, которыми раньше полностью пренебрегали.

Оставляя за собой право далее более основательно обсудить вопрос, можно ли в детских сексуальных переживаниях усматривать этиологию истерии (и невроза навязчивых состояний), я возвращаюсь к построению теории, которая включила его в несколько небольших предварительных публикаций 1895 и 1896 года[1]. Выделение предполагаемых этиологических моментов позволило тогда противопоставить общие неврозы как заболевания с актуальной этиологией психоневрозам, этиологию которых следовало искать прежде всего в сексуальных переживаниях «доисторического времени». Теория увенчалась тезисом: при нормальной *vita sexualis* невроз невозможен.

---

[1] «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896*b*); «Об этиологии истерии» (1896*c*).

Если еще и сегодня я не считаю эти тезисы неправильными, то все же не следует удивляться, что за десять лет постоянных усилий познать эти условия я значительно отошел от тогдашней своей точки зрения и считаю сегодня себя способным исправить неполноту, перекосы и недоразумения, которыми в то время страдала теория, благодаря более детальным познаниям. По случайности в скудном тогда еще материале я столкнулся с несоизмеримо огромным числом пациентов, в истории детства которых главную роль играло сексуальное соблазнение взрослыми или другими старшими детьми. Я переоценил частоту этих (обычно не ставившихся под сомнение) происшествий, поскольку, кроме того, не был способен в то время с уверенностью отличать ложные воспоминания истерических больных о своем детстве от следов действительных событий, но с тех пор научился разрешать многие фантазии о соблазнении как попытку защиты от воспоминаний о собственной сексуальной деятельности (детской мастурбации). С этим разъяснением отпало подчеркивание «травматического» элемента в сексуальных детских переживаниях и осталось понимание того, что инфантильная сексуальная деятельность (спонтанная или спровоцированная) задает направление последующей сексуальной жизни после наступления зрелости. Это же разъяснение, поправившее самое существенное из моих первоначальных заблуждений, должно было также изменить понимание механизма истерических симптомов. Теперь они уже не казались непосредственными производными вытесненных воспоминаний о сексуальных переживаниях детства, а между симптомами и детскими впечатлениями вклинивались (возникшие большей частью в пубертатном возрасте) фантазии (сгущения воспоминаний) больного, которые, с одной стороны, строились и надстраивались над детскими воспоминаниями, а с другой стороны, непосредственно переходили в симптомы. Только с введением элемента истерических фантазий структура неврозов стала рассматриваться через призму их отношений к жизни больных; в результате появилась также поистине неожиданная аналогия между бессознательными фантазиями истериков и сгущениями, осознаваемыми в виде бреда, при паранойе[1].

---

[1] [Этот пассаж содержит первое обнародованное сообщение Фрейда об изменении его взглядов на относительное значение травматических переживаний и бессознательных фантазий в детстве, если не учитывать краткого указания в «Трех очерках» (1905*d*, в данном томе с. 96–97). На самом деле Фрейд осознал свое заблуждение уже за многие годы до этого, в чем он признался в письме Флиссу от 21 сентября 1897 года (Freud, 1950*a*, письмо № 69). По поводу дальнейшего развития его представлений об этих фантазиях см. работу «О женской сексуальности» (1931*b*, в данном томе с. 287 и прим.).]

После этой корректировки «инфантильные сексуальные травмы» в известном смысле были заменены «инфантилизмом сексуальности». Второе исправление первоначальной теории напрашивалось само собой. С предполагаемой частотой соблазнения в детстве отпал также чрезмерный акцент на *акцидентных* влияниях сексуальности, которым я хотел приписать главную роль в качестве причины болезни, не отрицая при этом конституциональных и наследственных факторов. Я даже надеялся, вникая в детали сексуальных переживаний детей, решить проблему выбора невроза — решения о том, на какую форму психоневроза должен быть обречен больной, а затем — хотя и с некоторыми оговорками — полагал, что в результате пассивного поведения при этих сценах возникает специфическое предрасположение к истерии, а при активном — наоборот, к неврозу навязчивых состояний. Впоследствии я был вынужден полностью отказаться от такого понимания, хотя некоторые факты заставляли считать в чем-то верной предполагаемую взаимосвязь между пассивностью и истерией, с одной стороны, и активностью и неврозом навязчивых состояний — с другой[1]. С отказом от акцидентных влияний переживания снова пришлось говорить о главенстве факторов конституции и наследственности, однако с тем отличием от господствующего представления, что «сексуальная конституция» заняла у меня место общего невропатического предрасположения. В моих недавно опубликованных «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*d* [выше, с. 47 и далее]) я предпринял попытку описать разнообразие этой сексуальной конституции, а также сложный состав сексуального влечения в целом и его происхождение из различных источников в организме.

В контексте изменившегося понимания «сексуальных детских травм» теория по-прежнему продолжала развиваться в направлении, указанном еще в публикациях 1894–1896 годов. Уже тогда, причем до того, как сексуальности было отведено надлежащее место в этиологии, в качестве условия патогенного воздействия переживания я указывал, что оно должно казаться «я» невыносимым и вызывать

[1] [Это частное решение проблемы «выбора невроза» упомянуто в конце работы «Об этиологии истерии» (1896*c*, см. *Studienausgabe*, т. 6, с. 79–80, где имеется еще одно редакторское примечание). Несколькими годами позднее Фрейд вновь обратился к этой теме, а именно в связи с неврозом навязчивых состояний (1913*i*); там он снова излагает свои изменившиеся взгляды на эту проблему, которой он фактически никогда не переставал заниматься.]

стремление к защите[1]. К этой защите я свел психическое расщепление — или как тогда говорили: расщепление сознания — при истерии. Если защита удавалась, невыносимое переживание с его аффективными последствиями изгонялось из сознания и воспоминаний «я»; но при определенных условиях изгнанное — теперь уже в качестве бессознательного содержания — проявляло свою действенность и возвращалось в сознание посредством симптомов и присоединенных к ним аффектов, а потому заболевание соответствовало не удавшейся защите. Такое понимание позволило разобраться в действии психических сил и тем самым приблизить психические процессы при истерии к нормальным, а не относить характеристики невроза к загадочному и не поддающемуся дальнейшему анализу нарушению.

Когда затем выяснение информации у лиц, оставшихся нормальными, дало неожиданный результат, что сексуальная история их детства существенно не отличается от детской жизни невротиков, что, в частности, роль соблазнения у первых такая же, как у вторых, акцидентные влияния еще больше отступили на задний план по сравнению с *«вытеснением»* (как я начал говорить вместо «защиты»)[2]. То есть дело было не в том, какие сексуальные возбуждения индивид испытал в детстве, а прежде всего в его реакции на эти переживания — ответил он на эти впечатления «вытеснением» или нет. При спонтанной инфантильной сексуальной деятельности можно было показать, что зачастую в ходе развития она прекращалась вследствие акта вытеснения. Таким образом, половозрелый невротический индивид обычно привносил из своего детства часть «сексуального вытеснения», которая проявлялась при столкновении с требованиями реальной жизни, и психоанализ истерических больных показал, что их заболевание — результат конфликта между либидо и сексуальным вытеснением и что их симптомы имеют значение компромиссов между двумя психическими течениями.

Без подробного обсуждения моих представлений о вытеснении я не мог бы далее объяснить эту часть теории. Здесь достаточно будет сослаться на мои «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*),

---

[1] «Защитные невропсихозы. Попытка создания психологической теории приобретенной истерии, многих фобий, навязчивых представлений и некоторых галлюцинаторных психозов» (1894*a*).

[2] [Много лет спустя, в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*), Фрейд еще раз обратился к термину «защита» — широкому понятию, в котором «вытеснение» представляет собой лишь одну из форм. (См., в частности, главу XI А (*з*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 300 и далее).]

где я попытался пролить — пока, правда, скудный — свет на соматические процессы, в которых следует искать сущность сексуальности. Я там указал, что конституциональные сексуальные задатки ребенка являются гораздо более разнообразными, чем это можно было ожидать, что они заслуживают названия «полиморфно извращенных» и что из этих задатков благодаря вытеснению известных компонентов происходит так называемое нормальное поведение сексуальной функции. Указанием на инфантильный характер сексуальности я смог установить простую связь между здоровьем, перверсией и неврозом. *Норма* возникала в результате вытеснения определенных парциальных влечений и компонентов инфантильных задатков, а также подчинения остальных компонентов примату генитальных зон, служа функции размножения; *перверсии* соответствовали нарушениям этого объединения вследствие чрезмерного, сходного с навязчивостью развития этих отдельных парциальных влечений, а *невроз* объяснялся слишком сильным вытеснением либидинозных стремлений. Поскольку почти все извращенные влечения инфантильной предрасположенности выявляются в качестве симптомообразущих сил при неврозе, но при этом находятся в состоянии вытеснения, я обозначил невроз как «негатив» перверсии[1].

Я считаю необходимым подчеркнуть, что при всех изменениях в своих взглядах на этиологию психоневрозов я все же никогда не отрицал или не оставлял двух точек зрения — оценки *сексуальности* и *инфантилизма*. В остальном место случайных влияний заняли конституциональные факторы, место чисто психологически понимаемой «защиты» — органическое «сексуальное вытеснение». Если бы кто-то теперь спросил, где следует искать необходимое доказательство утверждаемого этиологического значения сексуальных факторов при психоневрозах, ибо эти заболевания все же можно свести к самым банальным душевным волнениям и даже к соматическим поводам и поэтому нужно отказаться от специфической этиологии в виде особых детских переживаний, то я назову в качестве источника, из которого проистекает оспариваемое убеждение, психоаналитическое исследование невротиков. Когда пользуешься этим незаменимым методом исследования, узнаешь, *что симптомы отображают сексуальную деятельность больных*[2] — целиком или частично — из источников нормальных или извращенных парциальных сексуальных влечений. Дело не только в том, что добрая часть истерической

---

[1] [См. выше, с. 74 и прим. 2.]
[2] [Ср. выше, с. 72 и прим. 2.]

симптоматики происходит непосредственно из проявлений сексуального возбуждения, и не только в том, что ряд эрогенных зон при усилении при неврозе инфантильных качеств приобретает значение гениталий; наиболее сложные симптомы сами раскрываются как конвертированные отображения фантазий, имеющих своим содержанием сексуальную ситуацию. Кто умеет толковать язык истерии, тот может услышать, что невроз ведет речь только о вытесненной сексуальности больных, и будет стремиться понять сексуальную функцию в ее истинном, описанном через инфантильные задатки объеме. Там, где к причинам заболевания нужно причислить эмоцию, анализ регулярно показывает, что патогенное воздействие оказал присутствующий сексуальный компонент травматического переживания.

От вопроса о причинах возникновения психоневроза мы неожиданно продвинулись к проблеме его сущности. Если захочется учесть то, что удалось узнать благодаря психоанализу, то можно сказать лишь, что сущность этих заболеваний заключается в нарушениях сексуальных процессов, тех процессов в организме, которые определяют образование и использование полового либидо. Едва ли можно избежать представления об этих процессах как в конечном счете химических, и поэтому в так называемых актуальных неврозах[1] можно было бы выявить соматические, а в психоневрозах, кроме того, еще и психические воздействия, вызванные нарушениями обмена сексуальных веществ. Сходство неврозов с проявлениями интоксикации и абстиненции после использования известных алкалоидов, с базедовой болезнью и болезнью Аддисона в клиническом отношении напрашивается само собой, а поскольку два этих последних заболевания уже непозволительно описывать как «нервные болезни», то, вероятно, и настоящие «неврозы» вопреки их наименованию вскоре должны будут удалены из этого класса[2].

В таком случае к этиологии неврозов относится все, что может вредно повлиять на процессы, служащие сексуальной функции. То есть в первую очередь это вредные факторы, затрагивающие саму сексуальную функцию, которые следует понимать как вредности, обусловленные изменением сексуальной конституции под влиянием культуры и воспитания. Во вторую очередь к ним относятся все остальные вредные факторы и травмы, способные вторично нару-

---

[1] [То есть при неврастении и неврозе тревоги. См. выше, с. 29 и прим.]

[2] [Ср. «Три очерка по теории сексуальности», выше, с. 119–120, а также работу «О женской сексуальности» (1931*b*), ниже, с. 289.]

шить сексуальные процессы в организме вследствие его общего повреждения. Однако не следует забывать, что этиологическая проблема при неврозах по меньшей мере так же сложна, как и в остальных случаях, когда речь идет о причинах болезни. Одного-единственного патогенного воздействия почти никогда не бывает достаточно; чаще всего требуется множество этиологических моментов, которые друг друга поддерживают, которые, стало быть, нельзя друг другу противопоставлять. Поэтому и состояние невротической болезни не отделено строго от здоровья. Заболевание — это результат суммации, и степень этиологических условий может полностью определяться с той или иной стороны. Искать этиологию неврозов исключительно в наследственности или в конституции было бы не меньшей односторонностью, чем если бы в ранг этиологии захотели возвести только акцидентные влияния сексуальности в жизни, хотя и становится ясным, что сущность этих заболеваний заключена только в нарушении сексуальных процессов в организме.

Вена, июнь 1905 года

О сексуальном просвещении детей
(Открытое письмо доктору М. Фюрсту)
(1907)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1907 *Soz. Med. Hyg.*, т. 2 (6) [июнь], 360–367.
1909 *S. K. S. N.*, т. 2, 151–158. (1912, 2-е изд.; 1921, 3-е изд.
1924 *G. S.*, т. 5, 134–142.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 7–16.
1941 *G. W.*, т. 7, 19–27

Фрейд написал это «открытое письмо» по запросу гамбургского врача, доктора М. Фюрста, который его опубликовал в издаваемом им журнале, посвященном проблемам социальной медицины и гигиены. Фрейд использует здесь часть материала из случая «маленького Ганса» (1909*b*), анализ которого к моменту публикации данного сочинения все еще продолжался. В ранних изданиях «открытого письма» о мальчике говорится как о «маленьком Герберте»; начиная с издания 1924 года его имя было изменено на «маленький Ганс». Некоторые из затронутых вопросов (сексуальное любопытство детей, образование инфантильных сексуальных теорий) более подробно рассматриваются в следующей опубликованной в этом томе работе «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*), с. 171 и далее.

Уважаемый коллега!

Когда Вы просите меня высказаться о «сексуальном просвещении детей», я предполагаю, что Вы не ждете настоящей официальной статьи, где учтена вся литература, количество которой превосходит всякую меру, а хотите услышать независимое суждение отдельного врача, профессиональная деятельность которого побудила его заняться сексуальными проблемами. Я знаю, что Вы с интересом следили за моими научными изысканиями и поэтому в отличие от многих других коллег не отметаете меня с ходу из-за того, что я усматриваю в психосексуальной конституции и в нарушениях сексуальной жизни наиболее важные причины столь часто встречающихся невротических заболеваний; также и мои «Три очерка по теории сексуальности» [1905*d*, см. выше, с. 47 и далее], в которых я описываю составляющие полового влечения и нарушения в развитии полового влечения в сексуальную функцию, недавно были любезно упомянуты в Вашем журнале.

Итак, я должен ответить Вам на вопросы, следует ли вообще давать детям информацию о фактах половой жизни, в каком возрасте это может происходить и каким способом. Примите в самом начале мое признание, что дискуссию по второму и третьему пункту я нахожу вполне разумной, но для меня совершенно непостижимо, каким образом первый из этих вопросов мог стать предметом разногласий. Чего, собственно, желают добиться, скрывая от детей — или, скажем, молодежи — такие сведения о половой жизни людей? Боятся преждевременно пробудить к этим вещам их интерес, прежде чем он у них сам проявится? Надеются таким умолчанием вообще сдержать половое влечение до того времени, когда его удастся направить на путь, единственно открытый ему гражданским устройством общества? Думают, что дети не будут проявлять никакого интереса к фактам и тайнам половой жизни или их не поймут, если на них не будут указывать посторонние люди? Не считают возможным, что знание, в котором им отказывают, будет доставлено другим путем? Или действительно всерьез полагают, что все относящееся к половой жизни дети впоследствии могут расценить как

низменное и отвратительное, от чего их как можно дольше хотели удержать родители и воспитатели?

Я действительно не знаю, в каком из этих намерений я должен усмотреть мотив действительного утаивания сексуального от детей; я знаю только, что все они одинаково безрассудны и что мне будет трудно снабдить их серьезными опровержениями. Но я вспоминаю, что в семейных письмах великого мыслителя и человеколюба Мультатули нашел несколько строк, которые в качестве ответа могут быть более чем удовлетворительными[1].

«В целом, как мне кажется, отдельные вещи становятся слишком завуалированными. Поступают правильно, когда пытаются сохранить в чистоте фантазию детей, но эту чистоту нельзя уберечь незнанием. Я скорее считаю, что сокрытие чего бы то ни было еще больше побуждает мальчика и девочку подозревать правду. Из любопытства выведывают вещи, которые не вызвали бы у нас большого интереса, если бы о них рассказывали без особых подробностей. Если бы хоть можно было сохранить это незнание, то я бы с этим еще смирился, но это невозможно; ребенок вступает в соприкосновение с другими детьми, ему попадают в руки книги, которые наводят его на размышления; и именно скрытничанье, с которым обсуждается то, что тем не менее было усвоено от родителей, усиливает желание больше узнать. Это желание, удовлетворенное только частично и только украдкой, раскаляет сердце и портит фантазию, ребенок уже грешит, а родители по-прежнему думают: что такое грех — ему неведомо».

Я не знаю, как можно было бы сказать об этом лучше, но, наверное, кое-что можно добавить. Несомненно, к «скрытничанью» перед детьми побуждает взрослых не что иное, как обычная жеманность и собственная нечистая совесть в вопросах сексуальности; но, возможно, здесь также замешано и теоретическое незнание, которому можно противодействовать через просвещение взрослых. Они полагают, что у детей отсутствует половое влечение и что оно появляется у них только в пубертатный период с созреванием половых органов. Это — грубое заблуждение, чреватое последствиями как для познания, так и для практики. Его настолько легко исправить с помощью наблюдения, что приходится удивляться, как вообще оно могло возникнуть. На самом деле новорожденный появляется на

---

[1] Письма Мультатули, 1906, т. I, с. 26. [«Мультатули» (в переводе с латинского «я многое перенес») — псевдоним известного голландского писателя Э. Д. Деккера (1820–1887).]

свет, уже обладая сексуальностью, известные сексуальные ощущения сопровождают его развитие в младенческом и детском возрасте, и лишь немногие дети могут избежать сексуальных проявлений и ощущений до своего пубертата. Кто хочет познакомиться с подробным изложением этих утверждений, может найти их в моих упомянутых «Трех очерках по теории сексуальности». Он там узнает, что собственно репродуктивные органы не являются единственными частями тела, которые передают ощущения сексуального удовольствия и что природа принудительным образом распорядилась так, что даже раздражения гениталий неизбежны в детском возрасте. Этот период жизни, в котором вследствие возбуждения различных участков кожи *(эрогенных зон)*, осуществления известных биологических влечений и в качестве сопутствующего возбуждения при многих аффективных состояниях создается определенное количество сексуального удовольствия, обозначается введенным Хэвлоком Эллисом [1898] выражением «период *аутоэротизма*». Пубертат не совершает ничего другого кроме того, что среди всех создающих удовольствие зон и источников устанавливает примат гениталий и этим вынуждает служить эротику функции размножения; этот процесс, разумеется, может подвергаться определенным торможениям и у многих людей — будущих извращенцев и невротиков — совершается лишь не полностью. С другой стороны, ребенок способен к большинству психических проявлений любовной жизни (нежности, преданности, ревности) задолго до достижения пубертата, и довольно часто также прорыв этих душевных состояний к телесным ощущениям приводит к возникновению сексуального возбуждения, а потому ребенок не может оставаться в сомнении относительно единства того и другого. Говоря кратко, задолго до пубертата ребенок является готовым — за исключением способности к размножению — любовным существом, и можно сказать, что с помощью того «скрытничанья» у него лишь задерживают способность к интеллектуальному овладению такими проявлениями, к которым он подготовлен психически и приноровлен соматически.

Интеллектуальный интерес ребенка к загадке половой жизни, его сексуальная любознательность также выражается в неожиданно раннем возрасте. Родители словно слепы к этому интересу ребенка или тут же стараются его заглушить, если не могут его не заметить и если не могут чаще делаться наблюдения, подобные тому, о котором я теперь сообщу. Я знаю одного прекрасного мальчика, которому сейчас четыре года и разумные родители которого отказались насильственно подавлять часть развития ребенка. Маленький Ганс,

который, несомненно, не подвергался никаким соблазняющим влияниям со стороны няни, уже в течение некоторого времени проявляет самый живой интерес к той части своего тела, которую он обычно называет «вивимахером». Уже в три года он спросил мать: «Мама, а у тебя тоже есть вивимахер?», на что мама ответила: «Конечно, а ты как думал?» Этот же вопрос он несколько раз задавал отцу. В этом же возрасте, впервые придя в хлев, он увидел, как доят корову, и затем с удивлением воскликнул: «Смотрите, из вивимахера идет молоко». В три года и девять месяцев он был на пути к тому, чтобы с помощью своих наблюдений самостоятельно открыть верные категории. Он видит, как из локомотива выпускают воду и говорит: «Смотрите, локомотив делает виви; но где же его вивимахер?» Позднее он задумчиво добавляет: «У собаки и лошади есть вивимахер, у стола и стула – нет». Недавно он наблюдал, как купают его недельного возраста сестричку, и при этом отметил: «Ее вивимахер пока еще маленький. Когда она вырастет, он станет больше». (Такую же точку зрения на проблему половых различий мне высказывали также другие мальчики того же возраста.) Я хотел бы категорически возразить, что маленький Ганс – чувственный и уж тем более патологически предрасположенный ребенок; я только думаю, что он не был запуган, не мучается сознанием своей виновности и поэтому простодушно сообщает о том, что происходит в его уме[1].

Второй большой проблемой, которая ставит задачи мышлению детей – пожалуй, только в чуть более позднем возрасте, – является вопрос о происхождения детей[2], который чаще всего связывается с нежелательным появлением нового маленького брата или сестрички. Это самый давний и самый жгучий вопрос юного человечества; кто умеет толковать мифы и предания, может уловить его из загадки, которую фиванская Сфинкс загадывает Эдипу. Ответами, употребительными в детской комнате, наносится вред искреннему ис-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* О последующем невротическом заболевании и выздоровлении этого «маленького Ганса» см. «Анализ фобии пятилетнего мальчика» [1909*d*; там этот материал излагается еще раз (ср. *Studienausgabe*, т. 8, с. 14–18). См. также «Предварительные замечания издателей», выше, с. 160.]

[2] [В других сочинениях Фрейд, как правило, утверждает, что вопрос, откуда берутся маленькие дети, – первая проблема, пробуждающая детский интерес. См., например, работу о сексуальных теориях детей (1908*c*), ниже, с. 174–175, затем описание случая «маленького Ганса» (1909*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 112, и добавленный в 1915 году абзац в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*d*), выше, с. 100. И наоборот, в данном тексте эта проблема рассматривается после вопроса о различии полов; к этой точке зрения – во всяком случае в отношении девочек – Фрейд возвращается в гораздо более поздней работе, посвященной последней теме (1925*j*), см. ниже, с. 261.]

следовательскому влечению ребенка, в большинстве случаев впервые подрывается также его доверие к своим родителям; отныне в большинстве случаев он начинает не доверять взрослым и скрывать от них свои самые интимные интересы. Небольшой документ — письмо лишенной матери одиннадцатилетней девочки, которая рассуждала о проблеме со своей младшей сестрой — может продемонстрировать, в какой мучительной форме нередко проявляется эта любознательность у старших детей.

«Дорогая тетя Мали!

Я прошу тебя, будь добра и напиши мне, как у тебя появилась Кристель или Пауль. Ведь ты должна это знать, потому что ты замужем. Вчера мы как раз об этом спорили и хотим знать правду. Ведь у нас нет никого другого, кого мы могли бы спросить. Когда вы приедете в Зальцбург? Знаешь, дорогая тетя Мали, мы никак не можем понять, как аист приносит детей. Трудель считала, что аист приносит их в рубашке. Тогда нам хотелось бы также знать, берет ли он их из пруда и почему в пруду никогда не видно детей. Прошу тебя, скажи мне также, откуда люди заранее знают, когда они появятся. Напиши мне об этом подробный ответ.

С тысячей приветов и поцелуев от нас всех

Твоя любопытная Лили».

Я не думаю, что это трогательное письмо принесло обеим сестрам необходимое разъяснение. Позднее его автор заболела тем неврозом, который проистекает от оставшихся без ответа бессознательных вопросов, — навязчивой умственной жвачкой[1].

Я не думаю, что имеется лишь одна-единственная причина, чтобы отказывать детям в разъяснении, которого требует их любопытство. Разумеется, если воспитатель намеревается как можно раньше задавить способность детей к независимому мышлению ради столь высоко ценимого «усердия», то этого нельзя сделать лучше, чем через дезинформацию в сексуальной и через запугивание в религиозной областях. Правда, более сильные натуры противостоят этим влияниям и становятся мятежниками по отношению к родительскому, а позднее и к любому другому авторитету. Если дети не получают тех разъяснений, за которыми обратились к старшим, то

[1] Однако спустя несколько умственная жвачка уступила место *dementia praecox*. [На с. 178–179 Фрейд еще раз обращается к проблеме вопросов, оставленных без ответа.]

они втайне продолжают мучиться проблемой и предпринимают попытки решения, в которых подозреваемое верное самым удивительным и причудливым образом смешивается с неверным, или, сплетничают, сообщая друг другу сведения, в которых вследствие сознания вины юными исследователями на сексуальную жизнь накладывается отпечаток чего-то ужасного и отвратительного. Пожалуй, эти детские сексуальные теории стоят того, чтобы их собрать и проанализировать[1]. С этого момента большинство детей утрачивают единственно правильное отношение к вопросам пола, а многие из них впоследствии так его вновь и не обретают.

Похоже, что подавляющее большинство авторов мужского и женского пола, писавших о сексуальном просвещении молодежи, высказываются в одобрительном смысле. Но из неуклюжести большинства предложений, касающихся того, когда и как это должно происходить, можно заключить, что эта уступка им далась нелегко. Совершенно особняком, согласно моим знаниям литературы, стоит замечательное разъяснительное письмо, которое госпожа Эмма Экштейн написала своему десятилетнему сыну[2]. Когда обычно делают так, что в течение самого долгого времени от детей скрывают всякое знание о сексуальной сфере, чтобы затем в высокопарно-торжественных словах однажды даровать им лишь наполовину откровенные сведения, которые ко всему прочему чаще всего еще и запаздывают, то это, очевидно, не совсем правильно. Большинство ответов на вопрос «Как мне об этом сказать моему ребенку?» производят, по крайней мере на меня, такое жалкое впечатление, что я бы предпочел, чтобы родители вообще не брались за разъяснение. Речь скорее идет о том, чтобы детям не приходила мысль, будто из фактов половой жизни для них хотят сделать тайну, подобно всему остальному, что еще не доступно их пониманию. И чтобы этого достичь, необходимо с самого начала обсуждать половую жизнь точно так же, как и все остальное достойное изучения. Прежде всего это задача школы — не уклоняться от упоминания половой сферы, рассказывать о важных фактах размножения на уроках зоологии и тут же подчеркивать, что все существенные характеристики своей организации человек разделяет с высшими животными. И если затем дома не стремятся задавить любознательность, то, наверное, чаще

---

[1] [Вскоре после этого Фрейд сам взялся за эту задачу. См. ниже, с. 171 и далее, его работу, посвященную этим теориям, в которой развивается большинство приведенных здесь аргументов.]

[2] E. Eckstein (1904).

будут происходить эпизоды, подобные тому, который мне однажды довелось невольно наблюдать в детской комнате, когда мальчик упрекал свою младшую сестричку: «Ну как ты можешь думать, что маленьких детей приносит аист. Ты ведь знаешь, что человек – это млекопитающее, и все же веришь тому, что аист приносит *другим* млекопитающим малышей?» В таком случае любопытство ребенка никогда не достигнет высокой степени, если будет находить соответствующее удовлетворение на каждом этапе обучения. Разъяснение специфически человеческих условий половой жизни и указание на ее социальное значение следовало бы тогда давать в конце учебы в начальной школе (и перед поступлением в среднюю), то есть не в десять лет или позже. Наконец, момент конфирмации как никакой другой подходит для того, чтобы ребенку, уже просвещенному во всех вопросах телесной сферы, изложить нравственные обязанности, связанные с осуществлением влечения. Такое постепенное и, в сущности, непрерывное просвещение в вопросах половой жизни, в котором инициатива принадлежит школе, кажется мне единственным, которое учитывает развитие ребенка и поэтому благополучно избегает имеющейся опасности.

Я считаю самым значительным прогрессом в воспитании детей то, что французское государство вместо катехизиса ввело книгу, которая сообщает ребенку первые знания о его гражданском положении и однажды выпадающих на его долю этических обязанностях. Но этот элементарный урок в плохом смысле неполон, если он не охватывает также область половой жизни. Здесь имеется пробел, восполнить который должны воспитатели и реформаторы! В государствах, которые полностью или частично передали воспитание детей в руки духовенства, такого требования, разумеется, выдвигать нельзя. Священнослужитель никогда не согласится с однородностью человека и животного, так как он не может отказаться от идеи о бессмертной душе, которая ему нужна для того, чтобы обосновать моральное требование. Таким образом, снова доказывается на деле, что неразумно нашивать на превратившуюся в лохмотья юбку единственный шелковый лоскут, что невозможно проводить отдельную реформу, не меняя основ системы[1]!

---

[1] [Это же требование Фрейд выдвигает в отношении брака в своей работе «"Культурная" половая мораль и современная нервозность» (1908*d*, *Studienausgabe*, т. 9, с. 25–26.]

Об инфантильных сексуальных теориях
(1908)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1908 *Sexual-Probleme,* т. 4 (12) [декабрь]. 763–779.
1909 *S. K. S. N.*, т. 2, 159–174. (1912, 2-е изд.; 1921, 3-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 168–185.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre,* 43–61.
1941 *G. W.*, т. 7, 171–188.

Хотя настоящая работа, наверное, содержит немногое из того, что могло бы удивить сегодняшнего читателя, в ней в свое время впервые было выдвинуто множество совершенно новых идей. Этот парадокс становится понятным, если учесть, что данное сочинение было опубликовано за несколько месяцев до описания случая «маленького Ганса» (1909*b*) (хотя, как следует из прим. 2 на с. 178, последнее к тому времени, вероятно, уже лежало в типографии) и что раздел в «Трех очерках», посвященный «инфантильным сексуальным исследованиям» (см. выше, с. 100–102) добавился только в 1915 году, то есть через восемь лет после публикации данного сочинения, и фактически представляет собой его резюме.

Поэтому первые читатели настоящей работы соприкоснулись, так сказать, неподготовленными с такими представлениями, как оплодотворение через рот, рождение через анус, садистский характер полового сношения между родителями и наличие пениса у обоих полов. Последнее представление имеет, пожалуй, самые далекие последствия, которые также упоминаются здесь впервые: уважение, с которым дети обоего пола относятся к пенису, обнаружение отсутствия пениса у женского пола, появление «зависти к пенису» у девочки и представления о «женщине с пенисом» у мальчика, а также значение этого представления для возникновения определенной формы гомосексуализма И, наконец, в этом сочинении мы находим первое ясное упоминание и обсуждение «комплекса кастрации».

Богатство материала данной работы, несомненно, следует приписать в первую очередь открытиям, сделанным Фрейдом при анализе «маленького Ганса»; завершенное незадолго до этого изложение этого случая проиллюстрировало и обогатило содержание настоящего сочинения.

Материал, на который опирается нижеследующее сопоставление, происходит из нескольких источников. Во-первых, из непосредственного наблюдения за высказываниями и поведением детей, во-вторых, из сообщений взрослых невротиков, которые во время психоаналитического лечения рассказывают о том, что сохранилось в их сознательной памяти из детского возраста, и, в-третьих, из выводов, конструкций и переведенных в сознание бессознательных воспоминаний, которые возникают в результате психоанализа невротиков. То, что первый из трех этих источников сам по себе не предоставил всего нужного, объясняется отношением взрослых к детской сексуальной жизни. У детей не предполагают никакой сексуальной деятельности и поэтому не прилагают усилий наблюдать таковую, а с другой стороны, подавляют ее проявления, которые были бы достойны внимания. Поэтому возможность черпать из этого самого чистого и обильного источника весьма ограничена. То, что происходит из не обусловленных чьим-либо влиянием сообщений взрослых об осознанных детских воспоминаниях, в крайнем случае подлежит возражению в возможной фальсификации при ретроспективном взгляде, но, кроме того, должно оцениваться с той точки зрения, что данные лица позднее стали невротиками. Материал из третьего источника будет подлежать всем возражениям, которые обычно приводятся по поводу надежности психоанализа и выводимых из него заключений; правомочность этого суждения не может быть здесь проверена; я хочу только заверить, что тот, кто знает и использует психоаналитическую технику, приобретает значительное доверие к ее результатам.

Я не могу ручаться за полноту моих результатов — только за тщательность, с которой старался их получить.

Остается решить трудный вопрос: в какой мере наличие того, что сообщается здесь о детях в целом, можно предполагать у всех детей, то есть у каждого отдельного ребенка. Давление воспитания и различная интенсивность сексуального влечения, несомненно, будут содействовать значительным индивидуальным колебаниям в сексуальном поведении ребенка, прежде всего влиять на времен-

ное проявление детского сексуального интереса. Поэтому я не стал членить мое описание на следующие друг за другом эпохи детства, а объединил в одно целое все то, что у разных детей проявляется то раньше, то позже. Я все же убежден, что ни один ребенок — по крайней мере умственно полноценный или даже одаренный — не может избегнуть занятия сексуальными проблемами *до* пубертата.

Я не придаю большого значения возражениям, что невротики — это особый, характеризующийся дегенеративными задатками класс людей, из детской жизни которых должно быть воспрещено делать выводы о детстве других людей. Невротики — такие же люди как и другие, их нельзя строго отделять от нормальных, в детстве их не всегда легко отличить от тех, кто позднее остается здоровым. Один из самых ценных выводов наших психоаналитических исследований заключается в том, что их неврозы не имеют особого, своеобразного и присущего только им психического содержания, а наоборот, по словам К. Г. Юнга, они заболевают теми же комплексами, с которыми боремся также мы, здоровые люди. Различие состоит только в том, что здоровые люди умеют преодолевать эти комплексы без грубого, обнаруживаемого на практике вреда, тогда как нервным людям подавление этих комплексов удается лишь ценой разорительных замещающих образований, то есть на самом деле не удается. В детском возрасте нервные и нормальные люди, разумеется, находятся по отношению друг к другу еще гораздо ближе, чем в последующей жизни, и поэтому я не могу усмотреть методической ошибки в том, чтобы использовать сообщения невротиков о своем детстве для умозаключений по аналогии о нормальной детской жизни. Но поскольку будущие невротики очень часто приносят с собой в своей конституции особенно сильное половое влечение и предрасположение к ранней зрелости, преждевременным ее проявлениям, они позволяют нам распознать многое из инфантильной сексуальной деятельности ярче и отчетливее, чем это было бы возможно с помощью нашего и без того притупленного дара наблюдения над другими детьми. Действительное значение этих сообщений, происходящих от взрослых невротиков, можно будет, однако, оценить только в том случае, если по примеру Хэвлока Эллиса будут собраны также и детские воспоминания взрослых здоровых людей[1].

Из-за неблагосклонности как внешних, так и внутренних обстоятельств нижеследующие сообщения относятся главным образом только к сексуальному развитию одного пола, а именно мужского. Однако коллекция, которая здесь мною анализируется, имеет

[1] [Ср. Havelock Ellis, 1903, приложение Б. См. также выше, с. 97, прим.]

не только описательную ценность. Знание инфантильных сексуальных теорий, которые формируются в детском мышлении, может представлять интерес в разных направлениях, в том числе неожиданно и для понимания мифов и сказок. Вместе с тем она остается незаменимой для понимания самих неврозов, в которых эти детские теории по-прежнему имеют силу и оказывают определяющее влияние на формирование симптомов.

Если бы мы могли, отказавшись от своей телесности, просто как мыслящие существа, пришедшие, к примеру, с другой планеты, взглянуть свежим взглядом на происходящее на этой земле, то, наверное, ничто иное не привлекло бы наше внимание больше, чем существование среди людей двух полов, столь *похожих* один на другой и все же подчеркивающих свое отличие внешними признаками. Не похоже, чтобы также и дети избирали этот фундаментальный факт в качестве исходного пункта своих исследований сексуальных проблем. Так как они знают отца и мать столько же, сколько помнят себя, они принимают их наличие как далее не исследуемую реальность, и точно так же ведет себя мальчик по отношению к сестричке, от которой его отделяет лишь незначительная разница в возрасте в один или два года. Жажда знаний пробуждается у детей отнюдь не спонтанно, вследствие, например, врожденной потребности в понимании причинных связей, а под давлением овладевающих ими эгоистичных влечений, когда они — например, по завершении второго года жизни — озадачены появлением нового ребенка. Те дети, чья детская комната находится не в самом доме, способны, исходя из своих наблюдений в других домах, поместить себя в эту ситуацию. Пережитое ими самими или вызывающее обоснованный страх лишение заботы со стороны родителей, подозрение, что отныне и на все времена придется делиться всей собственностью с новоприбывшим, возбуждающе действуют на эмоциональную жизнь ребенка и обостряют его мыслительные способности. Старший ребенок проявляет нескрываемую враждебность к конкуренту, которая выражается в нелюбезной его оценке, в желаниях, чтобы «аист снова забрал его с собой», и тому подобном, а иногда даже приводит к покушениям на беспомощно лежащего в колыбели младенца.

Бóльшая разница в возрасте, как правило, ослабляет проявление этой первичной враждебности; также в несколько более позднем возрасте, если брат или сестра не появляется, может одержать верх желание иметь товарища по играм, которого ребенок мог видеть где-нибудь в другом месте.

При побуждении этих чувств и забот ребенок начинает теперь заниматься первой животрепещущей проблемой жизни и задается вопросом, *откуда берутся дети*[1], который, пожалуй, вначале гласит: откуда взялся этот отдельный мешающий ребенок? Отзвук этого первого вопроса можно услышать в неопределенно многих загадках мифов и сказаний; сам вопрос, как и все исследование, — продукт жизненной необходимости[2], словно мышлению поставлена задача предотвратить наступление вновь внушающих столь большой страх событий. Предположим, однако, что мышление ребенка тотчас освобождается от своего побуждения и продолжает работать как самостоятельное влечение к исследованию. Если ребенок еще не слишком запуган, рано или поздно он совершает следующий шаг — требует ответа от своих родителей и ухаживающих за ним людей выступающих для него в качестве источника знаний. Но этот шаг ничего не даст. Ребенок получает либо уклончивый ответ, либо выговор за свое любопытство, либо от него отделываются той мифологически значимой информацией, которая в немецкоязычных странах звучит: детей приносит аист, который достает их из воды. У меня есть основание предполагать, что гораздо больше детей, чем предполагают родители, не удовлетворены таким ответом и решительно в нем сомневаются, но не всегда открыто в этом признаются. Мне известно об одном трехлетнем мальчике, который после полученного разъяснения, к ужасу своей няни, ушел из дома и нашелся на берегу большого пруда возле замка, куда он направился, чтобы посмотреть на детей в воде; о другом мальчике, который не мог позволить выразиться своему недоверию иначе, чем в робком высказывании, что он, мол, знает лучше: детей приносит не аист, а серая цапля Как мне кажется, из многих высказываний следует, что дети не верят в теорию аиста, а из-за этого первого обмана и отказа у них появляется недоверие к взрослым, у них возникает представление о чем-то запретном, которое утаивается от них «большими», и поэтому их дальнейшие исследования покрываются тайной. При этом однако, они также переживают первый повод к «психическому конфликту», поскольку мнения, к которым они инстинктивно чувствуют предпочтение но которые для взрослых «неверные», вступают в противоречие с другими мнениями, которые поддерживаются авторитетом «больших», но для них самих неприемлемы. Из этого

---

[1] [См. прим. выше, с. 164–165.]

[2] [Роль «жизненной необходимости» в психическом развитии обсуждается в главе VII (В) «Толкования сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 538–540.]

психического конфликта вскоре может возникнуть «психическое расщепление»; одно мнение, с которым связано послушание, но вместе с тем и сдерживание мышления, становится господствующим в сознании; другое мнение, в пользу которого исследовательская работа тем временем приносит новые — но обязанные не иметь силы — доказательства, подавляется и становится «бессознательным». Таким образом формируется ядерный комплекс[1] невроза.

Недавно благодаря анализу пятилетнего мальчика[2], проведенному с ним его отцом, а затем предоставленного мне для публикации, я получил неопровержимое подтверждение одной идеи, на след которой меня давно уже навели психоанализы взрослых. Теперь я знаю, что изменения при беременности матери не ускользают от зоркого глаза ребенка и что он вполне способен спустя некоторое время устанавливать верную взаимосвязь между увеличением тела матери и появлением ребенка. В упомянутом случае мальчику было три с половиной года, когда родилась его сестра, и четыре года и девять месяцев, когда о его знании можно было догадаться по самым очевидным намекам. Однако это знание, появившееся в раннем возрасте, всегда скрывается, а впоследствии во взаимосвязи с дальнейшими судьбами детского исследования сексуальности вытесняется и забывается.

Таким образом, «басня про аиста» не принадлежит к числу инфантильных сексуальных теорий; напротив, наблюдения за животными, которые так мало скрывают свою сексуальную жизнь и столь близким которым ребенок себя ощущает, подкрепляют его недоверие. С пониманием того, что он рос в теле матери, которая приобретает его самостоятельно, ребенок был бы на верном пути решения проблемы, на которой он впервые испытывает силу своего ума. Однако его дальнейшее движение вперед сдерживается незнанием, которое нельзя возместить [см. с. 178–179], и ошибочными теориями, которые навязываются ему состоянием собственной сексуальности.

Все эти ошибочные сексуальные теории, которые теперь будут мною рассмотрены, имеют одну весьма необычную особенность. Хотя они гротескным образом сбиваются с правильного пути, каж-

---

[1] [Вскоре после этого, например, в истории болезни «Крысина» (1909*d*), Фрейд использовал этот термин как эквивалент того, что чуть позже (1910*h*, в этом томе с. 192) назвал «эдиповым комплексом». В вышеуказанном предложении, в котором это выражение появляется впервые, его значение несколько шире.]

[2] [Описание случая «маленького Ганса» (1909*b*), которое было опубликовано вскоре после данной работы.]

дая из них все же содержит часть настоящей правды, в своем составе аналогичную попыткам решения взрослыми мировых проблем. чрезвычайно сложных для человеческого разума, которые называют «гениальными». Верное и важное в этих теориях объясняется их происхождением от компонентов сексуального влечения, которые проявляются уже в детском организме; ибо эти предположения возникают не по причине психического произвола или случайных впечатлений, а из-за необходимостей психосексуальной конституции, и поэтому мы можем говорить о типичных сексуальных теориях детей, поэтому мы находим те же самые ошибочные мнения у всех детей, сексуальная жизнь которых становится нам доступной

Первая из этих теорий исходит из пренебрежения половыми различиями, которое в самом начале [с. 173] было отмечено нами как характерное для ребенка. Она заключается в том, *что всем людям, в том числе и женского пола, приписывается наличие пениса* о котором мальчик знает благодаря собственному телу. Именно в той сексуальной конституции, которую мы должны признать «нормальной», уже в детстве пенис является ведущей эрогенной зоной. важнейшим аутоэротическим сексуальным объектом, и его высокая оценка логично отражается в неспособности представить себе личность, подобную своему «я», у которой нет этой важной составной части. Когда маленький мальчик видит гениталии сестрички, то его высказывания свидетельствуют о том, что его предубеждение уже достаточно велико, чтобы подчинить восприятие[1]; он констатирует не отсутствие члена, а *обычно* говорит, словно утешая и поддерживая: «...Он пока еще маленький; но когда она станет большой, он тоже вырастет»[2]. Представление о женщине с пенисом возвращается позднее в сновидениях взрослого; ночью в порыве сексуального возбуждения он опрокидывает женщину навзничь, раздевает ее и готовится к коитусу, чтобы затем при виде хорошо сформированного члена вместо женских гениталий прервать сон и возбуждение. Многочисленные гермафродиты античной эпохи точно воспроизводят это когда-то всеобщее инфантильное представление; можно наблюдать, что на большинство нормальных людей оно не действует оскорбительно, тогда как действительно допущенные природой

---

[1] [Это «подчинение восприятия», или, как он позднее говорил «отрицание» Фрейд намного позднее еще раз взял за основу важных теоретических рассуждений. См., в частности, работу «Фетишизм» (1927*e*). См. также примечание редактора в работе «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*), ниже, с. 239.]

[2] [Ср. почти идентичное замечание «маленького Ганса» (1909*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 17–18 (которое также приведено в предыдущей работе, выше, с. 164).]

двуполые образования гениталий почти всегда вызывают сильнейшее отвращение.

Если это представление о женщине с пенисом «фиксируется» у ребенка, противостоит всем влияниям последующей жизни и делает мужчину неспособным отказаться от пениса у своего сексуального объекта, то такой индивид при нормальной в остальном сексуальной жизни должен стать гомосексуалистом, искать сексуальные объекты среди мужчин, которые другими своими соматическими и психическими особенностями напоминают женщину[1]. Реальная женщина, какой она познается позднее, как сексуальный объект остается для него невозможной, поскольку она лишена важного сексуального раздражителя; более того, в связи с другим впечатлением детской жизни она может даже вызывать у него отвращение. Находясь во власти возбуждения, исходящего от пениса, ребенок обычно создает себе удовольствие, раздражая его рукой, но будучи за этим застигнутым родителями или ухаживающими людьми, пугается угрозы, что ему отрежут член. При соответствующих условиях такая «угроза кастрации»[2] оказывает чрезвычайно большое и неослабное воздействие на оценку этой части тела. Сказания и мифы свидетельствуют о смятении детской эмоциональной жизни, об ужасе, связанном с комплексом кастрации, который затем также с неохотой вспоминается сознанием. Об этой угрозе позднее напоминают увиденные, воспринятые как изувеченные гениталии женщины, и поэтому у гомосексуалиста вместо удовольствия пробуждается страх. В этой реакции не может уже ничего измениться, если гомосексуалист узнает от науки, что детское предположение, что женщина тоже обладает пенисом, не так уж далеко от истины. Анатомия признала клитор в женской срамной щели в качестве органа, гомологичного пенису, а физиология сексуальных процессов сумела дополнить, что этот небольшой и более не растущий пенис в детстве женщины фактически ведет себя, как самый настоящий пенис, что он становится местом средоточия возбуждений, стимулирующих к прикосновению, что его раздражимость придает сексуальной деятельности маленькой девочки мужской характер и что требуется всплеск вытеснения в пубертатном возрасте, чтобы в результате уст-

---

[1] [В своем описании случая «маленького Ганса» Фрейд еще раз возвращается к этому, там же, с. 95.]

[2] [По-видимому, это выражение в опубликованном виде появляется здесь впервые. Однако идея угрозы кастрации однажды уже встречается в «Толковании сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 586.]

ранения этой мужской сексуальности появилась возможность для становления женщины. У многих женщин сексуальная функция приходит в упадок из-за того, что эта возбудимость клитора упорно сохраняется и поэтому они остаются нечувствительными при половом сношении, или из-за того, что вытеснение оказывается слишком сильным и поэтому его воздействие частично устраняется посредством истерического замещающего образования; все это делает инфантильную сексуальную теорию, что женщина, подобно мужчине, обладает пенисом, верной[1].

За маленькой девочкой легко можно заметить, что она вполне разделяет оценку брата. У нее развивается большой интерес к этой части тела мальчика, который, однако, тотчас дополняется завистью. Она ощущает себя ущемленной, предпринимает попытки мочиться в таком же положении, в каком это удается мальчику благодаря обладанию большим пенисом, и когда она высказывает желание: «Лучше бы я была мальчиком», мы знаем, какой недостаток это желание должно устранить.

Если бы ребенок мог следовать указаниям, которые исходят от возбуждения пениса, то он немного приблизился бы к решению своей проблемы. То, что ребенок растет в утробе матери, — объяснение, очевидно, недостаточное. Как он туда попадает? Что дает толчок к его развитию? То, что к этому какое-то отношение имеет отец, вполне вероятно; ведь он заявляет, что ребенок — это также его ребенок[2]. С другой стороны, в этих непонятных процессах, несомненно, принимает участие также пенис, он доказывает это своим возбуждением во время всей этой мыслительной работы. С этим возбуждением связаны стимулы, объяснить которые ребенок не может, смутные импульсы к насильственному поведению, к проникновению, разрушению, к тому, чтобы где-то пробить отверстие. Но если ребенок, следуя наилучшим путем, постулирует существование влагалища и приписывает такое проникновение в мать пенису отца в качестве того акта, в результате которого в теле матери возникает ребенок, то в этом месте исследование все же в полной растерянности прерывается, ибо на его пути стоит теория, согласно которой мать обладает пенисом подобно мужчине, а существование полости, принимающей пенис, остается для ребенка незамеченным. Вполне можно допустить, что безуспешность умственных уси-

---

[1] [Ср. «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), выше, с. 124–125.]

[2] См. в связи с этим анализ пятилетнего мальчика [*Studienausgabe*, т. 8, с. 112].

лий способствует затем их отвержению и забыванию. Однако эти раздумья и сомнения становятся образцом всей более поздней мыслительной работы над проблемами, а первая неудача действует парализующе на все последующие времена[1].

Незнание о вагине содействует также убежденности ребенка во второй из своих сексуальных теорий. Если ребенок растет в утробе матери и удаляется из нее, то это может происходить только единственно возможным способом — через открытие кишки. *Ребенок должен появиться на свет подобно испражнениям, экскрементам.* Если этот же вопрос становится предметом размышления наедине с собой или обсуждения между двумя детьми в более позднем детском возрасте, то может возникнуть предположение, что ребенок появляется на свет из раскрывающегося пупка или что разрезают живот и из него вынимают ребенка, как это происходит с волком в сказке о Красной Шапочке. Эти теории высказываются вслух и позднее также осознанно вспоминаются; они уже не содержат ничего предосудительного. Те же самые дети полностью позабыли, что в более раннем возрасте верили в другую теорию рождения, на пути которой в настоящее время стоит произошедшее с тех пор вытеснение анальных сексуальных компонентов. Тогда испражнение являлось чем-то таким, о чем в детской комнате можно было говорить безбоязненно, ребенок еще не был далек от своих конституциональных копрофильных наклонностей; появляться на свет подобно куче кала, который еще не вызывал отвращения, — отнюдь не было деградацией. Клоакальная теория, действительно верная в отношении многих животных, была самой естественной и единственной, которая могла казаться ребенку правдоподобной.

Но тогда было только логичным, что ребенок не мог признать болезненную привилегию женщины рожать детей. Если дети рождаются через задний проход, то мужчина точно так же может рожать, как и женщина. Таким образом, мальчик может также фантазировать, что он сам рожает детей, и нам не нужно из-за этого обвинять его в женских наклонностях[2]. Он просто при этом оперирует своей все еще активной анальной эротикой.

---

[1] [Фрейд цитирует это последнее предложение в примечании к своему очерку о Леонардо (1910*c*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 105–106, где он обсуждает данную тему. Вместе с тем этот вопрос он уже однажды затрагивал (см. выше, с. 165).]

[2] [Ср. сходное замечание в описании случая «маленького Ганса» *Studienausgabe*, т. 8, с. 82, прим. Только позднее, особенно в анализе «Волкова» (1918*b*), Фрейд указал на тесную связь, которая может существовать между анальной эротикой и женской установкой. См., например, там же, с. 193.]

Если клоакальная теория рождения сохраняется в сознании в последующие детские годы, что иногда бывает, то, разумеется, она приводит уже к другому решению вопроса о возникновения детей. В таком случае дело обстоит как в сказке. Съедают что-то определенное, и из этого получают ребенка. У душевнобольного эта инфантильная теория рождения затем вновь оживает. Например, маниакальная больная подводит делающего обход врача к кучке кала, которую она оставила в углу своей палаты, и, смеясь, ему говорит: «Это ребенок, которого я сегодня родила».

Третья из типичных сексуальных теорий возникает у детей, если по какой-то случайности они становятся дома свидетелями полового акта между родителями, в отношении которого они могут делать тогда лишь весьма неполные наблюдения. Какая бы его часть ни попадала тогда в их поле зрения — взаимное расположение двух людей, шум или определенные побочные обстоятельства, — во всех случаях они приходят к одному и тому же, мы можем сказать, *садистскому пониманию коитуса*, видят в нем нечто такое, что более сильная сторона насильственно совершает с более слабой, и сравнивают его, особенно мальчики, с дракой, о которой они знают из своего общения с детьми и которая к тому же не лишена примеси сексуального возбуждения. Я не смог установить, чтобы дети распознавали этот наблюдаемый ими процесс, происходящий между родителями, как элемент, необходимый для решения проблемы детей; часто похоже на то, что эти отношения не понимаются детьми именно потому, что они истолковали любовный акт как насилие. Однако само это понимание производит впечатление возврата того смутного импульса к проявлению жестокости, который при первом размышлении над загадкой, откуда берутся дети, был связан с возбуждением пениса [ср. с. 178]. Нельзя также отрицать возможность того, что тот ранний садистский импульс, почти позволивший догадаться о коитусе, сам возник под влиянием самых смутных воспоминаний о сношении родителей, в отношении которого ребенок, деливший в первые годы жизни спальню с родителями, воспринял материал, но тогда его не использовал[1].

Садистская теория коитуса, которая в своей изолированности становится заблуждением там, где могла бы принести подтвержде-

---

[1] В опубликованной в 1794 году автобиографической книге «Monsieur Nicolas» Рестиф де ла Бретон подтверждает это садистское ошибочное понимание коитуса в рассказе о своем впечатлении на четвертом году жизни. [Этот вопрос был подробно рассмотрен примерно через десять лет в истории болезни «Волкова» (1918*b*) (см., в частности, *Studienausgabe*, т. 8, с. 166 и далее).]

ние, опять-таки представляет собой проявление одного из врожденных сексуальных компонентов, который у отдельного ребенка может быть выражен более или менее сильно, и поэтому она в чем-то верна, отчасти разгадывает сущность полового акта и «борьбы полов», которая ему предшествует. Нередко ребенок также способен подкреплять это свое понимание случайными наблюдениями которые он где-то понимает правильно, где-то неправильно и даже противоречиво. Во многих браках женщина действительно постоянно противится супружеским объятиям, которые приносят ей не удовольствие, а опасность новой беременности, и таким образом мать может производить на принимаемого за спящего (или на притворяющегося спящим) ребенка впечатление, которое можно истолковать не иначе, как сопротивление насилию. В других случаях весь брак предоставляет внимательному ребенку зрелище непрерывного спора, выражающегося в громких словах и недружелюбных жестах, и тогда ребенку не приходится удивляться, что этот спор продолжается также и ночью и в конечном счете ведется теми же методами, которые ребенок привык использовать в общении с братьями и сестрами или товарищами по играм.

Как подтверждение своего понимания ребенок расценивает также следы крови, которые он обнаруживает в кровати или на белье матери. Они служат ему доказательством того, что ночью снова состоялось подобное нападение отца на мать, тогда как мы истолковали бы те же самые свежие следы крови как признак перерыва в сексуальных отношениях. В некоторых случаях иначе необъяснимый «страх крови» нервнобольных находит свое объяснение через эту взаимосвязь. Заблуждение ребенка опять-таки покрывает частицу правды; при определенных, известных условиях следы крови, конечно, расцениваются как признак начавшихся сексуальных сношений.

В менее жесткой взаимосвязи с неразрешимой проблемой, откуда берутся дети, ребенок занимается вопросом, в чем заключается сущность и содержание состояния, которое называют «быть замужем или женатым», и отвечает на этот вопрос по-разному в зависимости от совпадения случайных наблюдений за родителями с собственными все еще нацеленными на удовольствие влечениями. Общим для всех этих ответов, по-видимому, является только то, что «быть замужем или женатым» сулит удовлетворение желания и предполагает отсутствие стыда. Мнение, которое я чаще всего встречал, гласит, что *«муж и жена друг перед другом мочатся»*; модификация, которая выглядит так, словно символически указывает на

большее знание: *муж мочится в горшок жены.* В других случаях смысл брака смещается на то, что *муж и жена показывают друг другу попу* (не стыдясь этого). В одном случае, в котором воспитанию удалось особенно надолго отсрочить ознакомление с сексуальностью, четырнадцатилетняя и уже менструировавшая девушка под влиянием прочитанной книги пришла к мысли, что сущность брака заключается в *«смешении крови»*, а поскольку ее собственная сестра еще не имела месячных, сладострастница попыталась посягнуть на одну посетительницу, признавшуюся, что у нее как раз сейчас менструация, чтобы вынудить ее к этому «кровосмешению».

Инфантильные мнения о сущности брака, которые нередко удерживаются сознательной памятью, имеют большое значение для симптоматики последующего невротического заболевания. Сначала они выражаются в детских играх, в которых дети делают друг с другом то, что означает для них «быть в браке», а однажды позднее желание быть замужем или женатым может выбрать инфантильную форму выражения, чтобы проявиться в виде неузнаваемой поначалу фобии или соответствующего симптома[1].

Таковы самые важные из типичных сексуальных теорий ребенка, возникающих в раннем детском возрасте спонтанно, но под влиянием компонентов сексуального влечения. Я знаю, что не представил полностью материал и не имеющую пропусков взаимосвязь с остальной детской жизнью. Я могу здесь присоединить еще отдельные дополнения, которые, впрочем, сделал бы любой сведущий человек. Так, например, важную теорию, что ребенка получают через поцелуй, которая, само собой разумеется, свидетельствует о господстве эрогенной зоны рта. По моему опыту, эта теория является исключительно женской и в качестве патогенной встречается иногда у девушек, у которых сексуальное исследование в детстве наталкивалось на сильнейшие препятствия. Одна из моих пациенток в результате случайного наблюдения пришла к теории *«кувады»*, которая, как известно, у некоторых народов является распространенным обычаем и, вероятно, имеет намерением противостоять никогда полностью не преодолимому сомнению в отцовстве. Поскольку ее несколько странный дядя после рождения своего ребенка целыми днями оставался дома и встречал посетителей в ночной рубашке, она сделала вывод, что в родах участвовали оба родителя, которые, должно быть, ложились в кровать.

---

[1] Самые важные для последующего невроза детскче игры — в «доктора» и в «маму и папу».

На десятом или на одиннадцатом году жизни дети получают сексуальную информацию. Ребенок, который рос в более свободных социальных условиях или имел более благоприятную возможность для наблюдения, делится с другими тем, что он знает, поскольку при этом он может ощущать свою зрелость и превосходство То, что дети узнают таким образом, по большей части является верным, то есть им рассказывают о существовании вагины и ее предназначении, но, кроме того, эти заимствованные друг у друга разъяснения нередко смешаны с ложным, обременены остатками прежних инфантильных сексуальных теорий. Полными и достаточными для решения древней проблемы они почти никогда не бывают. Если раньше пониманию взаимосвязи препятствовало незнание о вагине, то теперь мешает незнание о семени. Ребенок не может догадаться, что из мужского полового члена изливается не только моча но и другая субстанция, и иногда «невинная девушка» еще в брачную ночь приходит в негодование из-за того, что муж «в нее мочится». За этими сообщениями в предпубертатном возрасте теперь следует новый подъем детского сексуального исследования; однако теории, которые теперь создают дети, уже не имеют типичную и первоначальную чеканку, характерную для раннедетских, первичных теорий, когда инфантильные сексуальные компоненты могли выражаться в них беспрепятственно и без изменений. Более поздние мыслительные усилия, направленные на решение сексуальной загадки, не показались мне достойными войти в коллекцию. едва ли они могут также претендовать на патогенное значение. Их разнообразие, разумеется, в первую очередь зависит от характера полученного разъяснения; скорее, их значение заключается в том. что они вновь пробуждают ставшие бессознательными следы того первого периода сексуального интереса, а потому с ними нередко связываются сексуальные проявления в виде мастурбации и частичное эмоциональное отделение от родителей. Отсюда осуждающий приговор воспитателей, что такое разъяснение в эти годы «портит» детей.

Несколько примеров, возможно, покажут, какие элементы зачастую входят в эти поздние размышления детей о сексуальной жизни. Одна девочка услышала от одноклассницы, что мужчина дает женщине яйцо, которое та вынашивает в своем теле. Мальчик, который также слышал о яйце, отождествляет это «яйцо» с имеющим точно такое же вульгарное название семенным яичком и ломает голову над тем, каким же образом содержимое мошонки может пополняться снова и снова. Разъяснения редко бывают достаточ-

ными для того, чтобы предотвратить значительные сомнения в отношении половых процессов. Так, например, девочки могут прийти к предположению, что половое сношение происходит только единственный раз, но продолжается очень долго, двадцать четыре часа, и от этого одного раза по очереди появляются все дети. Можно было бы подумать, что этот ребенок получил знания о процессе размножения у определенных насекомых; но это предположение не подтверждается, теория возникает в качестве самостоятельного творения. Другие девочки упускают из виду время беременности, жизнь в утробе матери, и предполагают, что ребенок появляется на свет сразу после первой брачной ночи. Марсель Прево в одном из «Писем женщины» переработал это заблуждение юной девушки в смешную историю[1]. Трудно исчерпать эту тему позднего сексуального исследования у детей или подростков, задержавшихся на детской ступени, да и в целом она, возможно, неинтересна, однако она находится в сфере моих дальнейших интересов, и я должен только еще подчеркнуть, что при этом детьми обнаруживается много неверного, которое вступает в противоречие с более старым, лучшим, но ставшим бессознательным и вытесненным знанием.

Также и то, как дети относятся к этим поступающим к ним сообщениям, имеет свое значение. У некоторых сексуальное вытеснение столь велико, что они не хотят ничего слышать, и им удается оставаться несведущими, по крайней мере несведущими внешне, вплоть до позднего возраста, когда при психоанализе невротических проявлений вскрывается знание, происходящее из раннего детства. Мне также известно о двух мальчиках в возрасте между десятью и тринадцатью годами, которые, хотя и выслушали сексуальное разъяснение, однако в ответ на него возразили авторитету: «Быть может, твой отец и другие люди делают нечто подобное, но про своего отца я знаю точно, что он никогда бы такого не сделал»[2]. Каким бы разнообразным ни было это более позднее отношение детей к удовлетворению сексуального любопытства, по поводу их первых детских лет мы можем предположить совершенно единообразное поведение и считать, что в то время все они самым усердным образом стремились узнать, что же такое делают друг с другом родители, в результате чего затем получаются дети.

---

[1] [См. Prévost, «La nuit de Raymonde», *Nouvelles lettres de femmes.*]

[2] [Этот анекдот наряду с несколькими дальнейшими замечаниями на эту тему приводится также в работе «Об особом типе выбора объекта у мужчины» (1910*h*), ниже, с. 192.]

Психология любовной жизни

I
Об особом типе выбора объекта у мужчины
(1910)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1908 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 2 (2), 389–397. («К вопросу о психологии любовной жизни» I.)
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 200–212. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 186–197.
1924 В: «К вопросу о психологии любовной жизни», Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство. (С. 3–14.)
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 69–80.
1943 *G. W.*, т. 8, 66–77.

Эта и две следующие работы, первоначально написанные и опубликованные по отдельности с интервалом в несколько лет, были объединены Фрейдом в четвертой серии его «Сборника небольших сочинений по теории неврозов» *(S. K. S. N.)* под вышеуказанным общим названием. Из биографии Фрейда (Jones, 1962*a*, т. 2, 353) можно заключить, что о своем намерении написать нечто подобное Фрейд объявил на встрече Венского психоаналитического объединения 28 ноября 1906 года. Основные идеи данной работы были доложены объединению 19 мая 1909 году, а неделей позже обсуждены в ходе дискуссии. Однако сама работа была написана только в начале лета следующего года.

До сих пор мы уступали право поэтам изображать нам, в соответствии с какими «условиями любви» люди совершают свой «выбор объекта» и как они согласуют требования своей фантазии с действительностью. Поэты обладают также определенными особенностями, которые делают их способными к решению подобной задачи, прежде всего тонким восприятием скрытых душевных побуждений у других людей и смелостью, позволяющей им проявлять свое собственное бессознательное. Но познавательная ценность их сообщений уменьшается вследствие одного обстоятельства. Поэты связаны тем условием, что они должны вызывать интеллектуальное и эстетическое удовольствие, а также оказывать определенное эмоциональное воздействие, и поэтому они не могут изображать материал реальности в неизмененном виде, а должны изолировать отдельные его части, устранять мешающие взаимосвязи, смягчать целое и заменять отсутствующее. В этом и состоят преимущества так называемой «поэтической вольности». Они могут также проявлять лишь небольшой интерес к происхождению и развитию таких душевных состояний, которые описываются ими в готовом виде. Поэтому все же необходимо, чтобы наука более грубо и не для извлечения удовольствия занялась теми же материями, поэтической обработкой которых люди наслаждаются испокон веков. Эти замечания могут послужить оправданием строго научной обработки также и вопросов любовной жизни людей. Наука как раз и представляет собой самый полный отказ от принципа удовольствия, который возможен для нашей психической работы.

Во время психоаналитического лечения имеется вдоволь возможностей получить впечатления о любовной жизни невротиков, и при этом можно вспомнить о том, что такое же поведение наблюдается у среднего здорового человека или даже у выдающихся людей. Благодаря накоплению впечатлений вследствие счастливой благосклонности материала затем более отчетливо выделяются отдельные типы. Один такой тип мужского выбора объекта я хочу описать вначале, поскольку он отличается рядом «условий любви», сочета-

ние которых является непонятным и даже странным, и поскольку он допускает простое психологическое объяснение.

(1) Первое из этих условий любви следует назвать прямо-таки специфическим: если оно имеется, то можно искать и другие характерные особенности этого типа. Его можно назвать условием *«пострадавшего третьего»*; его содержание заключается в том, что данный человек никогда не выбирает объектом любви свободную женщину, то есть девушку или одинокую женщину, а выбирает только такую женщину, на которую может предъявить право собственности другой мужчина – супруг, жених или друг. В некоторых случаях это условие оказывается настолько обязательным, что на ту же самую женщину сначала не обращают никакого внимания или ее даже с презрением отвергают, пока она никому не принадлежит, но она тут же становится объектом влюбленности, как только вступает в одно из указанных отношений с каким-либо другим мужчиной.

(2) Второе условие, возможно, является менее постоянным, но не менее необычным. Этот тип выбора объекта осуществляется только при совпадении с первым, тогда как первый сам по себе, по-видимому, встречается очень часто. Это второе условие состоит в том, что непорочная и не внушающая подозрения женщина никогда к себе не привлекает настолько, чтобы стать объектом любви, а привлекает только женщина, пользующаяся дурной славой в сексуальном отношении, то есть в верности и порядочности которой можно усомниться. Эта последняя особенность может иметь множество вариаций – от легкой тени на репутации замужней женщины, которая не прочь пофлиртовать, до открыто полигамного образа жизни кокотки или жрицы любви, но человек, принадлежащий к нашему типу, не отказывается ни от чего подобного рода. Это условие с некоторым преувеличением можно назвать условием *«любви к потаскухе»*.

Подобно тому как первое условие дает повод к удовлетворению агональных, враждебных импульсов по отношению к мужчине, у которого отнимают любимую женщину, второе условие – порочность женщины – связано с *ревностью*, в которой, по-видимому, испытывают потребность влюбленные этого типа. Только тогда, когда они могут ревновать, их страсть достигает своей вершины, женщина обретает свою полную ценность, и они никогда не упускают возможности пережить эти самые сильные ощущения. Как ни странно, эта ревность адресована не законному обладателю возлюбленной, а вновь появляющимся посторонним людям, в отношениях с которыми ее могут подозревать. В ярких случаях любящий не проявляет никакого желания быть единственным обладателем женщи-

ны и, по-видимому, чувствует себя вполне хорошо в таком любовном треугольнике. Один из моих пациентов, который ужасно страдал от любовных интрижек своей дамы, ничуть, однако, не возражал против ее замужества и всячески ему содействовал; затем в течение многих лет он не проявлял и следа ревности в отношении мужа. В другом типичном случае пациент в своих первых любовных связях был, правда, очень ревнив к мужу и заставлял свою даму отказаться от супружеских отношений с ним; но в своих многочисленных более поздних связях он вел себя так же, как и другие, и уже не считал законного мужа помехой.

Следующие пункты отображают уже не требования, предъявляемые к объекту любви, а отношение любящего к объекту своего выбора.

(3) В нормальной любовной жизни ценность женщины определяется ее сексуальной незапятнанностью и снижается, чем больше она приближается к разряду женщин легкого поведения. Поэтому представляется необычным отклонением от нормы, что как к *наиболее ценным объектам любви* влюбленные нашего типа относятся к женщинам, обладающими именно этими свойствами. Они вступают в любовные отношения с этими женщинами, расходуя огромное количество психической энергии, вплоть до исчезновения всех остальных интересов; это единственные женщины, которых они могут любить, и они всякий раз предъявляют к себе требование верности, как бы часто оно ни нарушалось в действительности. В этих чертах описываемых любовных отношений чрезвычайно отчетливо проявляется *навязчивый* характер, в известной мере присущий всякой влюбленности. Однако на основании этой верности и силы привязанности не следует предполагать, что любовную жизнь таких людей заполняет одна-единственная такая любовная связь или что она бывает только однажды. Напротив, страсти подобного рода с теми же особенностями (одни — точное отображение других) повторяются много раз в жизни людей, принадлежащих к этому типу. Более того, в зависимости от внешних обстоятельств, например смены места жительства и окружения, объекты любви могут так часто сменять друг друга, что *образуется длинный ряд.*

(4) Больше всего наблюдателя поражает проявляющаяся у любящих людей этого типа тенденция *«спасать»* возлюбленную. Мужчина убежден, что возлюбленная нуждается в нем, что без него она утратит всякую нравственную опору и быстро опустится до жалкого уровня. Стало быть, он спасает ее тем, что не оставляет ее. В отдельных случаях намерение спасти может оправдываться ссылкой на сек-

суальную ненадежность и социально небезопасное положение возлюбленной; но не менее отчетливо оно проявляется также там, где подобные опоры на действительность отсутствуют. Один из принадлежащих к описываемому типу мужчина, умевший завоевывать своих дам искусным соблазнением и изощренной диалектикой, после этого в любовных отношениях прилагал все усилия для того, чтобы при помощи им самим сочиненных трактатов удержать очередную любовницу на пути «добродетели»

Если рассмотреть отдельные черты изображенной здесь картины, условия, требующие, чтобы возлюбленная была несвободна и относилась к женщинам легкого поведения, ее высокую оценку, потребность испытывать чувство ревности, верность, которая, однако, уживается с выстраиванием длинного ряда, и намерение спасать, то покажется маловероятным, что все они проистекают из одного-единственного источника. И все же таковой легко обнаруживается при психоаналитическом углубленном исследовании биографии рассматриваемых людей. Этот своеобразный выбор объекта любви и столь странное любовное поведение имеют то же психическое происхождение, что и любовная жизнь нормального человека; они проистекают из детской фиксации нежных чувств на матери и представляют собой одно из последствий этой фиксации. В нормальной любовной жизни сохраняется не так много черт, которые, без сомнения, выдают материнский прототип выбора объекта, например, предпочтение молодыми мужчинами более зрелых женщин; следовательно, отделение либидо от матери произошло сравнительно быстро. У нашего типа, напротив, и после наступления пубертата либидо задерживается на матери так долго, что у выбранных позже объектов любви остаются выраженными материнские черты, и во всех них легко распознать замену матери. Здесь напрашивается сравнение с формацией черепа[1] новорожденного; после продолжительных родов череп ребенка представляет собой слепок узкого участка таза матери.

В таком случае нам надлежит указать на вероятность того, что характерные черты мужчин нашего типа, условия любви и любовное поведение, действительно происходят от материнской констелляции. Проще всего это сделать по отношению к первому условию — чтобы женщина была несвободна или чтобы был пострадавший третий. Совершенно очевидно, что у растущего в семье ребенка тот

[1] [В изданиях до 1924 года здесь стояли слова «деформация черепа».]

факт, что мать принадлежит отцу, неразрывно связан с представлением о сущности матери, и что «пострадавшим третьим» является не кто иной, как сам отец. Столь же естественна для инфантильных отношений переоценка, в результате которой возлюбленная является единственной, незаменимой, ибо ни у кого не бывает больше одной матери и отношение к ней покоится на фундаменте не допускающего никакого сомнения и никогда не повторяющегося события.

Если объекты любви у нашего типа — это прежде всего замены матери, то становится понятным также и образование ряда, которое кажется столь резко противоречащим условию верности. Психоанализ показывает нам также и на других примерах, что незаменимое, которое действенно в бессознательном, зачастую проявляется через разложение на бесконечный ряд — бесконечный потому, что всякая замена все же не дает желанного удовлетворения. Так, например, неопределимая тяга детей в определенном возрасте задавать вопросы объясняется тем, что им нужно задать один-единственный вопрос, который они не в состоянии произнести[1], а болтливость некоторых лиц с невротическими нарушениями — гнетом тайны, которую им хочется разгласить и которую, несмотря на все искушения, они все-таки не выдают.

И наоборот, второе условие любви, принадлежность выбранного объекта к женщинам легкого поведения, кажется, совершенно противоречит его выведению из материнского комплекса. Сознательному мышлению взрослого человека мать представляется личностью неприкосновенной нравственной чистоты, и едва ли что-то другое, если оно исходит извне, действует столь оскорбительно, или воспринимается столь мучительно, если поднимается изнутри, как сомнение в этом качестве матери. Но как раз это самое резкое противоречие между «матерью» и «потаскухой» и побуждает нас исследовать историю развития и бессознательное взаимоотношение этих двух комплексов, раз мы давно уже знаем, что в бессознательном часто сливается воедино то, что в сознании представлено разделенным на две противоположности[2]. Исследование возвращает нас тог-

---

[1] [Это же Фрейд также подчеркивает в своем очерке о Леонардо да Винчи (1910*c*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 105.]

[2] [Также и этот факт Фрейд уже отмечал в «Толковании сновидений» (1900*a*), глава VI (B), *Studienausgabe*, т. 2, с. 316; более подробно он обсуждает его в главе VI своей книги об остроумии (1905*c*), *Studienausgabe*, т. 4, с. 162–163; см. также работу «О противоположном значении первых слов» (1910*e*), там же, с. 229 и далее.]

да к тому времени жизни, когда мальчик впервые получает более полное знание о сексуальных отношениях между взрослыми, — примерно к предпубертатному возрасту. Грубые рассказы с неприкрытой тенденцией принизить и возмутить знакомят его с тайной половой жизни, подрывают авторитет взрослых, который оказывается несовместимым с разоблачением их сексуальной деятельности. Что в этих откровениях производит самое сильное впечатление на новопосвященного — это их отношение к собственным родителям. Зачастую оно непосредственно отвергается слушателем примерно такими словами: «Быть может, твои родители и другие люди делают между собой нечто подобное, но между моими родителями такое совершенно невозможно»[1].

В качестве редко отсутствующего довеска к «сексуальному просвещению» мальчик также одновременно узнает о существовании определенных женщин, которые совершают половой акт за деньги и поэтому подвергаются всеобщему презрению. Самому ему это презрение должно быть чуждым; он проявляет к этим несчастным только смешанное чувство желания и страха, как только узнает, что также и он может через них приобщиться к половой жизни, которая до сих пор казалась ему исключительной привилегией «больших». Когда затем он уже не может сомневаться в том, что его родители не составляют исключения из отвратительных норм половой жизни, он говорит себе с циничной корректностью, что различие между матерью и потаскухой не столь велико, что они делают, в сущности, одно и то же. Просвещающие рассказы пробудили в нем следы воспоминаний о впечатлениях в его раннем детском возрасте и желания, этим снова активировав у него известные душевные побуждения. Он начинает желать свою мать в этом вновь приобретенном смысле и снова ненавидеть отца как соперника, стоящего на пути к исполнению этого желания; он попадает, как мы говорим, во власть эдипова комплекса[2]. Он не прощает этого матери, а то, что она даровала милость полового сношения не ему, а отцу, расценивает как неверность. Эти побуждения, если только они не проходят быстро, не имеют никакого другого исхода, кроме как изживания в фантазиях, имеющих своим содержанием сексуальную деятельность матери

---

[1] [Ср. последний абзац в работе «Об инфантильных сексуальных теориях (1908*c*), выше, с. 184.]

[2] [Очевидно, этот термин как таковой появляется здесь впервые в печатном виде. Разумеется, Фрейд употреблял данное понятие уже задолго до этого и говорил о нем как о «ядерном комплексе», например, в работе, упомянутой в предыдущем примечании; см. выше, с. 175.]

при самых разнообразных условиях; их напряжение также с особой легкостью ведет к разрешению в онанистическом акте. Вследствие постоянного взаимодействия обоих побудительных мотивов — чувственности и жажды мести — наиболее предпочтительными оказываются фантазии о неверности матери; любовник, с которым изменяет мать, почти всегда обладает чертами собственного «я», точнее сказать, собственной идеализированной личности, вознесенной по возрасту на уровень отца. То, что в другом месте[1] я описал как «семейный роман», охватывает разнообразные продукты этой деятельности фантазии и их переплетение с различными эгоистическими интересами этого времени жизни. Поняв эту часть истории душевного развития, мы уже не можем считать противоречивым и непонятным, что условие принадлежности возлюбленной к женщинам легкого поведения непосредственно вытекает из материнского комплекса. Описанный нами тип мужской любовной жизни носит следы этой истории развития, и его можно просто понимать как фиксацию на пубертатных фантазиях мальчика, которые все же позднее осуществились в реальной жизни. Нетрудно допустить, что активное занятие онанизмом в пубертатном возрасте способствовало фиксации этих фантазий.

С этими фантазиями, разросшимися до того, что они получили власть над реальной любовной жизнью, тенденция *спасать* возлюбленную, казалось бы, находится лишь в отдаленной, поверхностной связи, исчерпываемой сознательными доводами. Из-за своей склонности к непостоянству и неверности возлюбленная подвергается опасностям, поэтому понятно, что любящий старается уберечь ее от этих опасностей, бдя за ее добродетелью и противодействуя ее дурным наклонностям. Между тем изучение покрывающих воспоминаний, фантазий и ночных сновидений людей показывает, что здесь налицо прекрасно удавшаяся «рационализация» бессознательного мотива, которую можно сравнить с хорошо произведенной вторичной переработкой в сновидении. В действительности *мотив спасения* имеет свое собственное значение и историю и является самостоятельным дериватом материнского или, точнее сказать, родительского комплекса. Когда ребенок слышит, что он *обязан своей жизнью* родителям, что мать *«даровала ему жизнь»*, нежные побуждения соединяются у него с желанием быть большим и стремлением к самостоятельности, чтобы вернуть родителям этот дар, отпла-

---

[1] [В дискуссии в книге] О. Ранк[а], «Миф о рождении героя», 1909. [Freud (1909c).]

тить им тем же. Это похоже на то, как если бы мальчик своим упрямством хотел сказать: «Мне ничего не нужно от отца, я хочу вернуть ему все, что я ему стоил». Тогда он создает себе фантазию, что *спасает отца от смертельной опасности*, благодаря чему становится с ним квит, и эта фантазия довольно часто переносится на императора, короля или иную знатную особу и после такого искажения становится доступной сознанию и даже пригодной для поэтической обработки. По отношению к отцу в фантазии о спасении в значительной мере преобладает смысл упрямства, в отношении матери проявляется ее нежное значение. Мать подарила ребенку жизнь, и нелегко возместить этот своеобразный дар чем-нибудь равноценным. Но при небольшом изменении значения слова — что так легко удается в бессознательном и что можно уподобить сознательному слиянию понятий — спасение матери приобретает значение: подарить или сделать ей ребенка, разумеется, такого ребенка, как он сам. Удаление от первоначального смысла спасения не очень велико, изменение значения слова не является произвольным. Мать подарила ему жизнь, его собственную, и за это ей даруется другая жизнь, жизнь ребенка, имеющего наибольшее сходство с ним самим. Сын проявляет свою благодарность тем, что желает иметь от матери сына, такого же, как он сам, то есть в фантазии о спасении он полностью отождествляет себя с отцом. Все влечения — нежные, благодарные, похотливые, непокорные, самовластные — удовлетворяются в этом одном желании *быть своим собственным отцом*. При таком изменении значения слова не теряется и момент опасности; ведь самый акт рождения представляет собой опасность, от которой удалось спастись благодаря усилиям матери. Рождение — это самая первая жизненная опасность и вместе с тем прототип всех последующих опасностей, перед которыми мы испытываем страх; переживания при рождении, вероятно, оставили после себя аффективное выражение, которое мы называем тревогой. Макдуф в шотландском сказании, который не был рожден своей матерью, а был вырезан из ее утробы, потому и не знал страха[1].

[1] [«Макбет», акт V, 7-я сцена. Это является первым пространным указанием Фрейда на связь между рождением и страхом. Несколько подробнее он обсуждает ее в 25-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 383–384, примерно в начале лекции. Самое подробное описание содержится, разумеется, в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*), особенно в главах II, VIII и XI, А (б), где он во многом пересматривает свои прежние представления.]

Древний толкователь снов Артемидор был, несомненно, прав, утверждая, что сновидение меняет свой смысл в зависимости от персоны сновидца[1]. По законам, имеющим силу для выражения бессознательных мыслей, «спасение» может варьировать свое значение в зависимости от того, кто о нем фантазирует — женщина или мужчина. Оно может в равной степени означать сделать ребенка = зачать (у мужчины), как и самой родить ребенка (у женщины).

Эти различные значения спасения в сновидениях и в фантазиях особенно отчетливо можно распознать в связи с водой. Если мужчина во сне спасает из воды женщину, то это значит: он делает ее матерью, что в соответствии с предыдущими рассуждениями равнозначно содержанию: он делает ее своей матерью. Если женщина спасает кого-нибудь (ребенка) из воды, то этим она признает себя, подобно царевне в сказании о Моисее[2], родившей его матерью.

Иногда фантазия о спасении, направленная на отца, содержит также смысл нежного отношения. В таком случае она выражает желание иметь отца сыном, то есть иметь такого сына, как отец[3]. Из-за всех этих отношений мотива спасения к родительскому комплексу тенденция спасать возлюбленную составляет существенную черту описанного здесь типа любви.

Я не считаю нужным оправдывать мой метод работы, которая здесь, как и при описании *анальной эротики*[4], нацелена на то, чтобы из материала наблюдения вначале выделить крайние и резко очерченные типы. В обоих случаях имеется гораздо большее число индивидов, у которых можно установить лишь отдельные или не резко выраженные черты этого типа, и совершенно естественно, что только изложение всей взаимосвязи, в которую включены эти типы, позволит нам правильно их оценить[5].

---

² [Ср. пассаж в главе II «Толкования сновидений» (1900*a*) и сноску, добавленную в 1914 году (*Studienausgabe*, т. 2, с. 119).]

² Rank (1909).

³ [Сны о спасении упоминаются также в добавленном в 1911 году абзаце в «Толковании сновидений», глава VI (Д) (*Studienausgabe*, т. 2, с. 394).]

² [Ср. «Характер и анальная эротика» (1908*b*).]

³ [В работе, написанной спустя многие годы (1920*a*), Фрейд продемонстрировал точно такой же тип выбора объекта у одной гомосексуальной девушки.]

Психология любовной жизни

II

О самом обычном уничижении любовной жизни

(1912)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1908 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 4 (1), 40–50. («К вопросу о психологии любовной жизни» II.)

1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 213–228. (1922, 2-е изд.)

1924 *G. S.*, т. 5, 198–211.

1924 В: «К вопросу о психологии любовной жизни», Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство. (С. 15–28.)

1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 80–95.

1943 *G. W.*, т. 8, 78–91.

Обсуждение двух сексуальных течений в начале данной работы, собственно говоря, является дополнением к «Трем очеркам по теории сексуальности» (1905*d*); в издании 1915 года Фрейд действительно добавил короткое резюме этого изложения (см. выше, с. 105–106). Анализ психической импотенции, который составляет основную часть данной работы, является важнейшим вкладом Фрейда в понимание этой проблемы. Последнюю часть работы образует одно из многочисленных рассуждений Фрейда о противоречии между культурой и влечениями; более ранний пример таких рассуждений содержится в первой работе, посвященной сексуальной этиологии неврозов (1898*a*), с. 15 и далее, выше. Наиболее подробная аргументация, относящаяся к этой теме, представлена в очерке «"Культурная" сексуальная мораль и современная нервозность (1908*d*), а также в опубликованном по прошествии многих лет сочинении «Недомогание культуры» (1930*a*).

1

Когда практикующий психоаналитик задается вопросом, с каким недугом к нему обращаются за помощью чаще всего другого — если не принимать во внимание разнообразные проявления страха — он должен будет ответить: с психической импотенцией. Это странное нарушение затрагивает мужчин с сильно выраженным либидо и проявляется в том, что исполнительные сексуальные органы отказываются совершать половой акт, хотя до него и после могут оказаться исправными и дееспособными и хотя имеется сильное психическое расположение к осуществлению этого акта. Первое указание к пониманию своего состояния больной получает сам, когда на своем опыте убеждается, что такая осечка случается только при попытках с определенными лицами, тогда как с другими никаких проблем не возникает. Тогда он узнает, что торможение его мужской потенции проистекает из особых свойств сексуального объекта, и иногда рассказывает, что у него возникает ощущение внутреннего препятствия, противодействия, которое с успехом нарушает сознательное намерение. Но он не может догадаться, что это за внутреннее препятствие и какие свойства сексуального объекта его вызывают. Если такую осечку он переживает неоднократно, то полагает, устанавливая известную неверную связь, что воспоминание о первой неудаче в качестве мешающего тревожного представления вызвало ее повторение; саму же первую неудачу он сводит к «случайному» впечатлению.

Психоаналитические исследования психической импотенции уже проводились и публиковались многими авторами[1]. Каждый аналитик может подтвердить предложенные там объяснения, основываясь на собственном врачебном опыте. Речь действительно идет о тормозящем воздействии определенных психических комплексов, о которых сам индивид ничего не знает. В качестве самого распрос-

[1] M. Steiner (1907); W. Stekel (1908); Ferenczi (1908). [К книге Штекеля Фрейд написал предисловие (Freud, 1908f).]

траненного содержания этого патогенного материала на передний план выдвигается непреодоленная инцестуозная фиксация на матери и сестре. Кроме того, необходимо учитывать влияние акцидентных неприятных впечатлений, связанных с инфантильными проявлениями сексуальности, и те моменты, которые в целом снижают либидо, направленное на сексуальный объект женского пола[1].

Если случаи ярко выраженной психической импотенции подвергнуть тщательному исследованию посредством психоанализа, то можно получить следующие сведения о действующих при этом психосексуальных процессах. Основой недуга здесь — как, весьма вероятно, и при всех невротических нарушениях — является задержка в истории развитии либидо до ее конечной формы, которую следует назвать нормальной. Здесь еще не слились два течения, объединение которых обеспечивает совершенно нормальное любовное поведение, — два течения, которые мы можем отделить друг от друга как *нежное* и *чувственное*.

Из этих двух течений нежное — более старое. Оно восходит к самому раннему возрасту, образовалось на основе интересов влечения к самосохранению и направлено на членов семьи и тех, кто осуществляет уход за ребенком. С самого начала оно содержит в себе элементы сексуальных влечений, компоненты эротического интереса, которые более или менее отчетливо проявляются уже в детстве, а у невротиков во всех случаях обнаруживаются позднее с помощью психоанализа. Оно соответствует *первичному детскому выбору объекта*. Мы усматриваем из него, что сексуальные влечения находят свои первые объекты, основываясь на оценках влечений Я, подобно тому, как первое сексуальное удовлетворение ребенок испытывает при опоре на телесные функции, необходимыми для сохранения жизни[2]. «Нежность» родителей и воспитателей, которая лишь в редких случаях отрицает свой эротический характер («ребенок — эротическая игрушка»), делает очень многое для того, чтобы повысить эти вклады эротики до катексисов влечений Я и усилить их до степени, которая должна учитываться в дальнейшем развитии, особенно если этому оказывают содействие некоторые другие обстоятельства.

Эти нежные фиксации ребенка сохраняются на протяжении всего детства и снова и снова вбирают в себя эротику, которая из-за этого отклоняется от своих сексуальных целей. В пубертатном возрасте те-

---

[1] W. Stekel (1908, 191 и далее).

[2] [«Опорный тип» выбора объекта более подробно изложен в более поздней работе Фрейда о нарцизме (1914c).]

перь добавляется могущественное «чувственное» течение, которое уже не скрывает своих целей. Оно, похоже, никогда не упускает возможности следовать прежними путями и катектирует гораздо большим количеством либидо объекты первичного инфантильного выбора. Но наталкиваясь там на воздвигнутые с течением времени препятствия, ограничивающие инцест, оно проявляет стремление как можно скорее найти переход от этих практически непригодных объектов к другим, посторонним объектам, с которыми можно было бы вести реальную сексуальную жизнь. Эти посторонние объекты по-прежнему выбираются по образцу (имаго[1]) инфантильных, но со временем они притягивают к себе ту нежность, которая была привязана к прежним. Мужчина оставляет отца и мать — как предписано Библией — и следует за женой, в таком случае нежность и чувственность соединяются. Высшая степень чувственной влюбленности сочетается с наивысшей психической оценкой. (Нормальная переоценка сексуального объекта со стороны мужчины.)

При неуспехе этого поступательного движения в развитии либидо решающее значение имеют два момента. Во-первых, степень *реальной неудачи*, которая препятствует новому выбору объекта и обесценивает его для индивида. Ведь нет смысла выбирать объект, если выбирать вообще не приходится или если нет никакой перспективы выбрать что-то достойное. Во-вторых, степень *привлекательности*, присущей инфантильным объектам, которые нужно покинуть; она пропорциональна эротическому катексису, которым они были наделены еще в детстве. Если два этих фактора достаточно сильны, то в действие вступает общий механизм образования неврозов. Либидо отворачивается от реальности, подхватывается деятельностью фантазии (интроверсия), усиливает образы первых сексуальных объектов и фиксируется на них. Однако из-за ограничения инцеста либидо, обращенное на эти объекты, вынуждено оставаться в бессознательном. Осуществление чувственного течения, которое теперь принадлежит бессознательному, в онанистических актах приводит к усилению этих фиксаций. В этом положении вещей ничего не меняется и тогда, когда прогресс, неудавшийся в реальности, совершается в фантазии, то есть когда в воображаемых

---

[1] [Фрейд нечасто, особенно в своих последних работах, употреблял это выражение. Он приписывал его Юнгу (1911, 164); в свою очередь в том пассаже Юнг отмечает, что заимствовал это слово из названия романа швейцарского писателя Карла Шпиттелера. Психоаналитический журнал «Имаго», по словам одного из его основателей, Ганса Захса (1945, 63), обязан своим названием тому же источнику.]

ситуациях, ведущих к онанистическому удовлетворению, первоначальные половые объекты заменяются посторонними. Благодаря такой замене фантазии становятся способными к осознанию, но в реальном размещении либидо прогресса не происходит.

Таким образом может случиться, что вся чувственность молодого человека становится связанной в бессознательном[1] с инцестуозными объектами или, как мы можем также сказать, фиксированной на бессознательных инцестуозных фантазиях. В таком случае результатом является абсолютная импотенция, которая обеспечивается еще и одновременно приобретенным действительным ослаблением органов, осуществляющих половой акт.

Для возникновения так называемой психической импотенции требуются более мягкие условия. Чувственное течение во всем объеме не может довольствоваться участью скрываться за нежным течением, оно должно оставаться достаточно сильным или свободным, чтобы частично проложить себе путь к реальности. Сексуальная активность таких лиц позволяет, однако, распознать самые отчетливые признаки того, что за нею стоит далеко не вся психическая энергия влечения. Она переменчива, легко нарушается, зачастую осуществляется неправильно, доставляет мало удовольствия. Но прежде всего ей приходится избегать нежного течения. Таким образом, создается ограничение в выборе объекта. Оставшееся активным чувственное течение ищет только такие объекты, которые не напоминают ему предосудительных инцестуозных персон; если какой-нибудь человек производит впечатление, которое могло бы привести к высокой психической оценке, то оно выливается не в чувственное возбуждение, а в эротически безрезультатную нежность. Любовная жизнь таких людей остается расщепленной на два направления, которые персонифицируются в искусстве как небесная и земная (или животная) любовь. Любя, они не вожделеют, а вожделея, не могут любить. Они ищут объекты, которые им не нужно любить, чтобы держать в стороне свою чувственность от любимых объектов, и странная осечка психической импотенции по законам «чувствительности к комплексу»[2] и «возвращения вытесненного» возникает тогда, когда у объекта, выбранного для уклонения от инцеста, какая-нибудь незначительная черта напоминает объект, которого следует избегать.

---

[1] [В изданиях до 1924 в этом месте стояло весьма необычное слово «бессознание».]

[2] [Это обозначение заимствовано из экспериментов Юнга со словесными ассоциациями (1906, 1909).]

Главное средство против этого нарушения, которым пользуется человек при таком расщеплении любви, состоит в психическом *уничижении* сексуального объекта, тогда как переоценка, обычно причитающаяся сексуальному объекту, сохраняется за инцестуозным объектом и его заменами. Как только условие унижения выполнено, чувственность может выражаться свободно, человек проявляет значительную сексуальную активность и получает удовольствие. Этому результату содействует еще и другая взаимосвязь. Лица, у которых нежное и чувственное течения как следует не слились, как правило, ведут также не очень утонченную любовную жизнь; у них сохранились извращенные сексуальные цели, неисполнение которых воспринимается как ощутимое снижение удовольствия, а их осуществление представляется возможным только с униженным, презираемым сексуальным объектом.

Теперь становятся понятны мотивы упомянутых в первой статье[1] фантазий мальчика, в которых мать принижается до женщины легкого поведения. В них проявляются старания хотя бы в фантазии преодолеть пропасть между двумя течениями любовной жизни, получить мать в качестве объекта чувственности через ее уничижение.

2

До сих пор мы занимались врачебно-психологическим исследованием психической импотенции, которое не оправдывается заглавием этой статьи. Но дальше станет понятно, что нам потребовалось это вступление, чтобы получить доступ к нашей непосредственной теме.

Мы свели психическую импотенцию к несовпадению нежного и чувственного течения в любовной жизни, а саму эту задержку развития объяснили влиянием детских фиксаций и последующей осечкой в реальности при вмешательстве инцестуозного запрета. Против этой теории можно прежде всего возразить: она дает очень много, она объясняет нам, почему определенные люди страдают психической импотенцией, но для нас остается загадкой, что другие люди смогли избежать этого недуга. Поскольку следует признать, что все рассматриваемые очевидные моменты — сильная детская фиксация, запрет инцеста и осечка в годы развития после пубертата — имеются почти у всех культурных людей, было бы правомерно ожидать, что психическая импотенция — это общий культурный недуг, а не болезнь отдельного человека.

---

[1] С. 193, выше.

Если понятие психической импотенции расширить и не ограничивать его осечкой полового акта при имеющемся намерении получить удовольствие и при наличии исправного генитального аппарата, то в первую очередь добавляются все те мужчины, которых называют психастениками, у которых никогда не происходит осечки во время акта, но которые совершают его без особого удовольствия; такое случается чаще, чем хотелось бы думать. Психоаналитическое исследование таких случаев раскрывает те же самые этиологические моменты, которые мы обнаружили при психической импотенции в узком смысле, причем различия в симптоматике вначале не находят объяснения. От анестетических мужчин легко обосновываемая аналогия ведет к огромному числу фригидных женщин, любовное поведение которых действительно нельзя лучше описать или понять, чем через сопоставление с более известной психической импотенцией мужчины[1].

Но если мы не будем расширять понятие психической импотенции, а рассмотрим оттенки ее симптоматики, то мы не сможем игнорировать вывод, что любовное поведение мужчины в нашем современном культурном мире вообще содержит в себе типичные признаки психической импотенции. Нежное и чувственное течения лишь у очень немногих образованных людей слиты между собой надлежащим образом; мужчина почти всегда чувствует себя стесненным в проявлениях своей сексуальности из-за почтительного отношения к женщине и проявляет свою полную потенцию только тогда, когда имеет перед собой приниженный сексуальный объект, что опять-таки отчасти обусловлено тем обстоятельством, что в его сексуальные цели входят извращенные компоненты, которые он не осмеливается удовлетворить с уважаемой женщиной. Полное сексуальное удовлетворение он получает только тогда, когда может целиком предаваться наслаждению, на что он не отваживается, например, со своей благонравной супругой. Отсюда возникает его потребность в приниженном сексуальном объекте, в женщине, которая малоценна с этической точки зрения, которой ему не нужно приписывать эстетические сомнения, которая не может знать его и оценивать в других жизненных отношениях. С такой женщиной ему проще всего проявить свою сексуальную силу, даже если его нежность целиком принадлежит женщине, стоящей на более высокой ступе-

---

[1] При этом необходимо признать, что фригидность женщины — тема сложная, к которой к тому же надо подходить с другой стороны. [Этот вопрос подробно рассматривается в работе «Табу девственности» (1918*a*), с. 221 и далее, ниже.]

ни. Возможно, что и так часто наблюдаемая склонность мужчин высших общественных классов выбирать себе постоянную любовницу или даже супругу из женщин низшего сословия — не что иное, как следствие потребности в приниженном сексуальном объекте, с которым психологически связана возможность полного удовлетворения.

Оба момента, действенные при истинной психической импотенции, интенсивную инцестуозную фиксацию в детстве и реальную осечку в юношеском возрасте, я без колебаний готов сделать ответственными также за это столь часто встречающееся поведение культурных мужчин в любовной жизни. Это звучит не очень приятно и, кроме того, парадоксально, но все же приходится сказать, что тот, кто в любовной жизни хочет быть свободным и тем самым также счастливым, должен преодолеть почтительное отношение к женщине, свыкнуться с представлением об инцесте с матерью или сестрой. Тот, кто в отношении этого требования подвергнет себя серьезной проверке, без сомнения, обнаружит, что, в сущности, расценивает сексуальный акт как нечто унизительное, как то, что порочит и оскверняет не только телесно. Происхождение этой оценки, в которой, конечно, он признается себе неохотно, он может найти только в том времени своей юности, когда чувственное течение было уже сильно развито, но его удовлетворение с посторонним объектом было запрещено почти точно так же, как и с инцестуозным.

В нашем культурном мире женщины находятся под таким же воздействием своего воспитания и, кроме того, под влиянием ответного поведения мужчин. Когда мужчина не проявляет по отношению к ним всей своей потенции, то, разумеется, это для них точно так же неблагоприятно, как и тогда, когда после обладания первоначальная переоценка в период влюбленности сменяется пренебрежением. Потребность в унижении сексуального объекта у женщины малозаметна; с этим, несомненно, связано то, что, как правило, у женщины не происходит также чего-либо похожего на сексуальную переоценку мужчины. Однако длительное сексуальное воздержание и сохранение чувственности в фантазии имеют для нее другое важное следствие. В таком случае она зачастую уже не может разрушить связь между чувственными проявлениями и запретом и оказывается психически импотентной, то есть фригидной, когда, наконец, такие проявления становятся ей позволительными. Поэтому у многих женщин проявляется стремление какое-то время сохранять в тайне дозволенные отношения, у других — способность

испытывать нормальные ощущения, как только при таиной любовной связи восстанавливается условие запрета; изменяя мужу, они в состоянии хранить любовнику верность второго порядка. [Ср. с. 223.]

Я полагаю, что условие запретного в любовной жизни женщины можно приравнять к потребности в унижении сексуального объекта у мужчины. Оба являются следствием длительного перерыва между наступлением половой зрелости и началом сексуальной деятельности, которого требует воспитание, исходя из культурных причин. Оба стремятся устранить психическую импотенцию, возникающую в результате несовпадения чувственного и нежного побуждений. Если последствия одних и тех же причин у женщины столь сильно отличаются от таковых у мужчины, то это, возможно, объясняется еще одним различием в поведении обоих полов. Культурная женщина обычно не нарушает запрета на сексуальную деятельность в период ожидания, и таким образом у нее создается тесная связь между запретом и сексуальностью. Мужчина чаще всего нарушает этот запрет при условии унижения объекта и поэтому привносит это условие в свою последующую любовную жизнь.

Ввиду столь активных в современном культурном мире стремлений к реформе сексуальной жизни будет нелишне напомнить о том, что психоаналитическое исследование столь же мало считается с тенденциями, как и какое-либо другое. Оно стремится лишь раскрыть взаимосвязи, сводя очевидное к скрытому. Оно не против, если реформы воспользуются его изысканиями, чтобы заменить вредное более благоприятным. Но оно не может сказать заранее, не будут ли другие институты иметь следствием другие, возможно, еще более тяжелые жертвы.

3

Тот факт, что культурное обуздание любовной жизни влечет за собой самое общее унижение сексуальных объектов, должен нас побудить перенести свой взгляд с объектов на сами влечения. Вред от первоначального отказа в получении сексуального наслаждения выражается в том, что последующее снятие на него запрета в браке уже не дает полного удовлетворения. Но и неограниченная с самого начала сексуальная свобода не приводит к лучшему результату. Нетрудно установить, что психическая ценность любовной потребности тотчас снижается, как только удовлетворение становится слиш-

ком доступным. Чтобы повысить либидо, необходимо препятствие, и там, где естественные сопротивления удовлетворению оказываются недостаточными, люди во все времена создавали условные препятствия, чтобы иметь возможность наслаждаться любовью. Это относится как к индивидам, так и к народам. Во времена, когда удовлетворение любви не встречало трудностей, как, например, в период упадка античной культуры, любовь была обесценена, жизнь пуста, и потребовались сильнейшие реактивные образования, чтобы восстановить необходимые аффективные ценности. В связи с этим можно утверждать, что аскетическое течение христианства создало любви психические ценности, которые ей никогда не могла дать языческая древность. Наивысшего значения она достигла у аскетических монахов, жизнь которых почти целиком была наполнена борьбой с либидинозным искушением.

Прежде всего, конечно, мы склонны свести возникающие здесь трудности к общим особенностям наших органических влечений. В целом, разумеется, верно, что психическое значение влечения с отказом от него повышается. Попробуйте некоторое количество самых разных людей подвергнуть одинаковому голоданию. С усилением властной потребности в пище исчезают все индивидуальные различия, и вместо них возникают единообразные проявления неутоленного влечения. Но верно ли также, что с удовлетворением влечения его психическая ценность так сильно снижается? Представим себе, например, отношение пьяницы к вину. Разве не верно, что вино дает пьянице всегда одно и то же токсическое удовлетворение, которое в поэзии так часто сравнивали с эротическим и которое можно сравнить с таковым также с точки зрения научного понимания? Кто-нибудь слышал о том, что пьяница вынужден постоянно менять свой напиток, потому что один и тот же вскоре перестает ему нравиться? Напротив, привычка делает связь между человеком и сортом вина, которое он пьет, все более тесной. Кому-нибудь известно о потребности пьяницы поехать в страну, где вино дорого или где его употреблять запрещено, чтобы через создание таких трудностей помочь своему ослабевающему удовлетворению? Ничего подобного. Если прислушаться к высказываниям наших великих алкоголиков, например Бёклина, об отношении к вину[1], то это звучит как самая настоящая гармония, как образец счастливого брака. Почему же отношение любящего к своему сексуальному объекту настолько иное?

---

[1] G. Floerke (1902, 16).

Я думаю, что следовало бы — как бы странно это ни звучало — обсудить возможность того, что в самой природе сексуального влечения что-то не благоприятствует достижению полного удовлетворения. Из долгой и трудной истории развития влечения сразу же выделяются два момента, которые можно было бы сделать ответственными за подобное затруднение. Во-первых, вследствие двукратного подхода к выбору объекта при вмешательстве инцестуозного ограничения окончательный объект сексуального влечения никогда уже не бывает тем, что вначале, а является лишь его суррогатом. Однако психоанализ нас научил: если первоначальный объект желания пропал вследствие вытеснения, то зачастую он оказывается представлен бесконечным рядом объектов-заменителей, из которых все же ни один полностью не достаточен. Это, возможно, объяснит нам непостоянство в выборе объекта, «жажду возбуждения»[1], которая так часто присуща любовной жизни взрослых людей.

Во-вторых, мы знаем, что сексуальное влечение вначале распадается на целый ряд компонентов (точнее, происходит из таковых), из которых не все могут войти в состав его более позднего образования, а должны быть подавлены или использованы как-то иначе. Прежде всего к ним относятся копрофильные части влечения, которые оказались несовместимыми с нашей эстетической культурой, вероятно, с тех пор, как мы благодаря вертикальному положению тела при ходьбе отдалили наш орган обоняния от земли[2]; затем значительная часть садистских импульсов, относящихся к любовной жизни. Но все эти процессы развития касаются только верхних слоев сложной структуры. Основные процессы, вызывающие любовное возбуждение, остаются без изменений. То, что относится к экскрементам, слишком тесно и неразрывно срослось с сексуальным, положение гениталий — *inter urinas et faeces*[3] — остается определяющим неизменным моментом. Здесь можно было бы в некоторой вариации привести известные слова великого Наполеона: «Анатомия — это судьба»[4]. Сами гениталии не прошли вместе с формами человеческого тела развития в сторону красоты, они сохранились,

---

[1] [Этот термин, по-видимому, был введен Хохе и Блохом. См. «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), выше, с. 61, прим. 2.]

[2] [Ср. «Недомогание культуры» (1930*a*, *Studienausgabe*, т. 9, с. 229–230 прим. и с. 235–236, прим. 2), где эта мысль обсуждается более подробно.]

[3] [Между мочой и фекалиями (лат.). — *Примечание переводчика.*]

[4] [Эта парафраза содержится также в работе «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*), ниже, с. 249.]

как у животных, и точно так же любовь в сущности остается сегодня животной, какой она была испокон веков. Любовные влечения трудновоспитуемы, их воспитание дает то слишком много, то слишком мало. Того, что хочет из них сделать культура, по-видимому, невозможно достичь без ощутимого ущерба для удовольствия, а оставшиеся без применения импульсы дают о себе знать в сексуальной деятельности в виде неудовлетворенности.

Таким образом, приходится, наверное, смириться с мыслью, что равновесие между притязаниями сексуального влечения и требованиями культуры вообще невозможно, что нельзя предотвратить лишения и страдания, а также в отдаленном будущем угрозу исчезновения человеческого рода вследствие его культурного развития. Однако этот мрачный прогноз основывается на единственном предположении, что культурная неудовлетворенность есть неизбежное следствие определенных особенностей, которые сексуальное влечение приобрело под давлением культуры. Но именно эта неспособность сексуального влечения давать полное удовлетворение, как только оно подчинилось первым требованиям культуры, становится источником величайших культурных свершений, которые достигаются благодаря непрекращающейся сублимации его компонентов. Ибо какой мотив имели бы люди, чтобы найти энергиям сексуального влечения другое применение, если бы при ином их распределении они получали полное удовлетворение? Они не смогли бы освободиться от этого удовольствия и не добились бы никакого дальнейшего прогресса. Таким образом, представляется, что в результате непреодолимого расхождения между требованиями обоих влечений — сексуального и эгоистического — люди становятся способными на все более высокие достижения, однако при постоянной угрозе, которой более слабые в настоящее время поддаются в форме невроза.

Наука не имеет намерения ни пугать, ни утешать. Но сам я охотно готов признать, что такие далеко идущие выводы, подобные вышеуказанным, должны делаться на более широкой основе и что, возможно, другие направления в развитии человечества способны скорректировать результат тех, что были рассмотрены здесь изолированно.

Психология любовной жизни

III
Табу девственности
(1918[1917])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

(1917 Доклад, прочитанный в Венском психоаналитическом объединении 12 декабря 1917 года.)

1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 229–251. («К вопросу о психологии любовной жизни» III.) (1922, 2-е изд.)

1924 *G. S.*, т. 5, 212–231.

1924 В книге: «Психология любовной жизни», Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство. (С. 29–48.)

1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 95–115.

1947 *G. W.*, т. 12, 159–180.

Эта работа была написана в сентябре 1917 года, но опубликована только в следующем году. После второй работы в серии статей, посвященных психологии любовной жизни, вышло в свет сочинение «Тотем и табу» (1912–1913), и в некотором смысле данную статью можно рассматривать как дополнение ко второму очерку в той книге. С другой стороны, она также содержит обсуждение клинической проблемы фригидности женщины и в этом отношении является дополнением к исследованию импотенции мужчины во второй статье серии (см. с. 203 и далее, выше).

Немногие частности сексуальной жизни примитивных народов производят такое странное впечатление на наше чувство, как оценка ими девственности, женской нетронутости. Ценность девственности с позиции ухаживающего мужчины кажется столь несомненной и само собой разумеющейся, что мы чуть ли не испытываем смущение, когда должны обосновать это суждение. Требование, чтобы девушка в браке с одним мужчиной не привносила воспоминания о половом акте с другим, — это не что иное, как последовательное осуществление исключительного права на владение женщиной, составляющее сущность моногамии, распространение этой монополии на прошлое.

Нашим мнением о любовной жизни женщины нам нетрудно потом оправдать то, что вначале казалось предрассудком. Кто первым удовлетворяет с трудом сдерживаемую долгое время любовную тоску девушки и при этом преодолел ее сопротивление, возникшее у нее под влиянием среды и воспитания, тот вовлекается ею в постоянные отношения, возможность которых не открывается уже никому другому. На основе этого переживания у женщины возникает состояние подчиненности, которое служит порукой нерушимого постоянства обладания ею и делает ее стойкой к новым впечатлениям и посторонним соблазнам.

Выражение «половая подчиненность» избрал в 1892 году фон Краффт-Эбинг для обозначения факта, что один человек может приобрести необычайно большую степень зависимости и несамостоятельности по отношению к другому человеку, с которым он находится в сексуальной связи. Иногда эта подчиненность может заходить очень далеко, вплоть до потери независимой воли, до безропотного согласия на самые тяжелые жертвы собственными интересами; автор, однако, не упускает случая отметить, что известная степень такой зависимости «совершенно необходима, чтобы связь имела некоторую продолжительность». Такая степень сексуальной подчиненности действительно необходима для сохранения культурного брака и сдерживания угрожающих ему полигамных тен-

денций, и в нашем социальном сообществе с этим фактором постоянно считаются.

«Необычайная степень влюбленности и слабость характера», с одной стороны, безграничный эгоизм — с другой; из этого сочетания фон Краффт-Эбинг выводит возникновение сексуальной подчиненности. Однако аналитический опыт не позволяет довольствоваться этим простым объяснением. Скорее, можно установить, что решающим моментом является величина преодоленного сексуального сопротивления, кроме того, концентрация и неповторимость процесса преодоления. Соответственно подчиненность гораздо интенсивнее у женщины, она встречается несравнимо чаще у нее, чем у мужчины, а у последнего в наше время все же чаще, чем в древнем мире. Там, где нам удалось исследовать сексуальную подчиненность у мужчин, она оказалась результатом преодоления психической импотенции при помощи определенной женщины, к которой с тех пор остался привязан данный мужчина. Многие необычные браки и некоторые трагические судьбы — даже имевшие значительные последствия, — видимо, находят свое объяснение в этом ходе событий.

Упоминаемое поведение примитивных народов описывают неправильно, когда говорят, что они не придают никакого значения девственности, и в доказательство этого приводят доводы, что они совершают дефлорацию девушек вне брака и до первого супружеского полового сношения. Напротив, представляется, что и для них дефлорация является важным актом, но она стала предметом табу, запрета, который следует назвать религиозным. Вместо того чтобы предоставить ее жениху и будущему супругу девушки, обычай требует, чтобы он *избежал этого действия*[1].

У меня нет намерения полностью собрать литературные доказательства наличия этого ритуального запрета, проследить его географическое распространение и перечислить все формы, в которых он выражается. Поэтому я довольствуюсь констатацией, что такое устранение девственной плевы вне последующего брака — весьма распространенное явление у живущих сегодня примитивных народов. Так, Кроули (1902, 347) пишет: *«This marriage ceremony consists in perforation of the hymen by some appointed person other than the husband; it is most common in the lowest stages of culture, especially in Australia»*[2]

---

[1] Crawley (1902); Bartels-Ploß (1891); различные места у Фрэзера (1911) и Хэвлока Эллиса [1910].

[1] [Эта брачная церемония состоит в перфорации девственной плевы заранее назначенным лицом, но не мужем; она наиболее распространена на низших уровнях культуры, особенно в Австралии (англ.). — *Примечание переводчика.*]

Если же дефлорация не должна происходить при первом брачном половом сношении, то она должна совершиться до этого — каким-нибудь образом и с чье-либо стороны. Я приведу несколько мест из вышеупомянутой книги Кроули, которые содержат информацию по этому пункту, но вместе с тем дают нам основание для некоторых критических замечаний[1].

Там же, 191: «У диери и некоторых соседних племен (в Австралии) имеется распространенный обычай разрывать девственную плеву, когда девушка достигает половой зрелости. У племен Портланда и Гленелга это совершает с невестой пожилая женщина, а иногда лишить девственности девушек просят белых мужчин»[2].

Там же, 307: «Преднамеренный разрыв плевы совершается иногда в детстве, но обычно с наступлением половой зрелости... Часто он сочетается — как, например, в Австралии — с церемониальным половым актом»[3].

Там же, 348: (По сообщениям Спенсера и Гиллена [1899] об австралийских племенах, у которых существует известные экзогамные брачные ограничения): «Девственная плева искусственно разрывается, и мужчины, присутствующие при этой операции, совершают затем в установленном порядке (надо заметить: церемониальный) половой акт с девушкой... Весь процесс состоит, так сказать, из двух актов: разрушения девственной плевы и последующего полового сношения»[4].

Там же, 349: «У масаев (в экваториальной Африке) совершение этой операции относится к важнейшим приготовлениям к браку. У закаев (Малайи), баттов (Суматра) и альфуров на Целебесе дефлорация совершается отцом невесты. На Филиппинах имелись определенные мужчины, профессия которых состояла в дефлорации невест, если девственная плева не была разрушена еще в детстве пожилой женщиной, которой это поручалось. У некоторых эски-

---

[1] [Эти цитаты из Кроули, во всех прежних немецких изданиях приведенные с некоторыми неточностями, здесь поправлены.]

[2] «*Thus in the Dieri and neighbouring tribes it is the universal custom when a girl reaches puberty to rupture the hymen*». (*Journ. Anthrop. Inst.*, т. 24, 169.) *In the Portland and Glenelg tribes this is done to the bride by an old woman; and sometimes white men are asked for this reason to deflower maidens*» (Brough Smith [1878], т. 2, 319.)

[3] «*The artificial rupture of the hymen sometimes takes place in infancy, but generally at puberty... It is often combined, as in Australia, with a ceremonial act of intercourse*».

[4] «*The hymen is artificially perforated, and then assisting men have access (ceremonial, be it observed) to the girl in a stated order... The act is in two parts, perforation and intercourse*».

мосских племен лишение девственности невесты представляется *ангекоку*, или жрецу[1].

Приведенные мною замечания относятся к двум пунктам. Во-первых, приходится сожалеть, что в этих сведениях не проводится четкого различия между простым разрушением девственной плевы без коитуса и коитусом с целью такого разрушения. Только в одном месте мы определенно услышали, что процесс распадается на два акта: на (мануальную или инструментальную) дефлорацию и на последующий половой акт. Очень богатый в остальном материал у Бартельса-Плосса [1891] оказывается почти непригодным для наших целей, поскольку в этом описании психологическое значение акта дефлорации полностью исчезает в сравнении с его анатомическим результатом. Во-вторых, хотелось бы узнать, чем отличается «церемониальный» (чисто формальный, торжественный, официальный) коитус при этих обстоятельствах от настоящего полового акта. Доступные мне авторы либо были слишком стыдливы, чтобы об этом говорить, либо опять-таки недооценивали психологическое значение таких сексуальных деталей. Мы можем надеяться, что оригинальные сообщения путешественников и миссионеров более подробны и недвусмысленны, но при нынешней недоступности этой по большей части иностранной литературы ничего определенного я сказать не могу[2]. Впрочем, сомнением в этом втором пункте можно пренебречь, приняв во внимание, что церемониальный мнимый коитус все же представляет собой лишь замену и, возможно, отделение от полового акта, который в прежние времена совершался полностью[3].

Для объяснения этого табу девственности можно привлечь различные моменты, которые я хочу оценить в кратком изложении. При дефлорации девушек, как правило, проливается кровь; первая

[1] *«An important preliminary of marriage amongst the Masai is the performance of this operation on the girl.* (J. Thornton [1887, т. 2], 258.) *This defloration is performed by the father of the bride amongst the Sakais (Malay), Battas (Sumatra), and Alfoers of Celebes.* (Ploß und Bartels [1891], т. 2, 490.) In *the Philippines there were certain men whose profession it was to deflower brides, in case the hymen had not been ruptured in childhood by an old woman who was sometimes employed for this.* (Featherman [1885–1891], т. 2, 474.) *The defloration of the bride was amongst some Eskimo tribes entrusted to the angekok, or priest».* (Там же, т. 3, 406.)

[2] [Фрейд писал эту работу во время Первой мировой войны.]

[3] Относительно многочисленных других случаев свадебных церемоний не подлежит никакому сомнению, что возможность полностью сексуально распоряжаться невестой предоставляется не жениху, а другим лицам, например, его помощникам и спутникам («шаферам» по нашему обычаю).

попытка объяснения также апеллирует к страху крови у примитивных людей, считающих, что в крови находится жизнь. Это табу крови доказывается многими предписаниями, не имеющими ничего общего с сексуальностью, оно, очевидно, связано с запретом убивать и образует защитную меру от первичной кровожадности, стремления убивать, присущего первобытному человеку. При таком понимании табу девственности связывается с соблюдаемым почти без исключения табу менструации. Примитивный человек не может отделить таинственный феномен месячного кровотечения от садистских представлений. Менструацию, особенно первую, он истолковывает как укус призрачного животного, возможно, как признак полового сношения с этим духом. Иногда некое сообщение позволяет признать в этом духе духа предка, и тогда, опираясь на другие выявленные факты[1], мы понимаем, что менструирующая девушка становится табу как собственность этого духа предка.

С другой стороны, нас, однако, предостерегают не переоценивать влияние одного только момента, такого, как страх крови. Ведь не смог этот страх подавить такие обычаи, как обрезание мальчиков и еще более жестокое обрезание девочек (отсечение клитора и малых губ), которые отчасти практикуются у тех же народов, или устранить значение другого церемониала, при котором также проливается кровь. Поэтому не стоило бы также удивляться, если бы он преодолевался при первом совокуплении в пользу супруга.

Второе объяснение тоже не принимает во внимание сексуальное, но гораздо больше захватывает общие моменты. Оно указывает, что примитивный человек становится добычей постоянно подстерегающего его чувства тревоги, точно так же, как мы это можем утверждать про человека, страдающего неврозом тревоги, в психоаналитической теории неврозов. Эта готовность к страху будет сильнее всего проявляться во всех случаях, которые каким-либо образом отличаются от обычного, которые приносят с собой нечто новое, неожиданное, непонятное, жуткое. Отсюда происходит также восходящий к более поздним религиям церемониал, связанный с любым новым начинанием, с началом каждого нового периода времени, с появлением первенца у человека, животного и плода. Опасности, которые, как полагает боязливый человек, ему угрожают, никогда не ожидаются им больше, чем в начале опасной ситуации, и именно тогда целесообразно от них защищаться. Первое половое сношение в браке по своему значению, несомненно, при-

---

[1] См. «Тотем и табу» (1912–1913 [*Studienausgabe*, т. 9, с. 425–428].

тязает на то, чтобы оно начиналось с этих мер предосторожности. Обе попытки объяснения — страхом перед кровью и страхом перед тем, что впервые, — не противоречат одна другой, а, скорее, подкрепляют друг друга. Первое половое сношение — несомненно, акт, внушающий опасение, тем более, если при нем должна пролиться кровь.

Третье объяснение — которому отдавал предпочтение Кроули — обращает внимание на то, что табу девственности относится к одной важной взаимосвязи, охватывающей всю сексуальную жизнь. Не только первый коитус с женщиной представляет собой табу, но и половое сношение вообще; фактически можно было бы сказать, что женщина в целом представляет собой табу. Женщина является табу не только в особых, вытекающих из ее половой жизни ситуациях — во время менструации, беременности, родов и в послеродовой период, — но и помимо них сношение с женщиной подвергается таким серьезным и многочисленным ограничениям, что у нас есть все основания усомниться в так называемой сексуальной свободе дикарей. Совершенно верно, что при определенных поводах сексуальность примитивных людей переходит за все ограничения; но обычно она, по-видимому, сильнее сдерживается запретами, чем на более высоких ступенях культуры. Как только мужчина предпринимает что-то особое — экспедицию, охоту, военный поход, — он должен держаться в стороне от женщины, особенно от полового сношения с женщиной; иначе его сила будет парализована, и он потерпит неудачу. Также и в обычаях повседневной жизни очевидно стремление к разделению полов. Женщины живут с женщинами, мужчины с мужчинами; семейной жизни в нашем понимании у многих примитивных племен почти не существует. Разделение заходит порой настолько далеко, что лицам одного пола не позволено произносить собственные имена представителей другого пола, а у женщин развивается свой язык с особой лексикой. Сексуальная потребность заставляет снова и снова преодолевать эти преграды, но у некоторых племен даже свидания супругов должны происходить вне дома и втайне.

Где примитивный человек установил табу, там он боится опасности, и нельзя отрицать, что во всех этих предписаниях избегать женщины выражается принципиальный страх перед нею. Возможно, эта боязнь объясняется тем, что женщина иная, не такая, как мужчина, всегда кажется непонятной и таинственной, чуждой и поэтому враждебной. Мужчина боится быть ослабленным женщиной, заразиться ее женственностью и в таком случае показать себя

беспомощным. Ослабляющее, снимающее напряжение воздействие коитуса может быть образцом, оправдывающим такое опасение, а восприятие того влияния, которое женщина оказывает на мужчину посредством полового сношения, и внимания к себе, которое она этим добивается, оправдывают распространение этого страха. Во всем этом нет ничего, что устарело бы, что не продолжало бы жить среди нас.

Многие исследователи живущих в наше время примитивных людей пришли к выводу, что их любовное стремление сравнительно слабо и никогда не достигает той интенсивности, которую мы обычно находим у культурного человечества. Другие возражали против этой оценки, но в любом случае перечисленные обычаи табу свидетельствуют о существовании силы, которая противится любви, отвергая женщину как чуждую и враждебную.

В выражениях, которые лишь немногим отличаются от обиходной терминологии психоанализа, Кроули утверждает, что каждый индивид отделяется от других посредством *«taboo of personal isolation»*[1] и что именно небольшие различия при остальном сходстве лежат в основе чувств чуждости и враждебности между ними. Было бы заманчиво проследить эту идею и из этого «нарцизма небольших различий»[2] вывести враждебность, которая, как мы видим, успешно борется с чувствами сплоченности и побеждает заповедь всеобщего человеколюбия. Психоанализ полагает, что открыл главную из причин нарциссического, обильно пропитанного презрением отвержения женщины мужчиной, указав на комплекс кастрации и его влияние на оценку женщины.

Между тем мы замечаем, что этими последними рассуждениями далеко отклонились от нашей темы. Общее табу женщины не проливает света на особые предписания, касающиеся первого сексуального акта с девственным индивидом. Здесь мы вынуждены обойтись двумя первыми объяснениями через боязнь крови и боязнь того, что делается впервые, но даже о них мы должны сказать, что они не затрагивают сущности требования табу, о котором мы говорим. В его основе лежит, очевидно, намерение *избавить или уберечь именно будущего супруга от чего-то такого*, что нельзя отделить от первого сексуального акта, хотя, согласно сделанному нами вна-

---

[1] [Табу личной изоляции (англ.). — *Примечание переводчика.*]

[2] [Фрейд возвращается к этому в работах «Психология масс» (1921*c*; *Studienausgabe*, т. 9, с. 95 и прим. 4) и «Недомогание культуры» (1930*a*; там же, с. 243 и прим.).]

чале замечанию, как раз из этих отношений должна была бы проистекать особая привязанность женщины к данному мужчине.

На этот раз наша задача не состоит в том, чтобы обсудить происхождение и конечное значение предписаний табу. Я это сделал в моей книге «Тотем и табу» [1912–1913]; там я дал оценку условию первичной амбивалентности для табу и отстаивал мнение о происхождении табу из доисторических процессов, которые привели к основанию человеческой семьи. В наблюдаемых сегодня обычаях табу у примитивных людей уже нельзя выявить такое предзнаменование. Предъявляя подобное требование, мы слишком легко забываем, что даже самые примитивные народы живут в культуре, весьма далекой от первоначальной, и она во временном отношении является такой же древней, как наша, и также соответствует более поздней, хотя и иной ступени развития.

Сегодня мы находим табу у примитивных людей уже развившимся в искусную систему, точно такую, какую развивают наши невротики в своих фобиях, и старые мотивы табу — замененными новыми, гармонично согласованными. Не принимая во внимание те генетические проблемы, мы хотим поэтому вернуться к сделанному нами выводу, что примитивный человек устанавливает табу там, где боится опасности. Эта опасность, вообще говоря, психическая, ибо примитивному человеку не требуется проводить здесь двух различий, которые нам кажутся неизбежными. Он не отделяет материальную опасность от психической и реальную от воображаемой. В его последовательно осуществляемом анимистическом миропонимании любая опасность исходит от враждебного намерения равного ему одушевленного существа — и опасность, которой угрожает сила природы, и опасность, которой угрожают другие люди или животные. Но с другой стороны, свои собственные внутренние импульсы враждебности он привык проецировать во внешний мир, то есть приписывать их объектам, которые он воспринимает как неприятные или просто как чуждые. Источником таких опасностей признается также и женщина, а первый сексуальный акт с женщиной отличается особенно серьезной опасностью.

Я думаю, мы получим некоторое разъяснение того, в чем состоит эта повышенная опасность и почему именно она угрожает будущему супругу, если более тщательно исследуем поведение при таких же условиях ныне живущих женщин нашего культурного уровня. В качестве результата этого исследования я заранее укажу, что такая опасность действительно существует, а потому с помощью табу девственности примитивный человек защищается от верно предполагаемой, хотя и психической опасности.

То, что женщина после коитуса на вершине удовлетворения, обнимая, прижимает к себе мужчину, мы расцениваем как нормальную реакцию, видим в этом выражение ее благодарности и обещание постоянного подчинения. Но мы знаем, что отнюдь не является правилом, что первое половое сношение влечет за собой это поведение; очень часто оно означает для женщины, которая остается холодной и неудовлетворенной, только разочарование, и обычно требуется много времени и частое повторение сексуального акта, чтобы он приносил удовлетворение также и женщине. От этих случаев первоначальной и вскоре проходящей фригидности ведет непрерывный ряд к неутешительному результату постоянно сохраняющейся фригидности, которую не могут преодолеть никакие нежные старания мужчины. На мой взгляд, эта фригидность женщины еще недостаточно понята и за исключением тех случаев, когда вину следует возложить на недостаточную потенцию мужчины, нуждается в объяснении при помощи близких ей явлений.

Я бы не хотел здесь привлекать столь часто встречающиеся попытки избежать первого полового сношения, поскольку они допускают разные толкования и в первую очередь, если не вообще, должны пониматься как выражение общего женского стремления защищаться. Вместе с тем я полагаю, что на загадку женской фригидности проливают свет известные патологические случаи, в которых женщина после первого и даже после любого нового полового сношения открыто проявляет свою враждебность к мужчине, оскорбляя его, поднимая на него руку или действительно ударяя его. В одном ярком случае этого рода, который мне удалось подвергнуть тщательному анализу, это происходило, хотя женщина очень любила мужа, обычно сама предлагала совершить половой акт и, несомненно, получала от него большое удовлетворение. Я думаю, что эта странная противоречивая реакция является следствием тех же самых побуждений, которые обычно могут выражаться лишь как фригидность, то есть которые способны задержать нежную реакцию, но при этом не в состоянии заявить о себе как таковых. В патологическом случае то, что при гораздо более часто встречающейся фригидности объединяется в тормозящее воздействие, распадается, так сказать, на два своих компонента, в точности как это происходит в случае уже давно нами изученных так называемых «двувременных» симптомов невроза навязчивости[1].

[1] [См. пассаж и пример в длинном примечании в главе I (Д) истории болезни «Крысиного» (1909*d*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 61–62 и прим. 3.]

Опасность, которая таким образом возникает вследствие дефлорации женщины, состоит в том, что можно навлечь на себя ее враждебность, и именно у будущего супруга имеются все основания постараться избежать подобной вражды.

Анализ позволяет без труда разгадать, какие побуждения женщины участвуют в осуществлении того парадоксального поведения, в котором я надеюсь найти объяснение фригидности. Первый коитус мобилизует целый ряд таких побуждений, которые неприемлемы для желательной женской установки, а некоторые из них необязательно возникают вновь при последующем половом сношении. В первую очередь здесь нужно подумать о боли, которая причиняется девственнице при дефлорации, и, возможно, некоторые будут склонны считать этот момент решающим и откажутся от поиска других. Но нельзя приписывать такого значения боли; скорее, вместо нее это значение нужно приписать нарциссической обиде, которая возникает вследствие разрушения органа и которая рационально объясняется знанием о понижении сексуальной ценности женщины, лишенной девственности. Однако свадебные обычаи примитивных людей содержат предупреждение против такой переоценки. Мы слышали, что в некоторых случаях церемониал совершается в два этапа; после разрыва девственной плевы (рукой или инструментом) следует официальный или мнимый коитус с представителями мужа, и это доказывает нам, что смысл предписания табу не исчерпывается избеганием анатомической дефлорации, что супруга нужно избавить еще от чего-то другого, нежели реакция жены на болезненное повреждение.

Другую причину разочарования первым коитусом, по крайней мере у культурной женщины, мы находим в том, что ожидание и исполнение могут не совпасть. До сих пор половое сношение сильнейшим образом ассоциировалось с запретом, поэтому легальный и разрешенный половой акт не воспринимается как таковой. Насколько тесной может быть эта связь, чуть ли не комическим образом становится ясным из стремления многих невест сохранять в тайне новые любовные отношения от всех посторонних людей и даже от родителей, когда в этом нет настоящей необходимости и не приходится ждать возражений. Девушки открыто говорят, что их любовь теряет для них ценность, если о ней знают другие. Иногда этот мотив может стать чрезвычайно сильным и помешать развитию способности любить в браке вообще. Женщина вновь обретает свою нежную чувствительность только в запретных отношениях, которые нужно держать в тайне и при которых

она ощущает уверенность в собственной, свободной от постороннего влияния воле[1].

Между тем также и этот мотив не ведет недостаточно глубоко; кроме того, будучи связанным с культурными условиями, он не позволяет выявить четкого отношения к положению вещей у примитивных людей. Тем важнее поэтому следующий момент, опирающийся на историю развития либидо. Благодаря стараниям психоанализа нам стало известно, сколь постоянны и сильны самые ранние размещения либидо. При этом речь идет о закрепившихся сексуальных желаниях детства, у женщины по большей части о фиксации либидо на отце или на заменяющем его брате — желаниях, которые довольно часто были направлены не на коитус, а на нечто другое, или включали его лишь в качестве неясно осознаваемой цели. Супруг — это всегда, так сказать, лишь эрзац-мужчина, но никогда именно тот человек, который нужен; первым притязает на способность женщины любить кто-то другой, в типичных случаях — отец; муж, в крайнем случае, — вторым. Все зависит от того, насколько интенсивна эта фиксация и насколько цепко она удерживается, чтобы эрзац-мужчина был отвергнут как неудовлетворительный. Таким образом, фригидность занимает место среди генетических условий невроза. Чем сильнее психический элемент в сексуальной жизни женщины, тем устойчивее окажется распределение ее либидо к потрясению первого сексуального акта, тем менее подавляюще будет действовать физическое обладание ею. В таком случае фригидность может закрепиться как невротическое торможение или стать почвой для развития других неврозов, и даже умеренное снижение мужской потенции при этом принимается во внимание как содействующий момент.

По-видимому, обычай примитивных людей считается с мотивом прежнего сексуального желания, возлагая дефлорацию на старейшего, жреца, святого мужа, то есть на заместителя отца (см. выше [с. 214 и далее]). Отсюда, как мне кажется, ведет прямой путь к вызывавшему столько споров *jus primae noctis*[2] средневекового землевладельца. А. Й. Шторфер (1911) отстаивал это же мнение, кроме того, он истолковал широко распространенный институт «тобиасова брака» (обычая воздержания в течение первых трех ночей) как признание преимущественных прав патриарха, как это до него уже сделал К. Г. Юнг (1909). В таком случае это будет лишь

[1] [Ср. предыдущую работу, с. 206.]
[2] [Право первой ночи (лат.). — *Примечание переводчика.*]

соответствовать нашему ожиданию, если среди суррогатов отца, которым поручена дефлорация, мы также находим изображение бога. В некоторых областях Индии новобрачная должна принести в жертву деревянному Лингаму девственную плеву, а по сообщению святого Августина, в римском брачном церемониале (в его время?) существовал такой же обычай, но с тем послаблением, что молодой женщине нужно было лишь сесть на огромный каменный фаллос Приапа[1].

К еще более глубоким слоям восходит другой мотив, который, безусловно, является главным виновником парадоксальной реакции на мужа и влияние которого, по моему мнению, выражается также во фригидности женщины. Вследствие первого коитуса у женщины, помимо описанных, активируются еще и другие старые побуждения, которые сопротивляются осуществлению женской функции и роли вообще.

Из анализа многих невротических женщин мы знаем, что они прошли раннюю стадию развития, в которой завидовали брату из-за наличия у него признака мужественности и из-за его отсутствия (собственно говоря, его уменьшения) чувствовали себя обделенными или обиженными. Эту «зависть к пенису» мы относим к «комплексу кастрации». Если под «мужским» понимать желание быть мужчиной, то к этому поведению подходит название «мужской протест», которое было введено А. Адлером [1910], чтобы провозгласить этот фактор носителем невроза вообще. Зачастую в этой фазе девочки не скрывают своей зависти и вытекающей из нее враждебности к более счастливому брату: они пытаются мочиться, стоя прямо, как брат, чтобы отстоять свое мнимое половое равноправие. В уже упомянутом [с. 221] случае возникавшей после коитуса безудержной агрессии по отношению к обычно любимому мужу я сумел установить, что эта фаза сохранялась до выбора объекта. И только позднее либидо маленькой девочки обратилось на отца, и тогда вместо пениса она стала желать ребенка[2].

Я бы не удивился, если бы в других случаях временнáя последовательность этих побуждений оказалась обратной и эта часть комплекса кастрации стала действенной только после произошедшего выбора объекта. Однако мужская фаза у женщины, в которой она завидует мальчику из-за пениса, во всяком случае с точки зре-

---

[1] Ploß, Bartels (1891, т. 1, XII) и Dulaure (1905, 142).

[2] См. «О превращении влечений, в частности анальной эротики» (1917*c*) [*Studienausgabe*, т. 7, с. 127].

ния истории развития, является более ранней и находится к первоначальному нарциссизму ближе, чем к объектной любви.

Не так давно мне представилась возможность понять сновидение одной новобрачной, которое можно было истолковать как реакцию на лишение ее девственности. Оно без натяжки выдавало желание женщины кастрировать молодого супруга и сохранить у себя его пенис. Несомненно, оно допускало и более безобидное истолкование как желательности продления и повторения акта, но некоторые детали сновидения выходили за рамки этого смысла, а характер и дальнейшее поведение сновидицы свидетельствовали в пользу более серьезного понимания. За этой завистью к пенису проявляется враждебное ожесточение женщины против мужчины, которое нельзя не признать в отношениях между полами и самые явные признаки которого представлены в стремлениях и в литературных произведениях «эмансипированных» людей. Эту враждебность женщины Ференци — не знаю, первым ли — путем палебиологической спекуляции возводит к эпохе дифференциации полов. Сначала — считает он — копуляция происходила между двумя однородными индивидами, из которых, однако, один развился в более сильного и заставил более слабого терпеть половое соединение. Озлобление из-за этого приниженного положения по-прежнему сохраняется в задатках современной женщины. Я считаю, что нет ничего зазорного в том, чтобы пользоваться подобными спекуляциями, если только избегать их переоценки.

После этого перечисления мотивов парадоксальной реакции женщины на дефлорацию, сохранившейся в виде следов во фригидности, подытоживая, можно сказать, что *незрелая сексуальность* женщины разряжается на мужчине, который впервые знакомит ее с сексуальным актом. Но в таком случае табу девственности становится вполне осмысленным, и мы понимаем предписание, побуждающее избежать таких опасностей именно того мужчину, который должен вступить в долгую совместную жизнь с данной женщиной. На более высоких ступенях культуры значение этой опасности отступило на задний план перед обещанием подчиненности, а также другими мотивами и искушениями; девственность рассматривается как благо, от которого мужчина не должен отказываться. Однако анализ нарушений в браке показывает, что мотивы, принуждающие женщину отомстить за свою дефлорацию, не совсем исчезли и из душевной жизни культурной женщины. Я думаю, что наблюдателю должно бросаться в глаза, в каком необычайно большом количестве случаев женщина остается фригид-

ной в первом браке и чувствует себя несчастной, тогда как после расторжения этого брака становится для своего второго супруга нежной и дарующей счастье женой. Архаическая реакция, так сказать, исчерпалась на первом объекте.

Однако табу девственности также и в других отношениях не исчезло из нашей культурной жизни. Народная душа знает о нем, и иногда этим материалом пользовались поэты. Анценгрубер[1] изображает в одной комедии, как простодушный деревенский парень отказывается жениться на суженой ему невесте, потому что она «девка, кот[illegible]ая будет стоить ее первому жизни». Поэтому он соглашается на то, чтобы она вышла замуж за другого, и хочет затем на ней жениться как на вдове, когда она уже не опасна. Название пьесы «Яд девственности» напоминает о том, что укротители змей сначала дают ядовитой змее укусить платок, чтобы потом безопасно с ней обращаться[2].

Табу девственности и часть его мотивировки нашли свое самое я[illegible]кое отображение в известном драматическом образе, в Юдифи из т[illegible]агедии Геббеля «Юдифь и Олоферн». Юдифь – одна из тех женщин, девственность которых защищена табу. Ее первый муж был парализован в брачную ночь загадочным страхом и никогда больше не отваживался до нее дотронуться. «Моя красота – красота ядовитой ягоды», – говорит она. «Наслаждение ею приносит безумие и смерть». Когда ассирийский полководец осаждает ее город, у нее созревает план соблазнить его своей красотой и погубить; таким образом, она пользуется патриотическим мотивом для сокрытия сексуального. После дефлорации могущественным, похваляющимся своей физической силой и беспощадностью мужчиной она в своем негодовании находит силы отрубить ему голову и тем самым становится освободительницей своего народа. Обезглавливание хорошо известно нам как символическая замена кастрации; соответственно, Юдифь – это женщина, кастрирующая мужчину, кото-

---

[1] [Венский писатель и драматург (1839–1889).]

[2] Мастерский короткий рассказ А. Шницлера («Судьба барона фон Лейзенбога»), несмотря на отличие ситуации, заслуживает того, чтобы здесь его привести. Пострадавший в результате несчастного случая любовник многоопытной в любви артистки как бы создал ей новую девственность, заклиная смертным проклятием мужчину, который будет ею обладать первым после него. Женщина, на которую было наложено это табу, какое-то время не решается на любовные отношения. Но влюбившись в одного певца, она находит выход из положения, подарив вначале ночь барону фон Лейзенбогу, который многие годы безуспешно ее добивался. На нем и исполняется проклятие; он погибает от удара, как только узнает о причине своего нежданного любовного счастья.

рый лишил ее девственности, как того желало также приведенное мною сновидение новобрачной. Геббель с явной преднамеренностью сексуализировал патриотический рассказ из апокрифов Ветхого завета, ибо там Юдифь по возвращении может похвалиться тем что не была обесчещена, в библейском тексте также отсутствует какое бы то ни было указание на ее жуткую брачную ночь. Вероятно, с тонким чутьем поэта он ощутил древний мотив, вошедший в тот тенденциозный рассказ, и только вернул сюжету его прежнее содержание.

И. Задгер (1912) в превосходном анализе показал, что в своем выборе сюжета Геббель руководствовался собственным родительским комплексом, и как он пришел к тому, что в борьбе полов постоянно принимал сторону женщины и проникал своим чувством в самые сокровенные ее душевные побуждения. Он цитирует также мотивировку, которую дал сам поэт для объяснения внесенного им изменения сюжета, и справедливо находит ее искусственной и, видимо, предназначенной для того, чтобы внешне оправдать – и в сущности, скрыть – нечто неосознаваемое самим поэтом. Я не хочу затрагивать объяснения Задгера, почему овдовевшая, согласно библейскому сказанию, Юдифь должна была превратиться в девственную вдову. Он ссылается на намерение детской фантазии отрицать сексуальное сношение между родителями и сделать мать нетронутой девой. Но я продолжу: после того как поэт утвердил девственность своей героини, его восприимчивая фантазия задержалась на враждебной реакции, которая вызывается нарушением девственности.

Таким образом, в заключение мы можем сказать: дефлорация имеет не одно только культурное последствие – надолго привязать женщину к мужчине; она высвобождает также архаическую реакцию враждебности к мужчине, которая может принять патологические формы, довольно часто выражающиеся через сдерживающие явления в брачной любовной жизни, и которой можно приписать то, что вторые браки так часто оказываются более удачными, чем первые. Кажущееся странным табу девственности, боязнь, с которой у примитивных народов супруг избегает дефлорации, находят свое полное оправдание в этой враждебной реакции.

Интересно, что, выступая в качестве аналитика, можно встретить женщин, у которых нашли выражение и остались в тесной связи между собой противоположные реакции подчиненности и враждебности. Существуют такие женщины, которые, казалось бы, полностью разошлись со своими мужьями и все же могут предпри-

8*

нимать только тщетные усилия расстаться с ними. Как только они пытаются обратить свою любовь на другого мужчину, тут же в виде помехи вмешивается образ первого, все же уже не любимого. В таком случае анализ показывает, что эти женщины по-прежнему зависимы от своих мужей, но уже не из нежности. Они не могут от них освободиться, потому что не совершили над ними своей мести, а в ярко выраженных случаях даже не осознали своих мстительных побуждений.

Два случая детской лжи
(1913)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1913 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1 (4), 359–362.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 189–194. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 238–243.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 16–22.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 17–21.
1943 *G. W.*, т. 8, 422–427.

Эта работа впервые была опубликована в «Журнале врачебного психоанализа» (летом 1913 года) и открывала подборку статей различных авторов под общим названием «Из инфантильной душевной жизни». Это же название имело также переиздание 1918 года; в дальнейшем оно было опущено. С 1918 года в тексте были сделаны лишь два небольших изменения.

Вполне понятно, что дети лгут, когда они этим подражают лжи взрослых. Но некоторые случаи лжи хорошо воспитанных детей имеют особое значение и вместо того, чтобы ожесточать воспитателей, должны заставлять их задуматься. Они совершаются под влиянием очень сильного мотива любви и становятся пагубными, если вызывают недоразумения между ребенком и любимым им человеком.

I

Семилетняя девочка (во втором классе) попросила у отца денег на покупку красок, чтобы расписать пасхальные яйца. Отец отказал ей в этом, сославшись на отсутствие денег. Вскоре после этого девочка снова просит у отца денег, чтобы внести свою долю на покупку венка умершей княгине. Каждый ученик должен был внести пятьдесят пфеннигов. Отец дает ей десять марок; она уплачивает свой взнос, кладет отцу на письменный стол девять марок, а на остальные пятьдесят пфеннигов покупает краски, которые прячет в шкаф для игрушек. За столом отец с подозрением спрашивает, что она сделала с недостающими пятьюдесятью пфеннигами и не купила ли она все-таки на них красок. Она это отрицает, но ее выдает старший на два года брат, вместе с которым она собиралась раскрашивать яйца; краски обнаруживаются в шкафу. Рассерженный отец велит матери наказать провинившуюся, и та делает это очень решительно. После этого мать сама была потрясена, заметив, в какое отчаяние пришел ребенок. После наказания она осыпает девочку ласками, ведет ее гулять, чтобы ее утешить. Но впечатление от этого переживания, которое сама пациентка назвала «поворотным пунктом» в ее юности, оказывается неизгладимым. До этого она была неугомонным, уверенным в себе ребенком, а отныне становится робкой и боязливой. Будучи невестой, она однажды впадает в непонятную ей самой ярость, когда мать покупает ей мебель и приданое. У нее мелькает мысль, что деньги принадлежат все же ей, и никто другой не вправе на них что-нибудь покупать. Став молодой жен-

щиной, она не решается просить у мужа денег на личные нужды и без всякой надобности отделяет от его денег «свои». Во время лечения несколько раз случается так, что присылаемые мужем деньги приходят с опозданием, из-за чего она остается в чужом городе без средств. Когда однажды она мне это рассказала, я хотел взять у нее обещание, что, если такая ситуация повторится, то она займет у меня небольшую сумму, которая ей понадобится. Она дает такое обещание, но в следующий раз, когда она была стеснена в деньгах, его не сдерживает и предпочитает заложить свои драгоценности. Она заявляет, что не может взять у меня денег.

Присвоение пятидесяти пфеннигов в детстве имело значение, которого отец не мог подозревать. За некоторое время до поступления в школу она выкинула удивительную штуку с деньгами. Соседка, с которой она была в дружеских отношениях, дала ей небольшую сумму денег, попросив ее проводить в лавку своего маленького сынишку, чтобы что-то купить. Оставшиеся после покупки деньги она как старшая понесла домой. Но, встретив на улице горничную соседки, она бросила деньги на мостовую. Во время анализа этого ей самой непонятного поступка ей пришла в голову мысль об Иуде, швырнувшего сребреники, которые он получил за предательство Господа. Она с уверенностью утверждает, что знала историю о страстях Христовых еще до посещения школы. Но каким образом она могла отождествить себя с Иудой?

В возрасте трех с половиной[1] лет у нее была няня, к которой она глубоко привязалась. Эта девушка вступила в эротические отношения с одним врачом, на прием к которому она приходила с ребенком. По-видимому, ребенок стал тогда свидетелем различных происшествий сексуального свойства. Видела ли она, что врач давал девушке деньги, не установлено, но, несомненно, чтобы заручиться его молчанием, девушка дарила ребенку мелкие монеты, на которые по дороге домой делались покупки (наверное, сладости). Возможно также, что и сам врач иногда дарил девочке деньги. И все же из чувства ревности ребенок выдал матери девушку. Она настолько явно играла принесенными домой монетами, что мать была вынуждена спросить: «Откуда у тебя деньги?» Девушку уволили.

Таким образом, уже в раннем возрасте получение от кого-нибудь денег приобрело для нее значение готовности отдаться физически, любовных отношений. Взять у отца деньги означало — объясниться в любви. Фантазия о том, что отец — ее возлюбленный, была

---

[1] [В издании 1913 года здесь стоит «$3^1/_2$».]

такой соблазнительной, что детское желание приобрести краски для пасхальных яиц, несмотря на запрет, с ее помощью легко осуществилось. Но сознаться в присвоении денег она не могла, ей пришлось отпираться, потому что мотив поступка, ею самой не осознанный, она признать не могла. Таким образом, наказание со стороны отца означало отвержение предложенной ему нежности, его пренебрежения, и поэтому надломило ее. Во время лечения, когда я однажды был вынужден воспроизвести это пренебрежение, попросив ее не приносить мне цветов, у нее разразилось дурное настроение, разрешение которого и привело к воспоминанию о том, что здесь было рассказано.

Психоаналитику едва ли нужно подчеркивать, что в этом небольшом детском переживании представлен один из столь частых случаев распространения ранней анальной эротики на последующую любовную жизнь. Также и удовольствие от раскрашивания яиц происходит из того же источника.

II

Одна женщина, которая сегодня тяжело больна вследствие различных жизненных неудач, раньше когда-то была очень дельной правдивой, серьезной и доброй девушкой, которая затем выросла в милую[1] женщину. Но еще раньше, в первые годы жизни, она была своенравным и недовольным ребенком, и в то время, когда она довольно быстро превратилась в чересчур добрую и совестливую, еще в школе с ней происходили вещи, которые в период болезни стали причиной тяжелейших упреков и расценивались ею как доказательства своей глубокой испорченности. Воспоминания убеждали ее в том, что в то время она часто хвастала и лгала. Однажды по дороге в школу одноклассница похвасталась: «Вчера у нас к обеду было мороженое [Eis]». Она ответила: «О, мороженое у нас бывает каждый день». На самом деле она не понимала, что означает подавать к обеду мороженое; она знала лед [Eis] только в виде длинных кусков, которые развозятся на телегах, но полагала, что под этим подразумевается что-то изысканное, и поэтому не хотела отставать от подруги.

Когда ей было десять лет, однажды на уроке рисования было задано нарисовать от руки круг. Но она воспользовалась для этого

[1] [Только в первоначальной редакции 1913 года здесь стояли также слова «и счастливую».]

циркулем, таким образом с легкостью нарисовала совершенный круг и с торжеством показала свою работу соседке. Подошел учитель, услышал ее хвастовство, обнаружил след циркуля в кругу и потребовал у девочки объяснений. Но она упорно все отрицала, не позволяла изобличить себя никакими доказательствами и упрямо молчала. Учитель переговорил об этом с отцом; оба пришли к решению, учитывая обычную честность девочки, оставить этот поступок без последствий.

Оба случая лжи ребенка были продиктованы одним и тем же комплексом. Как у старшей из пятерых детей в семье, у маленькой девочки в раннем возрасте развилась необычайно сильная привязанность к отцу, из-за которой в зрелые годы ей было не суждено найти счастье в жизни. Но вскоре она не могла не заметить, что у ее любимого отца нет того величия, которое она готова была ему приписать. Ему приходилось бороться с денежными затруднениями, он вовсе не был так могуществен и знатен, как она представляла. Но с таким исчезновением своего идеала она не могла смириться. Сосредоточив, по женскому обыкновению, все свое честолюбие на любимом мужчине, она подпала под власть чересчур сильного мотива — поддерживать отца против всего мира. Поэтому она хвасталась перед одноклассницей, чтобы не умалить отца. Когда позже она выучила, что мороженое, подаваемое к обеду, переводится словом *«glace»*, был проторен путь, по которому затем упреки, вызванные этим воспоминанием, вылились в страх перед осколками стекла [Glas] и обломками.

Отец был превосходным рисовальщиком и часто вызывал своим талантом восторг и восхищение у детей. Идентифицировав себя с отцом, она нарисовала в школе тот круг, который мог ей удаться только обманным способом. Она словно хотела похвастать: «Взгляните-ка, что может мой отец!» Сознание вины, которое было связано с такой чересчур сильной симпатией к отцу, нашло свое выражение в попытке солгать; сознаться она не могла по той же причине, что и девочка в предыдущем случае, — ей пришлось бы сознаться в тайной инцестуозной любви.

Не следует недооценивать такие эпизоды из детской жизни. Было бы серьезным заблуждением, если бы на основании таких детских проступков прогнозировалось развитие аморального характера. Но, пожалуй, они связаны с самыми сильными мотивами детской души и возвещают о предрасположении к определенной последующей судьбе или к будущему неврозу.

Инфантильная генитальная организация
(Дополнение к теории сексуальности)
(1923)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1923 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 9 (2), 168–171.
1924 *G. S.*, т. 5, 232–237.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 140–146.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 188–193.
1940 *G. W.*, т. 13, 293–298.

Эта работа была написана в феврале 1923 года (см. Jones, 1962*a*, т. 3, 125). В сущности, как указывает ее подзаголовок, она является дополнением к «Трем очеркам по теории сексуальности» (1905*d*) Фрейда; действительно, в следующем году (1924) в очередном переиздании «Очерков» Фрейд добавил новую сноску с изложением основных идей настоящего сочинения (см. выше, с. 105). Исходным пунктом данного труда являются главным образом разделы 5 и 6 второго очерка (выше, с. 100–106), написанные еще в 1915 году. Однако в нее вошли также рассуждения, представленные на последних страницах работы «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*i*), где обсуждается анально-садистская, догенитальная ступень сексуального развития (причем впервые), а также излагаются многие идеи, которые восходят к еще более раннему времени, а именно к статье «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*), с. 176–180, выше. Фаллическая ступень – последняя из сменяющих друг друга незрелых организаций сексуального влечения, которые описал Фрейд, и самая поздняя в ряду развития – представлена в этой работе впервые.

Затруднительность исследовательской работы в психоанализе как нельзя лучше характеризуется тем обстоятельством, что, несмотря на непрерывное, продолжающееся десятками лет наблюдение, можно упустить из виду общие черты и типичные отношения, пока, наконец, они не проявятся со всей очевидностью; подобного рода небрежность в области инфантильного сексуального развития я хотел бы исправить нижеследующими замечаниями.

Читателям моих «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*) станет известно, что в последующих изданиях этого сочинения я никогда не подвергал его переработке, а сохранял первоначальную структуру и воздавал должное развитию наших взглядов посредством добавлений и изменений в тексте[1]. При этом нередко бывало так, что старое и новое не совсем удавалось слить в одно непротиворечивое целое. Вначале акцент ставился на изображении фундаментального различия в сексуальной жизни детей и взрослых, позднее на передний план выступили *догенитальные организации* либидо и удивительный, чреватый последствиями факт *двухвременного начала* сексуального развития. Наконец, наше внимание было сосредоточено на инфантильном *исследовании сексуальности*, и в результате нам удалось выявить значительное *сходство конечного состояния детской сексуальности* (примерно в пятилетнем возрасте) с ее окончательной формой у взрослого. На этом я остановился в последнем издании «Теории сексуальности» (1922).

На 63-й странице[2] я там упоминаю, что «зачастую или регулярно уже в детские годы совершается выбор объекта, который мы представили как характерный для пубертатной фазы развития, а именно таким образом, что все сексуальные стремления направляются на единственного человека, с помощью которого они хотят достичь своих целей. В таком случае это является наибольшим приближе-

[1] [Ср. «Предварительные замечания издателей» к той работе, с. 39 выше.]

[2] [Это соотносится со с. 104–105, выше (в разделе, добавленном в 1915 году). См. также внесенное там же в 1924 году примечание, в котором вкратце изложены выводы настоящей работы.]

нием к окончательной форме сексуальной жизни после пубертата, какое только возможно в детские годы. Отличие от последней состоит лишь в том, что объединения парциальных влечений и подчинения их примату гениталий в детстве не происходит, а если и происходит, то лишь в очень неполной мере. Установление этого примата, служащего продолжению рода, является, следовательно, последней фазой, которую сексуальная организация проходит в своем развитии».

Сегодня я бы уже не довольствовался положением, что в раннем детском периоде примат гениталий не устанавливается или устанавливается лишь в очень неполной мере. Сходство детской сексуальной жизни с жизнью взрослых заходит гораздо дальше и относится не только к осуществлению выбора объекта. Даже если настоящего объединения парциальных влечений под приматом гениталий не происходит, то все же на вершине развития инфантильной сексуальности интерес к гениталиям и генитальная деятельность приобретают доминирующее значение, которое немногим уступает их значению в период зрелости. Главная особенность этой *«инфантильной генитальной организации»* одновременно является ее отличием от окончательной генитальной организации взрослых. Она заключается в том, что для обоих полов играют роль только *одни гениталии*, мужские. То есть существует не примат гениталий, а примат *фаллоса*.

К сожалению, мы можем описать такое положение вещей только у мальчика, понимание соответствующих процессов у маленькой девочки у нас пока еще отсутствует. Маленький мальчик, несомненно, воспринимает различие между мужчинами и женщинами, но вначале у него нет повода соотнести его с различием их гениталий. Для него естественно предполагать наличие одинаковых гениталий, которыми он обладает сам, у всех других живых существ, людей и животных; более того, нам известно, что он расспрашивает о наличии также и у неодушевленных предметов устройства, аналогичного его члену[1]. Эта легковозбудимая, изменчивая, столь богатая ощущениями часть тела в значительной степени привлекает внимание мальчика и непрерывно ставит его исследовательскому влечению новые задачи. Ему хочется посмотреть на нее у других

[1] [Ср. анализ «маленького Ганса» (1909*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 16.] Впрочем, удивительно, в какой малой степени внимание ребенка привлекает к себе другая часть мужских гениталий, мошонка с ее содержимым. Из анализов нельзя было бы догадаться, что к гениталиям относится еще что-то другое помимо пениса.

людей, чтобы сравнить со своей собственной. Он ведет себя так, будто ему представляется, что этот орган мог бы и должен был бы быть больше; движущая сила, которую эта мужская часть тела обнаружит позднее в пубертате, в этот период жизни проявляется, по существу, как стремление к исследованию, как сексуальное любопытство. Многие эксгибиционистские и агрессивные действия, которые совершает ребенок и которые в более позднем возрасте, несомненно, расценивались бы как проявления похотливости, при анализе оказываются экспериментами, служащими исследованию сексуальности.

В ходе этих исследований ребенок приходит к открытию, что пенис не является общим достоянием всех подобных ему существ. Толчок к этому дает случайно брошенный взгляд на гениталии маленькой сестры или подружки; проницательные дети еще до этого из своих наблюдений при мочеиспускании девочек, видя другое положение и слыша другой шум, начинают подозревать, что здесь что-то не так, а затем пытаются повторить такие наблюдения, чтобы во всем разобраться. Известно, как они реагируют на первые впечатления, вызванные отсутствием пениса. Они отвергают[1] это отсутствие, считают, что все-таки видят член, скрашивают противоречие между наблюдением и предубеждением информацией, что он пока маленький, но еще вырастет[2], а затем постепенно приходят к аффективно важному выводу, что он все же когда-то имелся, но потом был отобран. Отсутствие пениса понимается как результат кастрации, и ребенок стоит теперь перед задачей выяснить отношение кастрации к своей собственной персоне. Дальнейшие события слишком хорошо всем известны, чтобы было необходимо их здесь повторять. Мне только кажется, *что значение комплекса кастрации можно правильно оценить только тогда, когда также учитывается его возникновение в фазе примата фаллоса*[3].

---

[1] [Впоследствии концепция «отрицания» стала играть в трудах Фрейда все более важную роль. Вместо употребленного здесь слова «отвергают» позднее Фрейд почти всегда использует слово «отрицают»; обычно речь идет, так же, как здесь, о комплексе кастрации. См., например, работы о мазохизме (1924*c*) и о различии между полами (1925*j*, с. 260, ниже). В своей более поздней работе о фетишизме (1927*e*) Фрейд проводит различие между «вытеснением» и «отрицанием» и указывает корректное значение обоих слов. В ней этот термин служит основой для дополнения метапсихологической теории.]

[2] [Ср. анализ «маленького Ганса» (1909 *b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 17–18. См. также выше, с. 164 и 176.]

[3] Справедливо указывалось на то, что представление о нарциссическом ущербе вследствие телесной потери ребенок получает из лишения материнской груди

Также известно, сколько унижения женщины, страха перед ней, предрасположения к гомосексуализму проистекает из окончательного убеждения в отсутствии у женщины пениса. Недавно Ференци совершенно верно свел мифологический символ ужаса, голову Медузы, к впечатлению от лишенных пениса женских гениталий[1].

Но все же не следует думать, что ребенок так скоро и охотно обобщает свое наблюдение, что некоторые лица женского пола не имеют пениса; этому препятствует предположение, что отсутствие пениса – следствие кастрации в качестве наказания. Напротив, ребенок думает, что только недостойные женщины, которые, вероятно, виновны в таких же непозволительных побуждениях, как у него самого, лишились гениталий. Но уважаемые женщины, такие, как мать, еще долго сохраняют пенис. Для ребенка быть женщиной еще не значит не иметь пениса[2]. Только позднее, когда ребенок пытается решить проблему возникновения и рождения детей и догадывается, что рожать детей могут только женщины, также и мать лишается пениса, и иногда выстраиваются очень сложные теории, которые должны объяснить обмен пениса на ребенка. При этом женские гениталии, по-видимому, никогда не обнаруживаются. Как мы знаем, ребенок живет в животе (кишечнике) матери и рождается через выход из кишечника. С этими последними теориями мы выходим за пределы периода инфантильной сексуальности.

Немаловажно иметь в виду, какие превращения претерпевает привычная половая полярность во время детского сексуального развития. Первая противоположность вводится выбором объекта, предполагающим субъект и объект. На ступени догенитальной анально-садистской организации о мужском и женском речь пока не идет, преобладающей является противоположность *активного*

после сосания, из повседневной отдачи фекалий и даже уже из отделения от тела матери при рождении. Однако о комплексе кастрации следует говорить только тогда, когда это представление о потере связано с мужскими гениталиями. [Этот пункт подробнее обсуждается в сноске, добавленной в 1923 году к анализу «маленького Ганса», *Studienausgabe*, т. 8, с. 15, прим. 2. Он также упоминается в работе «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*), с. 247, ниже.]

[1] Ferenczi (1923). Я хотел бы добавить, что в мифе имеются в виду гениталии матери. Афина, которая носит на панцире голову Медузы, именно поэтому становится недоступной женщиной, чей вид убивает всякую мысль о сексуальном сближении. [Сам Фрейд годом раньше написал небольшую работу на эту тему, которая была опубликована после его смерти (1940с [1922]).]

[2] Из анализа одной молодой женщины я узнал, что она, оставшись без отца, но имея нескольких теток, вплоть до латентного периода придерживалась мнения, что у матери и некоторых теток есть пенис. Но слабоумную тетку она считала кастрированной, какой ощущала и себя саму.

и *пассивного*[1]. На следующей затем ступени инфантильной генитальной организации, хотя и существует *мужское*, женского еще нет; противоположность здесь означают: *мужские гениталии* или *кастрированный*. Только с окончанием развития к пубертатному периоду сексуальная полярность совпадает с *мужским* и *женским*. Мужское включает субъект, активность и обладание пенисом, за женским остаются объект и пассивность. Вагина ценится теперь как вместилище для пениса, она принимает наследство материнской утробы.

---

[1] См. «Три очерка по теории сексуальности» [пассаж, добавленный в 1915 году, с. 100–101, выше; далее см. сноску, также добавленную в 1915 году, с. 123–124, выше].

Крушение эдипова комплекса
(1924)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1923 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 10 (3), 245–252.
1924 *G. S.*, т. 5, 423–430.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 169–177.
1931 *Neurosenlehre und Technik*,191–199.
1940 *G. W.*, т. 13, 395–402.

Эта статья, написанная в первые месяцы 1924 года, явилась, по существу, конкретизацией одного пассажа в третьей главе работы «Я и Оно» (1923*b*), где Фрейд впервые употребил оборот «крушение эдипова комплекса». Она заслуживает также особого внимания из-за впервые описанных в ней различий в развитии сексуальности у мальчика и у девочки. Эти новые идеи Фрейд развил спустя полтора года в своей статье «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925*j*). Изменение взглядов Фрейда на эту проблему вкратце рассматривается в «Предварительных замечаниях издателей» к последней работе (ниже, с. 254 и далее).

Эдипов комплекс все больше раскрывает свое значение в качестве центрального феномена сексуального периода, относящегося к раннему детству. Затем он сходит на нет, как мы говорим, он подвергается вытеснению, и за ним наступает латентный период. Но до сих пор еще не стало ясно, отчего он погибает; анализы, похоже, показывают: от случающихся болезненных разочарований. Маленькой девочке, которая хочет считать себя предпочитаемой любимицей отца, однажды приходится пережить строгое отцовское наказание, она и ощущает себя упавшей с неба на землю. Мальчик, который рассматривает мать как свою собственность, на опыте убеждается, что она лишает его любви и заботы, направляя их на вновь появившегося ребенка. Рассуждение углубляет значение этих воздействий, подчеркивая, что такие мучительные переживания, противоречащие содержанию комплекса, неизбежны. Даже если нет особых событий, подобных вышеприведенным примерам, отсутствие ожидаемого удовлетворения, постоянная фрустрация исполненного желаниями ребенка должны привести к тому, что маленький влюбленный отказывается от своей безнадежной склонности. Таким образом, эдипов комплекс погибает из-за своей неудачи, в результате своей внутренней невозможности.

Другая точка зрения гласит, что эдипов комплекс должен погибнуть, потому что настало время для его разрешения, подобно тому, как выпадают молочные зубы, когда прорезаются постоянные. Даже если эдипов комплекс индивидуально проживается большинством детей, то это все же предопределенный наследственностью, заложенный ею феномен, который должен исчезнуть по плану, когда наступает следующая, предопределенная фаза развития. В таком случае в общем-то безразлично, по каким причинам это происходит и можно ли вообще найти эти таковые[1].

Правоту обеих точек зрения нельзя оспаривать. Однако они также друг с другом согласуются; наряду с более глубокой филогене-

---

[1] [Содержащиеся здесь и в предыдущем абзаце идеи почти в тех же словах были изложены в разделе IV работы «"Ребенка бьют"» (1919*e*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 239–240.]

тической остается место и для онтогенетической. Ведь всему индивиду уже при его рождении предопределено умереть, и, быть может, его органическое предрасположение уже содержит в себе указание отчего. И все же интересно проследить, как исполняется эта привнесенная программа, каким образом случайные вредности используют предрасположение.

Недавно[1] наше чутье обострилось к восприятию того, что сексуальное развитие ребенка продвигается до фазы, в которой гениталии уже взяли на себя ведущую роль. Но эти гениталии исключительно мужские, точнее говоря, представляют собой пенис; женские гениталии остались неоткрытыми. Эта фаллическая фаза, являющаяся одновременно фазой эдипова комплекса, не развивается дальше в окончательную генитальную организацию, а угасает и сменяется латентным периодом. Однако ее окончание совершается типичным образом и опирается на регулярно повторяющиеся события.

Когда ребенок (мужского пола) обнаруживает свой интерес к гениталиям, то он выдает его также активной манипуляцией с ними, и тогда он вынужден убедиться, что взрослые с этим поведением не согласны. Более или менее ясно, более или менее грубо высказывается угроза, что его лишат этой столь высоко ценимой им части. Как правило, угроза кастрации исходит от женщин, зачастую они пытаются подкрепить свой авторитет тем, что ссылаются на отца или на доктора, который, по их уверению, осуществит это наказание. Во многих случаях сами женщины символически смягчают угрозу, заявляя, что будут устранены не собственно пассивные гениталии, а активно грешащая рука. Особенно часто происходит так, что мальчик сталкивается с угрозой кастрации не из-за того, что при помощи руки играет своим пенисом, а потому, что каждую ночь мочит свою постель и неопрятен. Воспитатели ведут себя так, словно это ночное недержание – следствие и доказательство слишком усердной манипуляции пенисом, и в этом они, вероятно, правы[2]. Во всяком случае длительное недержание мочи по ночам можно приравнять к поллюции взрослого, оно является выражением такого же генитального возбуждения, которое в это время вынуждает ребенка к мастурбации.

Наше утверждение состоит теперь в том, что фаллическая генитальная организация ребенка гибнет от этой угрозы кастрации.

---

[1] [См. «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*), выше, с. 237 и далее.]
[2] [Ср. «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), выше, с. 96.]

Правда, не тотчас и не без дополнительных воздействий. Ибо ребенок вначале не верит этой угрозе и не проявляет послушания. Психоанализ придал новое значение переживаниям двоякого рода, которых не избегает ни один ребенок и из-за которых он должен стать подготовленным к утрате высоко ценимых частей тела: вначале временному, а впоследствии окончательному лишению материнской груди и ежедневно требуемому отделению содержимого кишечника. Однако совершенно нельзя заметить, чтобы эти переживания воздействовали в связи с угрозой кастрации[1]. Лишь после того как приобретен новый опыт, ребенок начинает считаться с возможностью кастрации, да и то колеблясь, неохотно и не без стремления преуменьшить значение собственного наблюдения.

Этим наблюдением, разрушающим, наконец, неверие ребенка, является обнаружение женских гениталий. Однажды ребенок, гордящийся обладанием пениса, видит генитальную область маленькой девочки и вынужден убедиться в отсутствии пениса у столь похожего на него существа. Тем самым он может представить себе также и потерю собственного пениса, угроза кастрации начинает оказывать свое последействие.

Мы не можем быть столь близоруки, как угрожающие кастрацией воспитатели и не должны упускать из виду того, что в это время сексуальная жизнь ребенка отнюдь не исчерпывается мастурбацией. Он, безусловно, занимает эдипову позицию по отношению к своим родителям; мастурбация является лишь генитальным отводом сексуального возбуждения, относящегося к этому комплексу, и этому отношению она будет обязана своим значением во все последующие времена. Эдипов комплекс предоставил ребенку две возможности удовлетворения, активную и пассивную. Ребенок мог по-мужски поставить себя на место отца и вести себя с матерью как последний, при этом отец вскоре стал восприниматься как помеха; или он захотел заменить мать и быть любимым отцом, при этом мать стала излишней. В чем состоит приносящая удовлетворение любовная связь – об этом ребенок мог иметь лишь весьма неопределенные представления; но, разумеется, при этом некую роль играл пенис, ибо это доказывали его органические ощущения. Для

[1] [Ср. примечание, которое примерно во время написания настоящей работы было включено в описание случая «маленького Ганса» (1909*b*). *Studienausgabe*, т. 8, с. 15, прим. 2. Третье переживание – рождение – также упоминается в нем, но там, как и в вышеупомянутом месте, Фрейд выступает против его смешения с комплексом кастрации. Ср. далее примечание к статье «Инфантильная генитальная организация», выше, с. 239, прим. 3.]

сомнения в наличии у женщины пениса пока еще не было повода. Предположение о возможности кастрации, понимание того, что женщина кастрирована, теперь положило конец обеим возможностям удовлетворения, вытекающим из эдипова комплекса. Ведь обе они влекли за собой потерю пениса, одна, мужская, как следствие наказания, другая, женская, в качестве условия. Если любовное удовлетворение на основе эдипова комплекса должно стоить пениса, то неизбежен конфликт между нарциссическим интересом к этой части тела и либидинозным катексисом родительских объектов. В этом конфликте обычно побеждает первая сила; Я ребенка отворачивается от эдипова комплекса.

В другом месте[1] я показал, каким образом это происходит. Объектные катексисы устраняются и заменяются идентификацией. Интроецированный в Я отцовский или родительский авторитет образует там ядро Сверх-Я, которое заимствует у отца строгость, подкрепляет его запрет на инцест и таким образом гарантирует Я от возвращения либидинозного объектного катексиса. Либидинозные стремления, принадлежащие эдипову комплексу, частично десексуализируются и сублимируются, что, вероятно, происходит при любом превращении в идентификацию, частично становятся целезаторможенными и преобразуются в нежные побуждения. Весь этот процесс, с одной стороны, спас гениталии, предотвратил опасность их потери, с другой стороны, он парализовал их, упразднил их функцию. С него начинается латентный период, прерывающий сексуальное развитие ребенка.

Я не вижу причины отказать отстранению Я от эдипова комплекса в названии «вытеснение», хотя более поздние вытеснения чаще всего осуществляются при участии Сверх-Я, которое образуется только теперь. Однако описанный процесс представляет собой нечто большее, чем вытеснение; он, если совершается идеально, равносилен разрушению и упразднению комплекса. Можно предположить, что мы натолкнулись здесь на пограничную черту между нормой и патологией, которая никогда не бывает абсолютно четкой. Если Я действительно добилось не намного большего, чем вытеснение комплекса, то тогда он продолжает бессознательно существовать в Оно и впоследствии будет оказывать свое патогенное воздействие.

Такие взаимосвязи между фаллической организацией, эдиповым комплексом, угрозой кастрации, образованием Сверх-Я и латентным периодом позволяет выявить или разгадать аналитичес-

---

[1] [См. «Я и Оно» (1923*b*), глава III: *Studienausgabe*, т. 3, с. 296–297.]

кое наблюдение. Они оправдывают положение, что эдипов комплекс погибает от угрозы кастрации. Но этим проблема не исчерпывается; остается место для теоретической спекуляции, которая может опровергнуть полученный результат или представить его в новом свете. Но прежде чем вступить на этот путь, мы должны обратиться к вопросу, который возник во время наших предыдущих рассуждений и так долго игнорировался. Описанный процесс, как недвусмысленно отмечалось, относится только к ребенку мужского пола. Как происходит соответствующее развитие у маленькой девочки?

Наш материал – непонятным образом[1] – оказывается здесь гораздо менее ясным и полным. Также и у женского пола развиваются эдипов комплекс, Сверх-Я и латентный период. Можно ли приписать также ему фаллическую организацию и комплекс кастрации? Ответ звучит утвердительно, но дело не может обстоять так, как у мальчика. Феминистское требование равноправия полов не распространяется здесь далеко, морфологическое расхождение должно проявиться в различиях психического развития[2]. Анатомия – это судьба, если несколько изменить слова Наполеона. Клитор девочки вначале ведет себя совершенно так же, как пенис, однако ребенок при сравнении себя с товарищем по играм мужского пола замечает, что «он слишком мал», и воспринимает этот факт как свидетельство своей ущербности и причину неполноценности. Еще какое-то время девочка тешит себя надеждой, что позднее, когда она подрастет, у нее будет такой же большой придаток, как у мальчика. Здесь ответвляется комплекс мужественности у женщины[3]. Но свой фактический недостаток девочка не понимает как половую особенность, а объясняет его предположением, что когда-то раньше она обладала таким же большим членом, но затем потеряла его в результате кастрации. По-видимому, она не распространяет этого вывода с себя на других, взрослых женщин, а предполагает – полностью в духе фаллической фазы – наличие у них больших и совершенных, то есть мужских, гениталий. Таким образом, получается существенное отличие: девочка прини-

---

[1] [В разделе I работы «О женской сексуальности» (1931*b*), ниже, с. 275–277. Фрейд предлагает объяснение этого.]

[2] [См. работу «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925*j*), ниже, с. 257 и далее. Значительная часть того, о чем далее говорится, рассматривается в этой статье. Парафраз слов Наполеона встречается еще во втором очерке, посвященном психологии любовной жизни (1912*d*), выше с. 209.]

[3] [Ср. ниже, с. 261 и прим. 2.]

мает кастрацию как свершившийся факт, тогда как мальчик боится возможности ее осуществления.

С исключением страха кастрации отпадает также сильнейший мотив к образованию Сверх-Я и крушению инфантильной генитальной организации. Эти изменения — в гораздо большей степени, чем у мальчиков — предстают результатом воспитания, внешнего запугивания, угрозы потери любви. Эдипов комплекс девочки значительно определенней, чем у маленького обладателя пениса; по моему опыту, лишь в редких случаях он выходит за пределы желания заменить мать и женской установки по отношению к отцу. Отказ от пениса не происходит без попытки найти компенсацию. Девочка переходит — можно сказать, путем символического приравнивания — от пениса к ребенку, ее эдипов комплекс достигает кульминации в давно вынашиваемом желании получить ребенка в подарок от отца, родить ему ребенка[1]. Создается впечатление, что расставание с эдиповым комплексом происходит медленно, поскольку это желание никогда не исполняется. Оба желания — иметь пенис и ребенка — сохраняются в бессознательном сильно катектированными и содействуют подготовке существа женского пола к его последующей половой роли. Меньшая величина садистского вклада в сексуальное влечение, которую, пожалуй, можно связать с недоразвитием пениса, облегчает превращение непосредственных сексуальных стремлений в целезаторможенные нежные. В целом, однако, необходимо признать, что наши знания об этих процессах развития у девочки остаются неудовлетворительными, неполными и расплывчатыми[2].

Я не сомневаюсь в том, что описанные здесь временные и каузальные отношения между эдиповым комплексом, сексуальным запугиванием (угрозой кастрации), образованием Сверх-Я и наступлением латентного периода носят типичный характер; но я не хочу утверждать, что этот тип является единственно возможным. Изменения в хронологическом порядке и сцеплении этих процессов должны иметь очень большое значение для развития индивида.

После публикации интересного очерка О. Ранком «Травма рождения» [1924] также и результат этого небольшого исследования,

---

[1] [Ср. работу «О превращении влечений, в частности анальной эротики» (1917*c*); см. также ниже, с. 264.]

[2] [Значительно подробнее Фрейд обсуждает эту тему в следующей статье данного тома, а также в работе «О женской сексуальности» (ниже, с. 275 и далее); оба раза он дает описание эдипова комплекса девочки, весьма отличающееся от предложенного в настоящей статье.]

который состоит в том, что эдипов комплекс мальчика погибает от страха кастрации, нельзя принять без дальнейшей дискуссии. Однако мне кажется преждевременным сегодня вступать в эту дискуссию, пожалуй, также нецелесообразным начинать здесь критику или оценку точки зрения Ранка[1].

---

[1] [Вскоре в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*) Фрейд еще раз обратился к этому вопросу. Ср. раздел (д) «Предварительных замечаний издателей» к этой работе, *Studienausgabe*, т. 6, с. 231–232.]

Некоторые психические последствия анатомического различия полов (1925)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1925 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 11 (4), 401–410.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 205–219.
1928 *G. S.*, т. 11, 8–19.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 207–220.
1948 *G. W.*, т. 14, 19–30.

Эта работа, завершенная в августе 1925 года, 3 сентября была прочитана вместо автора Анной Фрейд на Международном психоаналитическом конгрессе в Бад Хомбурге и осенью того же года опубликована в «Международном психоаналитическом журнале» (см. Jones, 1962*b*, т. 3, с. 139). Эта небольшая работа в сжатой форме содержит первую новую формулировку представлений Фрейда о психологии женщины. Кроме того, она составляет основу всех его последующих работ на эту тему.

Фрейд всегда жаловался на темноту, которая окружает сексуальную жизнь женщины, а также на то, что в своих исследованиях сексуального развития он вынужден чуть ли не исключительно опираться на данные, относящиеся к мужчине. Можно обратиться, к примеру, к работам «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), выше, с. 61, «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*), выше, с. 172 и далее, и к его гораздо более поздней статье «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*), выше, с. 238. Даже после публикации данной статьи в работе «К вопросу о дилетантском анализе» (1926*e*) он писал: «О половой жизни маленькой девочки мы знаем меньше, чем о половой жизни мальчика. Мы не должны стыдиться этой разницы; однако и жизнь взрослой женщины представляет собой для психологии *dark continent*». Вследствие этой неясности Фрейд, как правило, исходил из предположения, что психология женщины попросту аналогична психологии мужчины. В своем первом развернутом описании эдиповой ситуации, которое содержится в главе V (Г) «Толкования сновидений» (1900*a*), он, например, предполагает, что между обоими полами существует полная аналогия, что «первая симпатия девочки относится к отцу, а первое инфантильное вожделение мальчика – к матери» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 262). Соответственно в своем подробном описании сексуального развития ребенка в 21-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917) он отмечает: «Как видите, я изобразил лишь отношение маль-

чика к отцу и матери. У маленькой девочки при необходимых поправках дело обстоит точно так же. Нежная привязанность к отцу, потребность устранить мать как лишнюю...» (*Studienausgabe*, т. 1, с. 328). И даже в «Я и Оно» (1923*b*) он еще утверждает, что сложные процессы, сопровождающие разрушение эдипова комплекса или следующие за ним, у девочки и у мальчика протекают «совершенно аналогичным образом» (см. середину главы III).

Правда, после проведенного в 1900 году анализа «Доры» (1905*e*) Фрейд долгое время психологией женщины не интересовался. За пятнадцать лет он не опубликовал ни одного важного описания случая пациента женского пола. Затем был опубликован случай женской паранойи (1915*f*), где речь, в сущности, шла об отношении пациентки к матери. Вскоре после этого появилось описание случая женского гомосексуализма (1920*a*), о котором, пожалуй, по праву можно сказать то же самое. Между двумя этими статьями был опубликован очерк о фантазиях об избиении (1919*e*), в котором речь главным образом идет об инфантильном сексуальном развитии девочки. И здесь уже обнаруживаются отчетливые признаки неудовлетворенности Фрейда гипотезой о «полной аналогии» между двумя полами: «Ожидание полного параллелизма оказалось ошибочным...» Без сомнения, с тех пор Фрейд постоянно занимался проблемой полового развития женщины. Хотя в работе «Я и Оно» (1923*b*) не так много говорится на эту тему, в ней все же были выдвинуты гипотезы о разрушении эдипова комплекса, а также представлен новый материал клинических наблюдений, который стал ключом к созданию новой теории. Уже в статье «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*), выше, с. 245 и далее, Фрейд, так сказать, продвигался ощупью в этом направлении; однако развернутое описание содержится только в данном сочинении. Затем оно было детализировано в более поздней работе «О женской сексуальности» (1931*b*), ниже, с. 275 и далее, (см. «Предварительные замечания издателей» к этой работе), потом в 33-й лекции «Нового цикла» (1933*a*) и еще позже в главе VII опубликованного после смерти Фрейда «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]).

Почти все детали в сжатой форме содержатся в данной работе. Тем не менее примечательно, что эти частные факты уже задолго до этого имелись в распоряжении Фрейда, и их только нужно было связать между собой. Так, например, он выделил и описал определенные особенности сексуального развития девочки. Еще в первом издании «Трех очерков» (1905*d*) он установил, что у маленькой девочки ведущей сексуальной зоной является клитор и, соответственно, «сексуальность маленьких девочек носит вполне мужской характер» и что только вследствие «новой волны вытеснения» в

пубертате роль клитора достается вагине, а мужественность переходит в женственность (см. выше, с. 123–125). Эта тема была продолжена в работе «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*), где она рассматривалась в связи с завистью девочки к пенису и комплексом кастрации (см. выше, с. 177–178); этот аспект вновь обсуждался в работе «Табу девственности» (1918*a*), выше, с. 213 и далее. То, что вызванная отсутствием пениса нарциссическая обида ведет к возникновению неприязни к матери, отмечается уже в конце раздела I работы «Несколько типов характера» (1916*d*, *Studienausgabe*, т. 10, с. 235).

Также и основные принципы новой теории уже упоминались раньше, хотя после этого они, похоже, вновь на долгое время были преданы забвению. В «Трех очерках» встречается недвусмысленное высказывание, что первым сексуальным объектом ребенка и прототипом всех последующих любовных отношений является грудь матери (см. выше, с. 125–126). Разумеется, этот тезис относился как к девочке, так и к мальчику, но, по-видимому, здесь он впервые повторен со всей определенностью (с. 259). Тем самым становится очевидным двойное изменение, которое должно произойти у девочки, прежде чем она достигнет «нормального» эдипова комплекса: смена ведущего сексуального органа и смена сексуального объекта. Теперь был свободен путь для исследования «доэдиповой» фазы девочки и психических различий между девочками и мальчиками, к рассуждениям, имплицитно содержавшимся в гипотезах, которые Фрейд выдвинул в работе «Я и Оно», – речь идет о различии в отношении комплекса кастрации к эдипову комплексу и о различии в формировании Сверх-Я. В синтезе этих частных фактов, которые происходят из совершенно разных, значительно отдаленных во времени исторических слоев научного творчества Фрейда и состоит значение данной работы.

В моих работах и работах моих учеников со все большей решительностью отстаивается требование, чтобы анализ невротиков проникал также в первый период детства, время раннего расцвета сексуальной жизни. Лишь исследовав первые проявления привнесенной конституции влечений и воздействия самых ранних жизненных впечатлений, можно правильно распознать движущие силы возникающего впоследствии невроза и обезопасить себя от заблуждений, к которым склоняют преобразования и наслоения периода зрелости. Это требование важно не только в теоретическом отношении, оно имеет также практическое значение, ибо отделяет наши усилия от работы таких врачей, которые, будучи ориентированными только на терапию, на каком-то участке пути пользуются аналитическими методами. Такой анализ раннего периода продолжителен, труден и предъявляет врачу и пациенту требования, выполнению которых практика не всегда идет навстречу. Кроме того, он приводит к неясностям, для которых у нас пока еще нет путеводных вех. Я полагаю, аналитиков можно даже заверить в том, что в ближайшие десятилетия их научной работе не угрожает опасность стать механистичной и тем самым неинтересной.

Далее я сообщаю результат аналитического исследования, который был бы очень важен, если бы составил общее правило. Почему я не откладываю публикацию, пока более богатый опыт не даст мне этого доказательства, если его вообще можно представить? Потому что в условиях моей работы произошло изменение, последствий которого я не могу отрицать. Я никогда не принадлежал к числу тех, кто в течение какого-то времени не может умалчивать о предполагаемом открытии, пока оно не найдет подтверждения или опровержения. «Толкование сновидений» [1900*a*] и «Фрагмент анализа одного случая истерии» [1905*e*] (случай Доры) лежали у меня, если не девять лет по рецепту Горация, то все же четыре-пять лет, прежде чем я придал их гласности. Но тогда передо мной расстилалось необозримо много времени — *oceans of time*, как говорит один любезный поэт[1], — и материал устремлялся ко мне в таком изоби-

[1] [Не ясно, какого поэта имеет в виду Фрейд. — Намек на Горация касается его «Ars Poetica», 388.]

лии, что я едва мог с ним справиться. Кроме того, я был единственным работником в новой области, моя сдержанность не несла мне никакой опасности и не причиняла вреда другим.

Теперь все стало иначе. Мое время ограничено, оно уже не используется полностью для работы; поэтому возможностей приобретать новый опыт уже не в таком изобилии. Когда я думаю, что увидел нечто новое, у меня нет уверенности, смогу ли я дождаться его подтверждения. Кроме того, все, что находилось на поверхности, уже исчерпано; остальное приходится добывать из глубин неспешным трудом. Наконец, я уже не нахожусь в одиночестве, группа старательных коллег готова использовать даже недоделанное, не совсем понятое, я могу передать им часть работы, которую в противном случае должен был бы выполнить сам. Поэтому я чувствую себя вправе сообщить на этот раз нечто такое, что настоятельно требует перепроверки, прежде чем можно будет признать его ценность или никчемность.

Когда мы исследовали *первые* психические образования сексуальной жизни у ребенка, обычно мы брали в качестве объекта ребенка мужского пола, маленького мальчика. У маленькой девочки — полагали мы — дело должно обстоять аналогичным образом, но все же как-то иначе. В каком месте на пути развития следует искать это различие, так и осталось невыясненным.

Ситуация эдипова комплекса — первая станция, которую мы с уверенностью распознаем у мальчика. Она нам легко понятна, потому что в ней ребенок держится за тот же объект, который уже в предшествующие периоды младенчества и ухода он катектировал своим пока еще не генитальным либидо. Также и то, что при этом он воспринимает отца как мешающего соперника, которого хочет устранить и заменить, непосредственно вытекает из реальных условий. То, что эдипова установка мальчика принадлежит фаллической фазе и погибает от страха кастрации, то есть от нарциссического интереса к гениталиям, я показал в другом месте[1]. Трудность для понимания возникает вследствие осложняющего обстоятельства, что сам эдипов комплекс у мальчика имеет двойственную природу, активную и пассивную, соответственно бисексуальным задаткам. Мальчик также хочет заменить отцу в качестве любовного объекта мать, что мы называем женственной установкой[2].

---

[1] «Крушение эдипова комплекса» [(1924*d*), в этом томе с. 245 и далее. Нижеследующее в значительной степени является конкретизацией идей, изложенных в том сочинении.].

[2] [Ср. там же, с. 247.]

О предыстории эдипова комплекса у мальчика нам еще далеко не все ясно. Мы знаем из нее об идентификации с отцом, носящей нежный характер и пока еще лишенной чувства соперничества по отношению к матери. Другой элемент этого доисторического времени, как я думаю, — никогда не заставляющая себя ждать мастурбация гениталий, детский онанизм, в той или иной степени насильственное подавление которого со стороны воспитателей активирует комплекс кастрации. Мы предполагаем, что этот онанизм связан с эдиповым комплексом и означает отвод его сексуального возбуждения. Имеет ли он эту связь с самого начала или же, напротив, возникает спонтанно как органическая деятельность и лишь позднее присоединяется к эдипову комплексу, неизвестно; последняя возможность гораздо более вероятна. Непонятна также и роль ночного недержания мочи и отучения от него путем педагогического вмешательства. Мы предпочитаем простой синтез: продолжающееся недержание мочи — это результат онанизма, а его подавление расценивается мальчиком как торможение генитальной деятельности, то есть в смысле угрозы кастрации[1], но правы ли мы в каждом случае — еще вопрос. Наконец, анализ позволяет нам в общих чертах установить, что подглядывание за родительским коитусом в очень раннем детском возрасте может вызвать первое сексуальное возбуждение и благодаря своему последействию стать исходным пунктом для всего сексуального развития. Онанизм, а также обе установки эдипова комплекса позднее присоединяются к впоследствии истолковываемому впечатлению. Однако мы не можем считать, что такие наблюдения за коитусом — событие регулярное, и сталкиваемся здесь с проблемой «первичных фантазий»[2]. Сколько бы ни было в предыстории эдипова комплекса у мальчика еще невыясненного, своего прояснения и решения ждет вопрос, всегда ли следует предполагать один и тот же ход событий и не приводят ли самые разные предварительные стадии к узловому пункту одной и той же конечной ситуации.

Эдипов комплекс маленькой девочки таит в себе больше проблем, чем эдипов комплекс мальчика. Первоначально мать была для обоих первым объектом; мы не должны удивляться, если мальчик сохраняет его и в эдиповом комплексе. Но каким образом де-

[1] [Ср. там же, с. 246.]

[2] [Ср. рассуждения в анализе «Волкова» (1918*b*), *Studienausgabe*, т. 8, в частности с. 166–77 и с. 208–210, а также 23-ю лекцию по введению в психоанализ (1916–1917).]

вочка приходит к тому, что отказывается от него и выбирает в качестве объекта отца? При выяснении этого вопроса я сумел установить несколько фактов, которые могут пролить свет как раз на предысторию эдиповых отношений у девочки.

Каждому аналитику известны женщины, которые с особой интенсивностью и вязкостью сохраняли свою привязанность к отцу и желание получить от отца ребенка, в котором эта привязанность достигает своей кульминации. Есть все основания предположить, что эта фантазия-желание была также и движущей силой их инфантильного онанизма, и тогда легко создается впечатление, что мы находимся здесь перед элементарным, далее не разложимым фактом детской сексуальной жизни. Однако детальный анализ именно этих случаев показывает нечто другое, а именно что эдипов комплекс имеет здесь долгую предысторию и в известной степени является вторичным образованием.

По замечанию старого детского врача Линднера [1879][1], ребенок открывает доставляющую удовольствие генитальную зону — пенис или клитор — во время сосания. Я хочу оставить открытым вопрос, действительно ли ребенок пользуется этим новоприобретенным источником удовольствия для замены недавно потерянного материнского грудного соска, на что могут указывать последующие фантазии *(fellatio)*. Так или иначе, генитальная зона когда-нибудь обнаруживается, и, по-видимому, неправомерно приписывать первым манипуляциям с ней психическое содержание. Однако ближайшим шагом в начинающейся таким образом фаллической фазе является не связь этого онанизма с объектными катексисами эдипова комплекса, а чреватое последствиями открытие, выпадающее на долю маленькой девочки. Она замечает большой, легко различимый пенис у брата или сверстника, тотчас признает его как превосходящий эквивалент своего собственного маленького и скрытого органа, и отныне ею овладевает зависть к пенису.

Интересная противоположность в поведении обоих полов: в аналогичном случае, когда маленький мальчик впервые видит генитальную область девочки, он ведет себя нерешительно, вначале не очень заинтересованно; он ничего не видит или отрицает[2] свое восприятие, ослабляет его, ищет информацию, чтобы привести его в соответствие со своим ожиданием. И только позднее, когда на

---

[1] См. «Три очерка по теории сексуальности» [1905*d*, выше, с. 87].

[2] [См. редакторское примечание 1 к работе «Инфантильная генитальная организация», выше, с. 239.]

него стало оказывать свое влияние угроза кастрации, это наблюдение становится для него многозначительным; воспоминание о нем или новое наблюдение вызывает у него страшную аффективную бурю и заставляет его поверить в реальность угрозы, над которой он до сих пор насмехался. Из этого стечения обстоятельств вытекают две реакции, которые могут зафиксироваться, а затем каждая по отдельности, или обе вместе, или в сочетании с другими моментами надолго определить его отношение к женщине: боязнь искалеченного существа или исполненное торжеством к нему презрение. Но эти события принадлежат будущему, хотя и не очень далекому.

Иначе ведет себя девочка. У нее моментально созревает суждение и решение. Она видела пенис, знает, что у нее его нет, и хочет его иметь[1].

В этом месте ответвляется так называемый женский комплекс мужественности[2], который порой, если его не удается вскоре преодолеть, доставляет большие трудности предначертанному развитию женственности. Надежда все же получить когда-нибудь пенис и благодаря этому стать равной мужчине может сохраниться вплоть до невероятно позднего времени и стать мотивом для странных, обычно непонятных поступков. Или начинается процесс, который я бы назвал *отрицанием*[3]; по всей видимости, он не является редким в детской душевной жизни и не таит в себе особых опасностей, но у взрослого он значил бы начало психоза. Девочка отказывается принять факт своей кастрации, упорствует в убеждении, что она все-таки обладает пенисом, и как следствие вынуждена вести себя так, словно она — мужчина.

Психические последствия зависти к пенису, если она не растворяется в реактивном образовании комплекса мужественности, раз-

---

[1] Здесь есть повод скорректировать одно утверждение, которое было мною выдвинуто несколько лет назад. Я полагал, что сексуальный интерес у детей пробуждается не в результате обнаружения полового различия, а распаляется старанием решить проблему, откуда берутся дети. По меньшей мере это, безусловно, не относится к девочке. У мальчика дело может обстоять то так, то подругому, или у обоих полов решающее значение могут иметь случайные жизненные события. [Упомянутое в начале этой сноски утверждение встречается в нескольких местах; см. редакторское примечание к статье «О сексуальном просвещении детей» (1907*c*), выше, с. 164, там же дальнейшие комментарии. Однако в той ранней работе Фрейд излагает противоположную точку зрения, отстаиваемую также и здесь.]

[2] [По всей видимости, этот термин был введен ван Офюйзеном (1917). См. также с. 249, выше, а также с. 279–280 и с. 280, прим. 1, ниже.]

[3] [Относительно параллельного процесса у мальчика см. работу «Инфантильная генитальная организация», выше, с. 239.]

нообразны и значительны. С признанием своей нарциссической раны у женщины возникает — словно рубец — чувство неполноценности. После того как она преодолела первую попытку объяснить отсутствие у себя пениса личным наказанием и постигла всеобщность этого полового признака, она начинает разделять презрение мужчины к полу, укороченному в столь важном месте, и продолжает, по крайней мере в этом суждении, приравнивать себя к мужчине[1].

Даже если она перестала завидовать пенису в отношении своего собственного объекта, эта зависть не исчезает; с небольшим смещением она продолжает существовать в *ревности* как свойстве характера. Разумеется, ревность присуща не одному-единственному полу и имеет более широкую основу, но я полагаю, что в душевной жизни женщины она все же играет гораздо более важную роль, поскольку получает огромное подкрепление из источника подавленной зависти к пенису. Еще до того как мне стало известно такое происхождение ревности, в столь часто встречающейся у девочек онанистической фантазии под названием «Ребенка бьют» я выделил первую фазу, в которой она имеет значение того, что другой ребенок, к которому проявляется ревность как к сопернику, должен подвергнуться избиению[2]. Эта фантазия, по-видимому, представляет собой реликт из фаллического периода девочек; своеобразное упрямство, бросившееся мне в глаза в однообразной формуле «Ребенка бьют», вероятно, допускает еще и особое толкование. Ребенок, которого бьют и ласкают, — это, по существу, не что иное, как клитор, так что это выражение содержит, в сущности, признание в мастурбации, которая с самого начала фаллической фазы вплоть до более поздних времен связана с содержанием формулы.

Третьим следствием зависти к пенису, по-видимому, является ослабление нежного отношения к материнскому объекту. Эта взаи-

---

[1] Еще в первых моих критических высказываниях в работе «Об истории психоаналитического движения» (1914*d*) я признал, что в этом заключается зерно истины учения Адлера, который, ничуть не колеблясь, объясняет весь мир из этого одного пункта (неполноценность органа — мужской протест — отход от женской линии) и при этом похваляется тем, что лишил сексуальность ее значения в пользу стремления к власти! Единственным «неполноценным» органом, который, без сомнения, заслуживает этого названия, является, таким образом, клитор. С другой стороны, приходится слышать, как аналитики хвалятся тем, что, несмотря на многолетние старания, не смогли выявить ничего, что бы свидетельствовало о существовании комплекса кастрации. Нужно в восхищении преклониться перед величием этого результата, даже если это лишь негативный результат, искусный прием не понимать и не видеть. Оба учения составляют интересную пару противоположностей: одно не обнаруживает никаких следов комплекса кастрации, другое не видит ничего, кроме его последствий.

[2] «"Ребенка бьют"» [(1919e), раздел III; *Studienausgabe*, т. 7, с. 236.]

мосвязь не совсем понятна, но убеждаешься в том, что ответственность за отсутствие пениса в конечном счете почти всегда возлагается на мать, которая произвела на свет ребенка со столь неудовлетворительным оснащением. Исторический ход событий зачастую таков, что вскоре после обнаружения ущербности гениталий возникает ревность к другому ребенку, которого якобы больше любит мать, из-за чего появляется мотивировка к ослаблению привязанности к матери. С этим согласуется далее то, что этот предпочитаемый матерью ребенок становится первым объектом фантазии об избиении, которая заканчивается мастурбацией.

Другое неожиданное воздействие зависти к пенису — или открытия неполноценности клитора — несомненно, является важнейшим из всех. Раньше у меня не раз возникало впечатление, что женщина в целом хуже переносит мастурбацию, чем мужчина, чаще борется с ней и не в состоянии воспользоваться ею там, где мужчина при тех же обстоятельствах, безусловно, прибег бы к этому паллиативному средству. Разумеется, опыт обнаружил бы многочисленные исключения из этого положения, если бы мы пожелали выдвинуть его в качестве правила. Ведь реакции индивидов обоего пола представляют собой смешение мужских и женских черт. И все же остается впечатление, что мастурбация более чужда природе женщины, и для разрешения этой предполагаемой проблемы следует принять во внимание, что во всяком случае мастурбация клитора представляет собой мужское действие и что условием развития женственности является устранение клиторальной сексуальности[1]. Анализы фаллического доисторического времени показали мне, что вскоре после проявления зависти к пенису у девочки возникает интенсивное противодействие онанизму, которое нельзя сводить к одному только влиянию воспитания. Очевидно, это побуждение является предвестником того всплеска вытеснения, которое ко времени пубертата устранит большую часть мужской сексуальности, чтобы освободить место для развития женственности. Вполне может быть, что эта первая оппозиция против аутоэротической деятельности не достигает своей цели. В проанализированных мною случаях так и было. Затем конфликт продолжается, и тогда, как и впоследствии, девочка делает все, чтобы избавиться от принуждения к онанизму. Некоторые более поздние проявления сексуальной жизни у женщины остаются непонятными, если не распознать этот сильный мотив.

---

[1] [Указание на клиторальный онанизм у девочки встречается уже в первом издании «Трех очерков» (1905*d*), выше, с. 124.]

Я не могу объяснить себе этого сопротивления маленькой девочки фаллическому онанизму иначе, чем с помощью предположения, что охоту к этой доставляющей удовольствие деятельности отбивает один сопутствующий момент. Этот момент искать долго не нужно; им, должно быть, является обида, связанная с завистью к пенису, напоминание, что в этом пункте она все же не может сравниться с мальчиком и поэтому лучше всего отказаться от конкуренции с ним. Таким образом познание анатомического различия полов оттесняет девочку от мужественности и мужского онанизма на новые пути, которые ведут к развитию женственности.

Об эдиповом комплексе до сих пор не было речи, он также и не играл никакой роли. Теперь же либидо девочки переходит — можно сказать, в соответствии с предначертанным символическим равенством: пенис = ребенок — в новую позицию. Она отказывается от желания иметь пенис ради того, чтобы заменить его желанием завести ребенка, и *с этой целью* делает отца объектом своей любви[1]. Мать становится объектом ревности, девочка превратилась в маленькую женщину. Если я могу доверять обособленному результату аналитического исследования, то в этой новой ситуации дело может дойти до физических ощущений, которые необходимо расценивать как преждевременное пробуждение женского генитального аппарата. Если позднее приходится отказаться от этой привязанности к отцу как безнадежной, то она может уступить место идентификации с отцом, с которой девочка возвращается к комплексу мужественности и иногда на нем фиксируется.

Теперь я сказал все самое главное, что намеревался сказать, и останавливаюсь, чтобы окинуть взглядом полученный результат. Мы получили представление о предыстории эдипова комплекса у девочки. О таковой у мальчика мало что известно. У девочки эдипов комплекс — вторичное образование. Ему предшествуют и его подготавливают воздействия комплекса кастрации. В отношении между эдиповым комплексом и комплексом кастрации у обоих полов существует фундаментальное различие. *Если эдипов комплекс мальчика погибает от комплекса кастрации[2], то эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря комплексу кастрации.* Это противоречие получает свое объяснение, если учесть, что при этом комплекс кастрации всегда воздействует в духе своего содержания, сдерживая и ограничивая мужественность и способствуя раз-

---

[1] [Ср. «Крушение эдипова комплекса», выше, с. 250.]
[2] См. там же. [С. 249, выше].

витию женственности. Разница в этой части сексуального развития у мужчины и женщины представляет собой естественное следствие анатомического различия гениталий и с ним связанной психической ситуации; она соответствует различию между осуществленной кастрацией и угрожаемой. Таким образом, наш результат является нечто само собою разумеющимся, тем, что можно было предвидеть.

Между тем эдипов комплекс представляет собой нечто столь значительное, что не может остаться без последствий то, каким образом ребенок вступает в него и от него освобождается. У мальчика — как я показал в вышеупомянутой публикации [1924*d*], на которую я здесь в целом опираюсь, — комплекс не просто вытесняется, он буквально разлетается на куски под воздействием шока, вызванного угрозой кастрации. Его либидинозные катексисы упраздняются, десексуализируются и частично сублимируются, его объекты присоединяются к Я, где они образуют ядро Сверх-Я и придают этому новообразованию характерные особенности. В нормальном, лучше сказать: в идеальном случае эдипов комплекс уже не существует также и в бессознательном, Сверх-Я стало его наследником. Поскольку пенис обязан — в понимании Ференци — своим чрезвычайно высоким нарциссическим катексисом своему органическому значению для продолжения рода, катастрофу эдипова комплекса — отказ от инцеста, возникновение совести и морали — можно расценивать как победу поколения над индивидом. Интересная точка зрения, если иметь в виду, что невроз основывается на сопротивлении Я требованиям сексуальной функции. Но если оставить позицию индивидуальной психологии, то это пока не ведет к прояснению запутанных отношений.

Я склонен придать значение приведенным здесь рассуждениям о психических последствиях анатомического различия полов, но я знаю, что их ценность сохранится только тогда, когда эти находки, сделанные на горстке случаев, получат всеобщее подтверждение и окажутся типичными. В противном случае они разве что останутся вкладом в познание разнообразных путей в развитии сексуальной жизни.

В заслуживающих высокой оценки и содержательных работах Абрахама (1921), Хорни (1923), Хелен Дойч (1925) о комплексе мужественности и о комплексе кастрации у женщины содержится многое, что близко соприкасается с моим изложением, но ничего, что бы полностью с ним совпадало, так что мне хотелось бы его оправдать также и в этом отношении.

О либидинозных типах
(1931)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1931 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 17 (3), 313–316.
1934 *G. S.*, т. 12, 115–119.
1948 *G. W.*, т. 14, 509–513.

Как и в случае следующей работы («О женской сексуальности»), Фрейд приступил к написанию этой статьи в начале 1931 года и закончил ее в течение лета. Она служит дополнением к немногочисленным работам Фрейда, посвященным характерологии. Хотя эта тема всплывает в нескольких его сочинениях, например в первой половине 3-й главы «Я и Оно» (1923*b*), Фрейд целенаправленно занимался ею только в двух более ранних работах, а именно в очерках «Характер и анальная эротика» (1908*b*) и «Несколько типов характера из психоаналитической практики» (1916*d*). В данной работе эта тема рассматривается им в свете его более позднего структурного подхода к психике.

Наше наблюдение нам показывает, что отдельные люди реализуют общую картину человека в едва ли обозримом многообразии. Если уступить правомерной потребности выделить в этом множестве отдельные типы, то уже заранее будет иметься выбор, по каким признакам и с каких позиций производить это разделение. Разумеется, физические особенности будут пригодны для этой цели не меньше, чем психические; самыми ценными будут такие различения, которые сулят выявить закономерное сочетание телесных и душевных признаков.

Сомнительно, можем ли мы уже теперь выявить типы такого свойства, как это, безусловно, удастся сделать когда-то потом на пока еще неизвестной основе. Если ограничиться старанием просто установить психологические типы, то первыми на то, чтобы служить основой для разделения, претендуют соотношения либидо. Мы вправе потребовать, чтобы это разделение не просто вытекало из нашего знания или из наших предположений о либидо, но и чтобы его легко можно было подтвердить на опыте и чтобы оно отчасти способствовало лучшему пониманию нами многочисленных наших наблюдений. Нужно сразу признать, что эти либидинозные типы совсем не обязательно должны быть единственно возможными также в психической области и что исходя из других качеств, наверное, можно установить целый ряд других психологических типов. Ко всем таким типам должно относиться условие, что они не могут совпадать с картинами болезни. Напротив, они должны охватывать все вариации, которые, согласно нашей ориентированной на практику оценке, попадают в область нормы. Но, пожалуй, в крайних своих образованиях они могут приближаться к картинам болезни и, таким образом, помогать заполнять мнимую пропасть между нормой и патологией.

Теперь в зависимости от преобладающего размещения либидо в провинциях психического аппарата можно выделить три основных либидинозных типа. Дать им название совсем не просто; опи-

раясь на нашу глубинную психологию, я хотел бы обозначить их как *эротический*, *нарциссический* и *навязчивый типы*[1].

Эротический тип охарактеризовать легко. Эротики — это люди, основной интерес которых (относительно наибольшая величина их либидо) обращен на любовную жизнь. Самое важное для них — любить, но особенно быть любимыми. Ими владеет страх перед потерей любви, и поэтому они особенно зависимы от других людей, которые могут отказать им в любви. Этот тип очень часто встречается также и в своей чистой форме. Его вариации возникают при смешении с другим типом и вместе с тем зависят от степени агрессии. В социальном, а также в культурном отношении этот тип представляет требования элементарных влечений Оно, которому стали послушны другие психические инстанции.

Второй тип, которому я дал вначале странное название *навязчивый тип*, отличается преобладанием Сверх-Я, которое при высоком напряжении обособляется от Я. Им вместо страха перед потерей любви владеет страх совести, он демонстрирует, так сказать, внутреннюю зависимость вместо внешней, проявляет высокую степень самостоятельности и в социальном отношении становится непосредственным, преимущественно консервативным носителем культуры.

Третий тип, по праву названный *нарциссическим*, характеризуется в основном негативно. Никакого напряжения между Я и Сверх-Я — от этого типа едва ли можно было бы прийти к установлению Сверх-Я, — никакого преобладания эротических потребностей, основной интерес направлен на самосохранение, этот тип независим и мало запуган. В распоряжении Я имеется большая степень агрессии, которая проявляется также в готовности действовать; в любовной жизни люди этого типа предпочитают любить, а не быть любимыми. Они производят на других впечатление «личностей», особенно пригодны служить опорой другим, брать на себя роль лидеров, давать новые импульсы культурному развитию или наносить ущерб существующему.

Эти чистые типы едва ли избегнут подозрения в том, что они выведены из теории либидо. Но мы почувствуем себя на надежной почве опыта, если обратимся теперь к смешанным типам, которые приходится наблюдать гораздо чаще, чем чистые. Похоже, эти новые типы, *эротически-навязчивый*, *эротически-нарциссический* и *нар-*

---

[1] [Аналогичную классификацию типов Фрейд произвел еще во 2-й главе работы «Недомогание культуры» (1930*a*, *Studienausgabe*, т. 9, с. 215).]

циссический навязчивый тип, действительно позволяют хорошо распределить индивидуальные психические структуры, с которыми мы познакомились благодаря анализу. При наблюдении за этими смешанными типами выявляются давно известные картины характера. У *эротического навязчивого типа*, по всей видимости, преобладание жизни влечений ограничено влиянием Сверх-Я; зависимость одновременно от новых человеческих объектов и от реликтов родителей, воспитателей и прототипов достигает у этого типа наивысшей степени. *Эротически-нарциссический тип* встречается, пожалуй, чаще всего. Он объединяет противоположности, которые могут в нем взаимно компенсироваться; на его примере при сравнении с двумя другими эротическими типами можно установить, что агрессия и активность совпадают с преобладанием нарцизма. Наконец, *нарциссический навязчивый тип* в культурном отношении представляет собой самую ценную вариацию, поскольку к внешней независимости и принятию во внимание требований совести он добавляет способность к энергичной деятельности и усиливает Я по отношению к Сверх-Я.

Если поставить вопрос, почему здесь не упоминается другой теоретически возможный смешанный тип, а именно *эротически-навязчиво-нарциссический*, то его можно было бы счесть за шутку. Однако ответ на эту шутку будет серьезным: потому что такой тип уже не был бы типом, а означал бы абсолютную норму, идеальную гармонию. При этом убеждаешься в том, что феномен типа возникает именно из-за того, что из трех основных применений либидо в психической экономике было отдано предпочтение одному или двум за счет остальных.

Можно задать себе также вопрос, каково отношение этих либидинозных типов к патологии, не предрасположены ли некоторые из них к переходу в невроз и в таком случае какие типы к каким ведут формам. Ответ будет таков: установление этих либидинозных типов не проливает нового света на происхождение неврозов. Как показывает опыт, все эти типы способны жить без невроза. Чистые типы с бесспорным преобладанием отдельной психической инстанции, по-видимому, имеют больше перспектив проявляться в качестве картин характера в чистом виде, тогда как от смешанных типов можно было бы ожидать, что они предоставляют более благоприятную почву для возникновения невроза. Однако я полагаю, что относительно этих условий нельзя сказать ничего определенного без специально проведенной тщательной проверки.

Казалось бы, легко догадаться о том, что эротические типы в случае заболевания выявляют истерию, а навязчивые типы — невроз навязчивых состояний, однако здесь имеется точно такая же неопределенность. Нарциссические типы, которые при всей прочей своей независимости подвержены фрустрации со стороны внешнего мира, имеют особое предрасположение к психозу, а также располагают существенными условиями преступности.

Как известно, этиологические условия неврозов пока еще окончательно не выявлены. Поводами к неврозу являются осечки и внутренние конфликты, конфликты между тремя значительными психическими инстанциями, конфликты в либидинозном хозяйстве вследствие бисексуального предрасположения, между эротический и агрессивными компонентами влечений. Что делает патогенными эти процессы, принадлежащие нормальному психическому развитию, старается выяснить психология неврозов.

О женской сексуальности
(1931)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1931 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 17 (3), 317–332.
1934 *G. S.*, т. 12, 120–140.
1948 *G. W.*, т. 14, 517–537.

Первый вариант этой работы Фрейд, по-видимому, написал в конце февраля 1931 года, однако она была завершена только летом того же года (см. Jones, 1962*b*, т. 3, с. 199).

Данное исследование является, по существу, повторным изложением сведений, которые Фрейд впервые сообщил шестью годами раньше в работе «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925*j*); некоторые замечания об этом содержатся в «Предварительных замечаниях издателей» к этой статье, выше, с. 254 и далее. Публикация более ранней работы вызвала у психоаналитиков бурную реакцию, и, возможно, это побудило Фрейда еще раз обратиться к этой теме. Последняя часть данной работы содержит определенную критику многих работ других авторов, что весьма необычно для трудов Фрейда. Кроме того, несколько странно, что он представляет эти работы так, как будто они возникли спонтанно, а не в ответ — как это было на самом деле — на его собственную поистине революционную статью 1925 года, на которую он здесь также нигде не ссылается.

Во многих отношениях, однако, данная работа представляет собой расширенный вариант более ранней статьи. Фрейд (очевидно, опираясь на новые клинические данные) сильнее подчеркивает в ней интенсивность и значительную продолжительность доэдиповой привязанности маленькой девочки к матери. Но самый большой интерес, пожалуй, вызывает подробное обсуждение *активного* элемента в установке маленькой девочки к матери и в женственности вообще.

Примерно через год после появления этой работы Фрейд вернулся к вопросу о женской сексуальности в 33-й лекции «Нового цикла» (1933*a*). В ней он рассматривал тему точно так же, как в данной работе, хотя и несколько менее техническим образом; затем он закончил лекцию коротким обсуждением особенностей взрослой женщины.

I

В фазе нормального эдипова комплекса мы обнаруживаем, что ребенок нежно привязан к родителю противоположного пола, тогда как в отношении к родителю того же пола преобладает враждебность. Нам не доставляет никаких трудностей вывести этот результат для мальчика. Мать была для него первым объектом любви, она им и остается; с усилением любовных стремлений и более глубоким пониманием отношений между отцом и матерью отец становится соперником. Иначе обстоит дело у маленькой девочки. Ее первым объектом тоже все-таки была мать; как же она находит путь к отцу? Как, когда и почему она отделяется от матери? Мы давно поняли, что развитие женской сексуальности осложняется задачей отказаться от первоначальной ведущей генитальной зоны, клитора, в пользу новой, вагины[1]. Второе такое изменение, замена первоначального материнского объекта на отца, кажется нам теперь не менее характерной и важной для развития женщины. Каким образом обе задачи связаны друг с другом — этого мы пока решить не можем.

Как известно, женщины с сильной привязанностью к отцу встречаются очень часто; они также совсем не обязательно должны быть невротичными. На таких женщинах я произвел наблюдения, о которых здесь сообщаю и которые побудили меня к определенному пониманию женской сексуальности. Прежде всего мне здесь бросились в глаза два факта. Первый: там, где существовала особенно интенсивная привязанность к отцу, по данным анализа, до этого имелась фаза исключительной привязанности к матери — такой же интенсивной и страстной. Вторая фаза до смены объекта едва ли добавила любовной жизни новую черту. Первоначальная связь с матерью была очень богато и разносторонне обустроена.

Второй факт показал, что также и продолжительность этой привязанности к матери сильно недооценивалась. Во многих случаях она продолжалась до четвертого, а в одном — до пятого года, то есть

[1] [См. «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*), выше, с. 124–125.]

принимала гораздо большее участие в раннем расцвете сексуальности. Более того, нужно было считаться с возможностью, что множество женщин застревает на первоначальной привязанности к матери, и у них никогда не происходит настоящего поворота к мужчине.

Тем самым доэдипова фаза у женщины приобретает значение, которое мы до сих пор ей не приписывали.

Поскольку она располагает пространством для всякого рода фиксаций и вытеснений, к которым мы сводим возникновение неврозов, от универсальности тезиса, что эдипов комплекс является ядром невроза, по-видимому, приходится отказаться. Однако тот, кто ощущает сопротивление этой корректировке, не обязан ее делать. С одной стороны, эдипов комплекс можно наделить дополнительным содержанием, что он охватывает все отношения ребенка с обоими родителями, с другой стороны, можно также принять в расчет новые факты, указав, что женщина достигает нормальной позитивной эдиповой ситуации только после того, как она преодолела доисторический период, в котором господствовал негативный комплекс[1]. Действительно, в этой фазе отец предстает для девочки прежде всего надоедливым соперником, хотя враждебность к нему никогда не достигает величины, которая характерна для мальчика. От всех ожиданий полного параллелизма между мужским и женским сексуальным развитием мы давно уже отказались.

Знакомство с доэдиповой доисторической эпохой девочки производит такое же впечатление неожиданности, как в другой области — открытие минойско-микенской культуры позади греческой.

В этой области первой привязанности к матери мне все казалось таким трудно постижимым аналитически, таким древним, расплывчатым, едва ли реанимируемым, словно оно подверглось особенно безжалостному вытеснению. Но, возможно, это впечатление возникло из-за того, что во время анализа у меня женщины могли придерживаться той же самой отцовской привязанности, к которой они сбежали из рассматриваемой доисторической эпохи. По-видимому, аналитики-женщины, такие, как Жанна Лампль-де Гроот и Хелен Дойч, действительно могли легче и отчетливее воспринять такое положение вещей, поскольку им на помощь приходил перенос на подходящую замену матери, происходивший у их подопечных. Я также не довел дело до того, чтобы полностью просмотреть один случай, поэтому ограничиваюсь сообщением самых общих ре-

---

[1] [Фрейд обсуждает позитивный и негативный эдипов комплекс в главе III работы «Я и Оно» (1923*b*), *Studienausgabe*, т. 3, с. 300–301.]

зультатов и привожу только несколько проб из выявленных мною новых фактов. К ним относится то, что эта фаза привязанности к матери позволяет предполагать наличие особенно тесной связи с этиологией истерии, что не может удивлять, если иметь в виду, что и то и другое, фаза и невроз, относятся к особым характеристикам женственности; далее также, что в этой зависимости от матери обнаруживается зачаток будущей паранойи у женщины[1]. Ибо им, пожалуй, является неожиданный, но регулярно встречающийся страх оказаться убитой (съеденной?) матерью. Напрашивается предположение, что страх соответствует враждебности, которая развивается у ребенка к матери вследствие многочисленных ограничений, связанных с воспитанием и гигиеной тела, и что механизму проекции содействует ранний период психической организации[2].

II

Я предпослал два факта, которые обратили на себя мое внимание как новые, что сильная зависимость женщины от отца возникает лишь как наследие такой же сильной привязанности к матери и что эта более ранняя фаза длится неожиданно долго. Теперь я хочу вернуться, чтобы включить эти результаты в ставшую нам известной картину женского сексуального развития, при этом нельзя будет избежать повторения. Непрерывное сравнение с условиями у мужчины может принести нашему изложению только пользу.

Прежде всего несомненно, что бисексуальность, которая, как утверждается, принадлежит к человеческим задаткам, у женщины проявляется гораздо отчетливее, чем у мужчины. Ведь мужчина имеет лишь одну ведущую половую зону, половой орган, тогда как женщина обладает двумя: собственно женской вагиной и аналогичным мужскому члену клитором. Мы считаем правомерным предположить, что долгие годы вагина фактически не существует и, вероятно, поставляет ощущения только к пубертатному периоду. Однако в последнее время все чаще раздаются голоса наблюдателей, которые относят появление вагинальных импульсов к этому раннему возрасту. Стало быть, главное из того, что происходит с генитально-

---

[1] В известном случае Рут Мак Брунсвик («Анализ одного случая бреда ревности», 1928) болезнь непосредственно вытекает из доэдиповой фиксации (на сестре). [Ср. также работу самого Фрейда «Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории» (1915*f*).]

[2] [Страх девочки оказаться убитой матерью, кроме того, обсуждается ниже, на с. 286–287.]

стью в детстве, у женщины должно разыгрываться в клиторе. Половая жизнь женщины обычно распадается на две фазы, первая из которых носит мужской характер; только вторая является специфически женской. Таким образом, в женском развитии имеется процесс перехода одной фазы в другую, которому у мужчины нет ничего аналогичного. Следующее осложнение возникает из-за того, что функция мужского клитора переходит в более позднюю женскую половую жизнь весьма изменчивым и не совсем понятым образом. Разумеется, мы не знаем, какую биологическую подоплеку имеют эти особенности женщины; еще меньше мы можем приписать им телеологическое намерение.

Наряду с этим первым важным различием имеется также другое в области нахождения объекта. У мужчины мать становится первым объектом любви под влиянием того, что она предоставляет пищу и осуществляет уход за телом, и она остается таковым до тех пор, пока не заменяется объектом, сходным с нею по сути или производным от нее. Также и у женщины мать должна быть первым объектом. Ведь первоначальные условия выбора объекта для всех детей одинаковы. Однако в конце развития мужчина-отец должен стать новым объектом любви, то есть смене пола у женщины должна соответствовать смена пола объекта. В качестве новых задач исследования здесь возникают вопросы, какими путями происходит это изменение, насколько основательно или не полностью оно осуществляется, какие различные возможности выявляются при таком развитии.

Мы также уже признали, что в отношении к эдипову комплексу имеется еще одно различие полов. Нам представляется, что наши высказывания об эдиповом комплексе со всей строгостью относятся только к ребенку мужского пола и что мы поступаем правильно, отказываясь от названия «комплекс Электры»[1], которым хотят подчеркнуть аналогию в поведении обоих полов. Судьбоносное отношение одновременной любви к одному родителю и ненависти, продиктованной соперничеством, к другому родителю устанавливается только у ребенка мужского пола. Затем открытие им при виде женских гениталий возможности кастрации приводит к преобразованию эдипова комплекса, влечет за собой создание Сверх-Я и таким образом приводит в действие все процессы, которые нацелены на включение индивида в культурное сообщество. После интернализации

[1] [Этот термин использовал Юнг в своей работе «Попытка изложения психоаналитической теории» (1913, 370).]

отцовской инстанции в Сверх-Я необходимо решить следующую задачу — отделить последнее от людей, которых оно психически представляло первоначально. На этом необычном пути развития именно нарциссический генитальный интерес, то есть заинтересованность в сохранении пениса, был использован для ограничения инфантильной сексуальности[1].

У мужчины от влияния комплекса кастрации остается также некоторая степень презрения к женщине, которая признается кастрированной. В крайнем случае из-за него возникает торможение при выборе объекта, а при поддержке со стороны органических факторов развивается исключительный гомосексуализм. Совершенно иными являются воздействия комплекса кастрации у женщины. Женщина признает факт своей кастрации и тем самым также превосходство мужчины и свою собственную неполноценность, но она также противится этому неприятному положению вещей. Из этой противоречивой установки вытекают три направления развития. Первое ведет к общему отказу от сексуальности. Маленькая женщина, напуганная сравнением с мальчиком, становится недовольной своим клитором, отказывается от фаллической деятельности и тем самым от сексуальности вообще, а также от значительной части мужественности в других областях. Второе направление в упорном самоутверждении придерживается оказавшейся под угрозой мужественности; надежда когда-нибудь получить пенис сохраняется до невероятно поздних времен, возвышается до цели жизни, а фантазия вопреки всему быть мужчиной зачастую остается формообразующей на долгие периоды жизни. Также и этот «комплекс мужественности» у женщины может вылиться в явно гомосексуальный выбор объекта. И только третье направление развития, выбирающее окольный путь, завершается нормальным для женщины конечным формообразованием, в котором отец принимается в качестве объекта и, таким образом, эдипов комплекс находит свою женскую форму. Следовательно, эдипов комплекс является у женщины конечным результатом более длительного развития, он не разрушается под влиянием кастрации, а им создается, он избегает сильных враждебных влияний, которые у мужчины воздействуют на него разрушительно, более того, очень часто он вообще не преодолевается женщиной. Поэтому также и культурные результаты его распада менее значительны и важны. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что это

---

[1] [По поводу всех этих рассуждений см. работу «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*), выше, с. 245 и далее.]

различие во взаимоотношении эдипова комплекса и комплекса кастрации накладывает свой отпечаток на характер женщины как социального существа[1].

Таким образом, фаза исключительной привязанности к матери, которую можно назвать *доэдиповой*, притязает на то, чтобы иметь у женщины гораздо большее значение по сравнению с мужчиной. Многие явления женской сексуальной жизни, которые раньше не совсем были доступны пониманию, находят полное свое объяснение в сведении к ней. Мы, например, давно замечали, что многие женщины, выбравшие себе мужа по образцу отца или поставившие его на место отца, тем не менее в браке воспроизводят на нем свое плохое отношение к матери[2]. Он должен был унаследовать отношение к отцу, а в действительности наследует отношение к матери. Это легко понять как естественный случай регрессии. Отношение к матери было первоначальным, на нем основывалась привязанность к отцу, и теперь то, что было первоначальным, но вытесненным, проявляется в браке. Переписывание аффективных привязанностей с материнского объекта на отцовский как раз и составляет основное содержание развития, ведущего к женственности.

Если в отношении столь многих женщин мы получаем впечатление, что период их зрелости заполняется борьбой с супругом, тогда как их юность проходит в борьбе с матерью, то в свете предыду' замечаний мы сделаем вывод, что враждебная установка к матери ' является следствием соперничества, присущего эдипову комплек' а проистекает из более ранней фазы и лишь получает подкрепление и находит применение в эдиповой ситуации. Это подтверждается также непосредственным аналитическим исследованием. Наше вни-

---

[1] Можно предвидеть, что феминисты среди мужчин, но также и наши ан литики-женщины не согласятся с этими рассуждениями. Они едва ли смогу удержаться от возражения, что такие теории происходят от «комплекса муже ственности» мужчины и должны служить тому, что создать теоретическое оправдание его врожденной склонности к принижению и подавлению женщины. Однако такая психоаналитическая аргументация в этом случае, как это часто бывает, напоминает о знаменитой «палке о двух концах» Достоевского. Противники со своей стороны будут считать понятным, что женский пол не захочет принимать то, что кажется противоречащим вожделенному равенству с мужчиной. Агональное применение анализа, очевидно, не приводит к решению. [Это сравнение Достоевского применительно к психологии встречается в «Братьях Карамазовых», а именно в речи защиты в процессе Дмитрия. Фрейд уже цитировал его в работе «Достоевский и отцеубийство» (1928*b*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 282. – Относительно «комплекса мужественности» см. также выше, с. 261 и прим. 2.]

[2] [Ср. «Табу девственности» (1918*a*), выше, с. 223 и далее.]

мание должно быть обращено на механизмы, которые стали действенными при отходе от столь сильно и исключительно любимого материнского объекта. Мы подготовлены к тому, чтобы искать не один-единственный такой момент, а целый ряд таких моментов, которые взаимодействуют для достижения одинаковой конечной цели.

Среди них выделяются несколько моментов, которые вообще обусловлены обстоятельствами инфантильной сексуальности, то есть в равной мере относятся к любовной жизни мальчика. В первую очередь здесь нужно назвать ревность к другим людям, к братьям и сестрам, соперникам, среди которых находится место и для отца. Детская любовь беспредельна, требует исключительного отношения, не позволяет себе довольствоваться частями. Вторая же особенность состоит в том, что эта любовь, собственно говоря, бесцельна, не способна к полному удовлетворению и поэтому, в сущности, обречена закончиться разочарованием, чтобы освободить место враждебной установке. В более поздние периоды жизни отсутствие конечного удовлетворения может содействовать другому исходу. Этот момент, как и в случае целезаторможенных любовных катексисов, может способствовать сохранению любовного катексиса, но под натиском процессов развития обычно случается так, что либидо покидает неудовлетворительную позицию, чтобы отыскать новую.

Другой гораздо более специфический мотив к отходу от матери возникает под воздействием комплекса кастрации на существо, лишенное пениса. Однажды маленькая девочка совершает открытие своей органической неполноценности; разумеется, ей удается это сделать раньше и легче, если у нее есть братья или рядом имеются другие мальчики. Мы уже слышали, в каких трех направлениях расходятся в таком случае пути развития: *а)* к прекращению всей сексуальной жизни; *б)* к упорному и усиленному подчеркиванию мужественности; *в)* к началу образования окончательной женственности. Установить более точные даты и определить типичные формы течения здесь не просто. Уже момент обнаружения кастрации изменчив, некоторые другие факторы представляются непостоянными и зависящими от случая. Необходимо учитывать состояние собственной фаллической деятельности, а также то, обнаруживается она или нет и в какой степени она подвергается сдерживанию после обнаружения.

Собственная фаллическая деятельность, мастурбация клитора, чаще всего обнаруживается маленькой девочкой спонтанно, и, несомненно, вначале она не сопровождается фантазиями. С влия-

---

[Ср. «Три очерка по теории сексуальности» выше, с. 124.]

нием ухода за телом на ее пробуждение нужно считаться из-за столь часто встречающейся фантазии, в которой мать, нянька или воспитательница предстает соблазнительницей[1]. Является ли онанизм девочек более редким и с самого начала менее энергичным, чем у мальчиков, — это еще вопрос; хотя такое вполне возможно. Довольно часто встречается также и действительное соблазнение, оно исходит либо от других детей, либо от воспитателей, которые хотят ребенка успокоить, убаюкать или сделать зависимым от себя. Там, где воздействует соблазнение, оно регулярно нарушает естественное течение процессов развития и зачастую приводит к значительным и стойким последствиям.

Запрет мастурбации становится, как мы слышали, поводом для того, чтобы от нее отказаться, но также мотивом для протеста против запрещающего лица, то есть матери или человека, заменяющего мать, который позднее обычно с нею сливается. Упрямое утверждение мастурбации, по-видимому, открывает путь к мужественности. Также и в том случае, если ребенку не удалось подавить мастурбацию, воздействие внешне бессильного запрета проявляется в его последующем стремлении всеми средствами избавиться от удовлетворения, внушающего ему отвращение. Это сохраняющееся намерение может также повлиять на выбор объекта зрелой девушки. Неприязнь из-за ограничения свободной сексуальной деятельности играет важную роль в отделении от матери. Этот же мотив вновь будет проявлять свое действие также и после пубертата, если мать считает своим долгом оберегать целомудрие дочери. Разумеется, мы не будем забывать о том, что мать точно так же борется с мастурбацией мальчика и таким образом также и у него создает сильнейший мотив к протесту.

Когда маленькая девочка, увидев мужские гениталии, узнает о собственном дефекте, она не принимает нежелательное поучение без колебаний и без сопротивления. Как мы слышали, ожидание однажды также получить такие гениталии упорно сохраняется, и это желание еще долгое время остается после того, как пропадает надежда. Во всех случаях ребенок вначале считает кастрацию лишь личной невзгодой, и только позднее он распространяет ее также на отдельных детей, а в конце концов и на отдельных взрослых. С пониманием всеобщности этой негативной особенности происходит значительное обесценивание женственности, стало быть, также и матери.

---

[1] [Более подробное обсуждение см. ниже, с. 287.]

Вполне возможно, что предыдущее описание того, как маленькая девочка относится к кастрации и запрещению онанизма, вызывает у читателя впечатление запутанности и противоречивости. Это не совсем вина автора. В действительности абсолютно правильное изображение едва ли возможно. У разных индивидов встречаются самые разнообразные реакции, у одного и того же индивида рядом друг с другом существуют противоположные установки. С первым вмешательством запрета возникает конфликт, который отныне будет сопровождать развитие сексуальной функции. Это означает также особую трудность для понимания того, почему прикладываются такие большие усилия, чтобы отличить психические процессы этой первой фазы от более поздней, из-за которой они перекрываются и искажаются при воспоминании. Так, например, факт кастрации позднее начинает пониматься как наказание за онанистическую деятельность, осуществление которого, однако, приписывается отцу, что, разумеется, не может быть первоначальным. Также и мальчик обычно опасается кастрации со стороны отца, хотя и в его случае угроза чаще всего исходит от матери.

Как бы то ни было, в конце этой первой фазы привязанности к матери в качестве сильнейшего мотива к отходу от нее возникает упрек в том, что она не наделила ребенка правильными гениталиями, то есть родила его девочкой[1]. Не без удивления можно услышать другой упрек, который не заходит так далеко: мать давала ребенку слишком мало молока, недостаточно долго его кормила. В наших культурных условиях может показаться, что очень часто это соответствует действительности, но, несомненно, такое встречается не так часто, как утверждается в анализе. Скорее похоже на то, что это обвинение является выражением общего недовольства детей, которые в культурных условиях моногамии после шести-девяти месяцев отлучаются от материнской груди, тогда как у примитивных людей мать от двух до трех лет посвящает себя исключительно своему ребенку, как будто наши дети навсегда остались несытыми, как будто они никогда достаточно долго не сосали грудь матери. Однако я не уверен, не столкнулись ли бы мы при анализе детей, которых кормили грудью так же долго, как детей примитивных людей, с той же самой жалобой. Столь велика жадность детского либидо! Если окинуть взглядом весь ряд мотивировок отхода от матери,

---

[1] [Фрейд указывает на это также в конце раздела I своего сочинения «Некоторые типы характера из психоаналитической практики» (1916*d*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 235.]

которые выявляет анализ: что она не оснастила девочку единственно правильными гениталиями, что она недостаточно ее кормила, заставила ее делиться материнской любовью с другими, что она так никогда и не исполнила всех ожиданий любви и, наконец, что сначала она побудила девочку заняться сексуальной деятельностью, а затем ее запретила, — то все они покажутся недостаточными для оправдания конечной враждебности. Одни из них являются неизбежными следствиями характера инфантильной сексуальности, другие берутся из придуманных позднее рационализаций непонятного изменения чувства. Возможно, получается так, что привязанность к матери должна исчезнуть как раз потому, что она является первой и столь интенсивной, подобно тому, как это так часто можно наблюдать в первых браках молодых женщин, заключенных под влиянием самой сильной влюбленности. Здесь, как и там, любовная установка терпит крушение от неминуемых разочарований и накопления поводов к агрессии. Как правило, вторые браки имеют гораздо лучший исход.

Мы не можем заходить так далеко, чтобы утверждать, что амбивалентность эмоциональных катексисов представляет собой всеобщий психологический закон, что вообще невозможно испытывать большую любовь к человеку, не присоединяя к ней, возможно, такую же большую ненависть, или наоборот. Нормальному взрослому человеку, без сомнения, удается отделить обе установки друг от друга, не ненавидеть объект своей любви и не любить также своего врага. Однако это представляется результатом более позднего развития. Очевидно, в первых фазах любовной жизни амбивалентность — явление регулярное. У многих людей эта архаическая черта сохраняется всю жизнь; для лиц, страдающих неврозом навязчивости, характерно то, что в их объектных отношениях любовь и ненависть взаимно уравновешиваются. Также и относительно примитивных людей мы можем утверждать преобладание амбивалентности[1]. Таким образом, интенсивная привязанность маленькой девочки к своей матери должна быть в значительной степени амбивалентной и при содействии других моментов именно из-за этой амбивалентности оттесняться к отходу от нее, то есть опять-таки вследствие общего характера инфантильной сексуальности.

В пику этой попытке объяснения тотчас встает вопрос: почему же мальчикам удается спокойно придерживаться своей несомнен-

---

[1] [См. «Тотем и табу» (1912–1913), в нескольких местах, особенно во второй статье.]

но, не менее интенсивной привязанности к матери? Так же быстро готов ответ: потому что им удается покончить со своей амбивалентностью к матери, поместив все свои враждебные чувства у отца. Но во-первых, этот ответ не следует давать, пока подробно не изучена доэдипова фаза у мальчиков, и, во-вторых, наверное, вообще более осмотрительно будет признаться, что эти процессы, с которыми мы только что познакомились, пока еще далеко не ясны.

III

Следующий вопрос гласит: чего требует маленькая девочка от матери? Каковы ее сексуальные цели в тот период исключительной привязанности к матери? Ответ, который вытекает из аналитического материала, полностью совпадает с нашими ожиданиями. Сексуальные цели девочки в отношении матери имеют как активную, так и пассивную природу, и они определяются либидинозными фазами, через которые проходит ребенок. Отношение активности к пассивности заслуживает здесь нашего особого внимания. Легко обнаружить, что в каждой области психического переживания, не только в области сексуальности, пассивно воспринятое впечатление вызывает у ребенка тенденцию к активной реакции. Он пытается сделать сам то, что недавно делали с ним. Это является частью возложенной на него работы по освоению внешнего мира и может даже привести к тому, что он будет стараться повторить такие впечатления, которых из-за их неприятного содержания имел бы все основания избегать. Также и детская игра служит этому намерению — дополнить пассивное переживание активным действием и таким способом как бы его устранить. Если врач открывает рот сопротивляющемуся ребенку, чтобы осмотреть его горло, то после его ухода ребенок с удовольствием будет играть во врача и повторять насильственную процедуру с маленьким братом или сестричкой, которые столь же беспомощны перед ним, как и он был перед доктором. При этом очевидны протест против пассивности и предпочтение активной роли. Не у всех детей этот переход от пассивности к активности происходит одинаково регулярно и энергично, у некоторых он может отсутствовать. Из этого поведения ребенка можно сделать вывод об относительной силе мужественности и женственности, которую ребенок проявит в своей сексуальности.

Первые сексуальные и сексуально окрашенные переживания ребенка в отношении матери, разумеется, имеют пассивную приро-

ду. Она дает ему грудь, кормит, одевает, следит за чистотой и естественными отправлениями. Часть либидо ребенка фиксируется на этих переживаниях и наслаждается с ними связанным удовлетворением, другая часть пытается обратить их в активность. Пассивное кормление на груди матери сменяется активным сосанием. В других отношениях ребенок довольствуется либо самостоятельностью, то есть тем результатом, что он совершает то, что до сих пор с ним происходило. либо активным повторением пассивных переживаний в игре, либо он действительно делает мать объектом, в отношении которой выступает в качестве активно действующего субъекта. Последнее из того, что происходит в сфере собственной деятельности, долгое время мне казалось невероятным, пока опыт не опроверг всякое сомнение в этом.

Нечасто приходится слышать о том, что маленькая девочка хочет помыть мать, одеть ее или напомнить ей о необходимости справить естественные потребности. Хотя иногда она говорит: «Давай поиграем, я буду мамой, а ты ребенком», однако чаще всего она исполняет эти активные желания косвенным способом в игре с куклой, в которой сама она изображает мать, а кукла — ребенка. Предпочтение игры с куклой у девочки в противоположность мальчику обычно понимается как признак рано пробуждающейся женственности. Вполне справедливо, но только нельзя упускать из виду, что здесь проявляется *активность* женственности и что это предпочтение девочки, вероятно, свидетельствует об исключительной привязанности к матери при полном пренебрежении отцовским объектом.

Столь неожиданная сексуальная активность девочки в отношении матери в хронологической последовательности выражается в оральных, садистских и, наконец, фаллических стремлениях, направленных на мать. Здесь трудно сообщить детали, ибо речь зачастую идет о смутных импульсах влечений, которые в то время, когда они возникали, ребенок не мог постичь психически и которые поэтому сперва подверглись более истолкованию задним числом и только затем проявились в анализе в формах выражения, которые. разумеется, вначале им не были свойственны. Иногда они попадаются нам в виде переноса на более поздний отцовский объект, где они неуместны и ощутимо препятствуют пониманию. Агрессивные оральные и садистские желания встречаются в форме, которую они становятся вынужденными принять из-за раннего вытеснения, в виде страха быть убитым матерью, который, если осознается, в свою очередь оправдывает желание смерти матери. Как часто этот страх пе-

ред матерью опирается на бессознательную враждебность матери, о которой догадывается ребенок, — этого указать нельзя. [Ср. с. 277 выше.] (До сих пор страх оказаться съеденным я обнаруживал только у мужчин, он относится к отцу, но, вероятно, является продуктом превращения оральной агрессии, направленной на мать. Хотят съесть мать, которая кормила; в случае отца для этого желания близлежащий повод отсутствует.)

Лица женского пола с сильной привязанностью к матери, у которых я имел возможность изучать доэдипову фазу, единодушно рассказывали, что обычно, когда им мать ставила клизму или делала промывание кишечника, они оказывали сильнейшее сопротивление и реагировали на это страхом и яростным криком. Это вполне может быть очень частым или даже регулярным поведением детей. К пониманию причин такого необычайно сильного сопротивления я пришел только благодаря одному замечанию Рут Мак Брунсвик, которая одновременно со мной занималась указанными проблемами; она сравнивает вспышку ярости после клизмы с оргазмом после генитального раздражения. При этом страх следует понимать как преобразование возбужденного агрессивного желания. Я думаю, что это действительно так и что на анально-садистской ступени на интенсивное пассивное раздражение зоны кишечника ребенок отвечает вспышкой агрессии, которая проявляется непосредственно в виде ярости или вследствие ее подавления — в виде тревоги. По-видимому, в более поздние годы эта реакция исчезает.

Среди пассивных импульсов фаллической фазы выделяется то, что девочка регулярно обвиняет мать как соблазнительницу, поскольку она должна была испытать первые или же самые сильные генитальные ощущения во время мероприятий, связанных с уходом за телом, которые осуществляла мать (или заменявшая ее няня). О том, что ребенку могли нравиться эти ощущения и он просил мать усиливать их повторным прикосновением и трением, мне часто рассказывали матери в качестве наблюдения за своими двух- или трехлетними дочерями. Тот факт, что мать неизбежно открывает ребенку фаллическая фазу, я делаю ответственным за то, что в фантазиях в более поздние годы отец регулярно выступает в качестве сексуального соблазнителя. С отходом от матери было переписано на отца также и вступление в половую жизнь[1].

---

[1] [Это является заключительной фазой длительного развития. Когда истерические пациентки Фрейда рассказывали ему в первых проводимых им анализах, что в детстве были соблазнены отцом, он принимал эти откровения за чис-

В фаллической фазе наконец также осуществляются интенсивные *активные* побуждения-желания в отношении матери. Сексуальная деятельность в это время достигает кульминации в мастурбации клитора, при этом, вероятно, ребенок представляет себе мать, но приводит ли это ребенка к представлению сексуальной цели и какова эта цель, — об этом, если исходить из моего опыта, догадаться нельзя. И только когда все интересы ребенка получили новый импульс из-за появления братика или сестрички, можно ясно распознать такую цель. Маленькая девочка хочет сделать матери этого нового ребенка, в точности как мальчик, и также ее реакция на это событие и ее поведение по отношению к ребенка являются точно такими же. Это звучит довольно абсурдно, но, вероятно, только из-за того, что кажется нам столь необычным.

Отход от матери — крайне важный шаг на пути развития девочки, он представляет собой нечто большее, чем просто смена объекта. Мы уже описали ход событий и накопление мнимых мотивировок, теперь добавим, что наряду с ним можно наблюдать значительное понижение активных и повышение пассивных сексуальных побуждений. Разумеется, активные стремления были сильнее затронуты отказом, они оказались совершенно невыполнимыми и поэтому также либидо оставляет их значительно проще, однако и на стороне пассивных стремлений нет недостатка в разочарованиях. Зачастую с отходом от матери начинается также клиторальная мастурбации, довольно часто в результате вытеснения прежней мужественности маленькой девочки наносится стойкий вред значительной части ее сексуальной жизни вообще. Переход к отцовскому объекту осуществляется с помощью пассивных стремлений, если только им удалось избежать ниспровержения. Теперь путь к развитию женственности у девочки свободен, поскольку он не сужен остатками преодоленной доэдиповой привязанности к матери.

Если теперь окинуть взглядом описанную здесь часть женского сексуального развития, то нельзя будет уклониться от определенного суждения о женственности в целом. Мы обнаружили действенными те же либидинозные силы, что и у ребенка мужского пола,

---

тую монету и считал такие травмы причиной болезни. Однако вскоре он признал ошибку и понял важный факт, что эти явно неверные воспоминания скорее представляли собой фантазии-желания; этот вывод открыл ему путь к пониманию эдипова комплекса. Только в вышеуказанном пассаже Фрейд дает полное объяснение этих мнимых воспоминаний. Еще подробнее он обсуждает эпизод в 33-й лекции «Нового цикла» (1933 а), *Studienausgabe*, т. 1, с. 551–552.]

смогли убедиться, что здесь, как и там, они какое-то время прокладывают те же пути и достигают одинаковых результатов.

Затем биологические факторы отклоняют [в случае девочки] их от своих первоначальных целей и направляют активные, в любом значении мужские стремления в русло женственности. Поскольку мы не можем опровергнуть сведение сексуального возбуждения к воздействию определенных химических веществ, прежде всего возникает надежда, что однажды биохимия представит нам разные вещества, наличие которых вызывает сексуальное возбуждение у мужчин и женщин. Однако эта надежда кажется не менее наивной, чем другая, сегодня, к счастью, оставленная, что под микроскопом удастся найти по отдельности возбудители истерии, невроза навязчивых состояний, меланхолии и т. д.

Также и в сексуальной химии должно происходить нечто более сложное[1]. Однако для психологии безразлично, имеется в теле одно-единственное сексуально возбуждающее вещество, или два вещества, или их огромное множество. Психоанализ учит нас обходиться единственным либидо, которое знает, однако, активные и пассивные цели, то есть виды удовлетворения. В этой противоположности, прежде всего в существовании либидинозных стремлений с пассивными целями, содержится остаток проблемы.

IV

Если просмотреть аналитическую литературу по интересующему нас предмету, то убеждаешься, что все, о чем я здесь говорил, уже там имеется[2]. Было бы излишне публиковать эту работу, если бы в столь трудно доступной области не было ценным каждое сообщение о собственных наблюдениях и личных мнениях. Также и я кое-что понял более четко и более тщательно отделил. В некоторых других статьях изложение является путаным из-за одновременного обсуждения проблем Сверх-Я и чувства вины. Этого я

[1] [Ср. обсуждение значения химии для сексуальных процессов, которое было включено Фрейдом в 1920 году в «Три очерка по теории сексуальности», выше, с. 119–120. Там также приведена более старая формулировка из первого издания книги (в редакторском примечании на странице 120).]

[2] [Следует отметить, что более новые труды других авторов, которые обсуждаются в дальнейшем, появились *после* работы Фрейда об анатомическом различии полов (1925*j*). См. также «Предварительные замечания издателей», выше, с. 274.]

избежал, при описании различных исходов этой фазы развития я также не обсуждал осложнения, возникающие в том случае, если ребенок вследствие разочарования в отце возвращается к уже оставленной привязанности к матери или же в течение жизни постоянно переходит от одной установки к другой. Но именно потому, что моя работа представляет собой лишь один вклад в понимание проблемы среди прочих, я вправе отказаться от детальной оценки литературы и могу ограничиваться тем, что подчеркну более существенные соответствия с одними и более важные расхождения с другими из этих работ.

В поистине непревзойденное пока описание Абрахама форм выражения женского комплекса кастрации (1921) можно было бы ввести момент изначально исключительной привязанности к матери. С важной работой Жанны[1] Лампль-де Гроот (1927) я должен согласиться в существенных пунктах. Здесь признается полная идентичность доэдиповой фазы у мальчика и девочки, отмечается и подтверждается наблюдениями сексуальная (фаллическая) активность девочки в отношении матери. Отход от матери объясняется влиянием осознания кастрации, которое вынуждает ребенка отказаться от сексуального объекта и вместе с тем зачастую также от онанизма; все развитие описывается формулой, что девочка проходит фазу «негативного» эдипова комплекса, прежде чем вступить в позитивный. Недостаток этой работы я нахожу в том, что отход от матери изображается в ней как простая смена объекта и не обращается внимание на то, что он происходит при самых явных признаках враждебности. Эта враждебность находит полную оценку в последней работе Хелен Дойч (1930), где также признаются фаллическая активность девочки и интенсивность привязанности к матери. Х. Дойч также указывает, что обращение к отцу происходит путем (уже пробудившихся с матерью) пассивных стремлений. В своей ранее опубликованной книге «Психоанализ женских сексуальных функций» (1925) автор еще не отказался от применения эдиповой схемы также и к доэдиповой фазе и поэтому трактует фаллическую активность девочки как идентификацию с отцом.

Фенихель (1930) справедливо указывает на сложность распознавания того, что в материале, собранном во время анализа, имеет неизменное содержание доэдиповой фазы и что в нем регрессивно (или иным образом) искажено. Он не признает фаллической актив-

---

[1] По желанию автора я исправляю так ее имя, которое в «Журнале» указано как А. Л. де Гр.

ности девочки в понимании Жанны Лампль-де Гроот, также возражает против предпринятого Мелани Кляйн (1928) «переноса на более ранний срок» эдипова комплекса, возникновение которого она относит уже к началу второго года жизни. Такое хронологическое приурочение, которое неизбежно меняет также понимание всех других условий развития, на самом деле не согласуется с результатами анализа взрослых и совершенно несовместимо с моими данными о большой продолжительности доэдиповой привязанности девочек к матери. Путь к ослаблению этого противоречия указывает замечание, что в этой области мы пока еще не способны отличить то, что жестко установлено биологическими законами и что под влиянием случайных переживаний является изменчивым и подвижным. Как это уже давно известно о воздействии соблазнения, ускорение и созревание детского сексуального развития могут также вызывать и другие моменты: время рождения брата или сестры, время обнаружения полового различия, непосредственное наблюдение полового сношения, привлекающее или отвергающее поведение родителей и др.

У некоторых авторов проявляется склонность принизить значение первоначальных либидинозных побуждений ребенка в пользу более поздних процессов развития, так что тем — в крайнем выражении — остается лишь роль указывать определенные направления, тогда как [психические] интенсивности[1], которые прокладывают эти пути, оспариваются более поздними регрессиями и реактивными образованиями. Так, например, К. Хорни (1926) считает, что первоначальная зависть к пенису девочки нами значительно переоценивается, тогда как интенсивность позднее проявляющегося стремления к мужественности следует приписать вторичной зависти к пенису, которая используется для защиты от женских побуждений, в частности от женской привязанности к отцу. Это не соответствует моим впечатлениям. Каким бы надежным ни был факт последующих усилений вследствие регрессии и реактивного образования и как бы ни было трудно произвести относительную оцен-

[1] [Фрейд не часто говорит об «интенсивности» так, как в этом месте, то есть без детального определения. Здесь он использует это слово как эквивалент «количества» — термина, которому он отдавал предпочтение в своем «Проекте психологии» (Freud, 1950*a* [1895]). В метапсихологической работе «Вытеснение» (1915*d*) термин «количество» приравнивается к «энергии влечения», а в главе V опубликованного после смерти Фрейда «Очерка психоанализа» (1940*a* [1938]) он говорил о «психических интенсивностях», или, как было добавлено в скобках, «катексисах».]

ку сливающихся компонентов либидо, я все же считаю, что мы не должны упускать из виду, что тем первым либидинозным побуждениям присуща интенсивность, которая превосходит все более поздние интенсивности и которую, собственно говоря, можно назвать несоизмеримой. Разумеется, верно, что между привязанностью к отцу и комплексом мужественности существует противоположность — это общая противоположность между активностью и пассивностью, мужественностью и женственностью, — но это не дает нам права считать, что только это является первоначальным, а все остальное обязано своей силой только защите. И если защита от женственности столь энергично отбрасывается, откуда иначе она может получать свою силу, кроме как из стремления к мужественности, которое нашло свое первое выражение в зависти ребенка к пенису и поэтому заслуживает такого названия?

Аналогичное возражение относится к точке зрения Джонса (1928), согласно которой фаллическая стадия у девочки скорее является вторичной защитной реакцией, а не фактической стадией развития. Это не соответствует ни динамическим, ни временным условиям

Приложение

БИБЛИОГРАФИЯ

Предварительное замечание. Названия книг и журналов выделены курсивом, названия статей в журналах или книгах заключены в кавычки. Сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (Лондон, 1963–1965). Другие используемые в этом томе сокращения разъясняются в «Списке сокращений» на с. 410 Цифры в круглых скобках в конце библиографических пометок означают страницы данного тома, где даются ссылки на данную работу. Выделенные курсивом буквы после указания года издания приведенных ниже сочинений Фрейда относятся к библиографии Фрейда, представленной в последнем томе англоязычного собрания сочинений «Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud». Расширенный вариант этой библиографии на немецком языке содержится в томе «Freud-Bibliographie mit Werkkonkordanz», подготовленном Ингеборг Мейер-Пальмедо и Герхардом Фихтнером (издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1989). Список авторов, труды которых не относятся к научной литературе, или ученых, труды которых не упоминаются, см. в разделе «Именной указатель».

Abraham, K. (1916) «Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwicklungsstufe der Libido», *Int, Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 4, с. 71. Переиздание в: K. Abraham, *Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung* (und andere Schriften), hrsg. von J. Cremerius, *Conditio humana,* Frankfurt am Main, 1969, с. 84; (2-е изд., под названием *Psychoanalytische Studien I,* 1971.)

(1921) «Äußerungsformen des weiblichen Kastrationskomplexes», *Int. Z. Psychoanal.*, т. 7, с. 422. Переиздание в: K. Abraham, *Psychoanalytische Studien II,* hrsg. von J. Cremerius, *Conditio humana,* Frankfurt am Main, 1971, с. 69.

(1924) *Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido,* Leipzig, Wien, Zürich. Переиздание в: K. Abraham, *Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung* (und andere Schriften), hrsg. von J. Cremerius, *Conditio humana,* Frankfurt am Main, 1969, с. 113; (2-е изд., под названием *Psychoanalytische Studien I,* 1971.)

Adler, A. (1910) «Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose», *Fortschr. Med.*, т. 28, с. 486.

Andreas-Salome, L. (1916) «"Anal" und "Sexual"», *Imago*, т. 4, с. 249.

Arduin (1900) «Die Frauenfrage und die sexuellen Zwischenstufen», *Jb. sex. Zwischenstufen*, т. 2.

Baldwin, J. M. (1895) *Mental Development in the Child and the Race*, New York.

Bartels, M., Ploss, H. H. (1891) *см.* Ploss, H. H., Bartels, M. (1891)

Bayer, H. (1902) «Zur Entwicklungsgeschichte der Gebärmutter«, *Dt. Arch. klin. Med.*, т. 73, с. 422.

Bell, J. Sanford (1902) «A Preliminary Study of the Emotion of Love between the Sexes», *Am. J. Psychol.*, т. 13 с. 325.

Binet, A. (1888) *Études de psychologie expérimentale: le fétichisme dans l'amour*, Paris.

Bleuler, E. (1908) «Sexuelle Abnormitäten der Kinder», *Jb. Schweiz. Ges. Schulgesund Pfl.*, т. 9, с. 623.

(1913) «Der Sexualwiderstand», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 5, с. 442.

Bloch, I. (1902–1903) *Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia sexualis* (2 тома), Dresden.

Breuer, J., Freud, S. (1893) *см.* Freud, S. (1893*a*)

(1895) *см.* Freud, S. (1895*d*)

Brunswick, R. Mack (1928) «Die Analyse eines Eifersuchtswahnes», *Int. Z. Psychoanal.*, т. 14, с. 458.

Chevalier, J. (1893) *L'inversion sexuelle*, Lyon.

Crawley, E. (1902) *The Mystic Rose, a Study of Primitive Marriage*, London.

Dekker, E. D. (1906) *см.* «Multatuli» (1906)

Dessoir, M. (1894) «Zur Psychologie der Vita sexualis», *Allg. Z. Psychiat.*, т. 50, с. 941.

Deutsch, H (1925) *Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen*, Wien.

(1930) «Der feminine Masochismus und seine Beziehung zur Frigidität», *Int. Z. Psychoanal.* т. 16, с. 172.

Diskussionen der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung, Heft II (1912) *Die Onanie*, Wiesbaden.

Dulaure, J. A. (1905) *Des divinités génératrices*, Paris. (1-е изд., Paris, 1805.)

Eckstein, E (1904) *Die Sexualfrage in der Erziehung des Kindes*, Leipzig.

Ellis, Havelock (1898) «Auto-Erotism: a Psychological Study» *Alien. & Neural.*, т. 19, с. 260.

(1901) *Studies in the Psychology of Sex, Vol. III Analysis of the Sexual Impulse; Love and Pain; the Sexual Impulse in Women*. Philadelphia. (2-е изд. Philadelphia, 1913.)

(1910) *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VI *Sex in Relation to Society*, Philadelphia. (2-е изд., Philadelphia, 1913.) (214)

(1915) *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. II *Sexual Inversion* (3-е изд.), Philadelphia. (1-е изд., *Studies*...Vol. I, London, 1897.)

(1927) «The Conception of Narcissism», *Psychoanal. Revue*, т. 14, с. 129; *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VII: *Eonism and Other Supplementary Studies*, Philadelphia, 1928 глава VI.

Featherman, A (1885–1891) *Social History of the Races of Mankind* (7 томов), London.

Fenichel, O (1930) «Zur prägenitalen Vorgeschichte des Ödipuskomplexes». *Int. Z. Psychoanal.*, т. 16 с. 139.

Ferenczi S (1908) «Analytische Deutung und Behandlung der psycho-sexuellen Impotenz des Mannes» *Psychiat.-neurol. Wschr.*, т. 10, с. 298; в S. Ferenczi, *Bausteine zur Psychoanalyse*, т. II Leipzig-Wien-Zürich, 1927. переиздание Bern, 1964, с. 203.

(1909) «Introjektion und Übertragung», *Jb psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 1, с. 422 Переиздание в: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1970, с. 12.

(1914) «Zur Nosologie der männlichen Homosexualität (Homoerotik)», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 2, с. 131. Переиздание в: S. Ferenczi *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main 1970, с. 184.

(1920) Referat über Lipschütz, *Die Pubertätsdrüse und ihre Wirkungen*, *Int. Z. Psychoanal* т. 6, с. 84; in: S. Ferenczi, *Bausteine zur Psychoanalyse*, т. IV. Leipzig-Wien-Zürich, 1938.

переиздание: Bern, 1964, с. 130.

(1923) «Zur Symbolik des Medusenhauptes», *Int. Z. Psychoanal.*, т. 9, с. 69. Переиздание в: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse II*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1972, с. 134.

(1924) *Versuch einer Genitaltheorie*, Wien Переиздание в: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse II*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1972, с. 317

Fliess, W. (1906) *Der Ablauf des Lebens*, Wien.

Floerke G. (1902) *Zehn Jahre mit Böcklin* (2-е изд. München.

Frazer. J G. (1911) *Taboo and the Perils of the Soul* (*The Golden Bough*, 3. изд., часть II), London.

Freud S (1893*a*), Breuer, J., «Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene: Vorläufige Mitteilung», *G. W.*, т. 1, с. 81; переиздано в: J. Breuer und S. Freud, *Studien über Hysterie* (Fischer Taschenbuch), Frankfurt am Main, 1970.

(1893*h*) Vortrag: «Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene», *G. W.*, доп том, с. 181; *Studienausgabe*, т. 6, с. 9.

(1894*a*) «Die Abwehr-Neuropsychosen». *G. W.*, т. 1, с. 59.

(1895*b* [1894]) «Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen», *G. W.*, т. 1, с. 315; *Studienausgabe*, т. 6, с. 25

(1895*c* [1894]) «Obsessions et phobies», *G. W* т. 1, с. 345.

(1895*d*) und Breuer, J., *Studien über Hysterie*, Wien; Переиздание (Fischer Taschenbuch Frankfurt am Main, 1970. *G. W.*, т. 1, с. 75 доп. том, с. 217, 221.

(1895*f*) «Zur Kritik der "Angstneurose"», *G. W* т. 1, с. 357.

(1896*a*) «L'hérédité et l'etiologie des névroses» *G. W.*, т. 1, с. 407.

(1896*e*) «Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen», *G. W.*, т 1, с. 379

(1896*c*) «Zur Ätiologie der Hysterie», *G. W*

т. 1, с. 425; *Studienausgabe*, т. 6, с. 51.

(1897*a*) *Die infantile Cerebrallähmung*, Teil II, Abt. II von Nothnagel, *Specielle Pathologie und Therapie*, т. 9, Wien.

(1898*a*) «Die Sexualität in der Ätiologie der Neurosen», *G.W.*, т. 1, с. 491; *Studienausgabe*, т. 5, с. 11.

(1899*a*) «Über Deckerinnerungen», *G. W.*, т. 1. с. 531.

(1900*a*) *Die Traumdeutung*, Wien. *G. W.*, т. 2–3; *Studienausgabe*, т. 2.

(1901*a*) *Über den Traum*, Wiesbaden. *G. W.*, т. 2–3, с. 643.

(1901*b*) *Zur Psychopathologie des Alltagslebens*, Berlin, 1904. *G. W.*, т. 4.

(1905*c*) *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*, Wien. *G. W.*, т. 6; *Studienausgabe*, т. 4, с. 9.

(1905*d*) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, Wien. *G. W.*, т. 5, с. 29; *Studienausgabe*, т. 5, с. 37.

(1905*e* [1901]) «Bruchstück einer Hysterie-Analyse», *G. W.*, т. 5, с. 163; *Studienausgabe*, т. 6, с. 83.

(1906*a*) «Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen», *G. W.*, т. 5, с. 149; *Studienausgabe*, т. 5, с. 147.

(1907*c*) «Zur sexuellen Aufklärung der Kinder», *G. W.*, т. 7, с. 19; *Studienausgabe*, т. 5, с. 159.

(1908*b*) «Charakter und Analerotik», *G. W.*, т. 7. с. 203; *Studienausgabe*, т. 7, с. 23.

(1908*c*) «Über infantile Sexualtheorien», *G. W.*, т. 7, с. 171; *Studienausgabe*, т. 5, с. 169.

(1908*d*) «Die "kulturelle" Sexualmoral und die moderne Nervosität», *G. W.*, т. 7, с. 143; *Studienausgabe*, т. 9, с. 9.

(1908*e* [1907]) «Der Dichter und das Phantasieren», *G. W.*, т. 7, с. 213; *Studienausgabe*, т. 10, с. 169.

(1908*f*) Vorwort zu Stekel, *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung*, *G. W.*, т. 7, с. 467

(1909*b*) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben», *G. W.*, т. 7, с. 243; *Studienausgabe*, т. 8, с. 9.

(1909*c*) «Der Familienroman der Neurotiker»,

G. W., т. 7, с. 227; *Studienausgabe,* т. 4, с. 222.

(1909*d)* «Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose», *G. W.,* т. 7, с. 381; *Studienausgabe,* т. 7, с. 31.

(1910*c*) *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci,* Wien. *G. W.,* т. 8, с. 128; *Studienausgabe,* т. 10, с. 87.

(1910*e*) «"Über den Gegensinn der Urworte"», *G. W.,* т. 8, с. 214; *Studienausgabe,* т. 4, с. 227.

(1910*h*) «Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne», *G. W.,* т. 8, с. 66; *Studienausgabe,* т. 5, с. 185.

(1910*i*) «Die psychogene Sehstörung in psychoanalytischer Auffassung», *G.W.,* т. 8, с. 94; *Studienausgabe,* т. 6, с. 205.

(1912*c*) «Über neurotische Erkrankungstypen», *G. W.,* т. 8, с. 322; *Studienausgabe,* т. 6, с. 215.

(1912*d*) «Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens», *G. W.,* т. 8, с. 78; *Studienausgabe,* т. 5, с. 197.

(1912*f*) «Zur Onanie-Diskussion», *G. W.,* т. 8, с. 332.

(1912–1913) *Totem und Tabu,* Wien, 1913. *G. W.,* т. 9; *Studienausgabe,* т. 9, с. 287.

(1913*g*) «Zwei Kinderlugen», *G. W.,* т. 8, с. 422; *Studienausgabe,* т. 5, с. 229.

(1913*i*) «Die Disposition zur Zwangsneurose», *G. W.,* т. 8, с. 442; *Studienausgabe,* т. 7, с. 105.

(1914*c*) «Zur Einführung des Narzissmus», *G. W.,* т. 10, с. 138; *Studienausgabe,* т. 3, с. 37.

(1914*d)* «Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung» *G. W.,* т. 10, с. 43.

(1915*c*) «Triebe und Triebschicksale» *G. W.,* т. 10, с. 210; *Studienausgabe,* т. 3, с. 75.

(1915*d)* «Die Verdrängung», *G. W.,* т. 10, с. 248; *Studienausgabe,* т. 3, с. 103.

(1915*f*) «Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia», *G. W.,* т. 10, с. 234; *Studienausgabe,* т. 7, с. 205.

(1916*d*) «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit», *G. W.*, т. 10, с. 364; *Studienausgabe,* т. 10, с. 229.

(1916–1917 [1915–1917]) *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 11; *Studienausgabe*, т. 1, с. 33.

(1917c) «Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik», G. W., т. 10, с. 402; *Studienausgabe*, т. 7, с. 123.

(1918*a* [1917]) «Das Tabu der Virginität», *G. W.*, т. 12, с. 161; *Studienausgabe*, т. 5, с. 211

(1918*h* [1914]) «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose» *G. W.*, т. 12, с. 29; *Studienausgabe*, т. 8, с. 125.

(1919*e*) «"Ein Kind wird geschlagen"», *G. W.*, т. 13, с. 197; *Studienausgabe*, т. 7, с. 229.

(1920*a*) «Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität», *G. W.*, т. 12, с. 271; *Studienausgabe*, т. 7, с. 255.

(1920*g*) *Jenseits des Lustprinzips*, Wien. *G. W.* т. 13, с. 3; *Studienausgabe*, т. 3, с. 213.

(1921*c*) *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 73; *Studienausgabe*, т. 9, с. 61.

(1923*b*) *Das Ich und das Es*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 237; *Studienausgabe*, т. 3, с. 273.

(1923*e*) «Die infantile Genitalorganisation», *G. W.*, т. 13, с. 293; *Studienausgabe*, т. 5, с. 235

(1924*c*) «Das ökonomische Problem des Masochismus», *G. W.*, т. 13, с. 371; *Studienausgabe*, т. 3, с. 339.

(1924*d*) «Der Untergang des Ödipuskomplexes», *G. W.*, т. 13, с. 395; *Studienausgabe* т. 5, с. 243.

(1925*h*) «Die Verneinung», *G. W.*, т. 14, с. 1[illegible]; *Studienausgabe*, т. 3, с. 371

(1925*j*) «Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds», *G. W.*, т. 14, с. 19; *Studienausgabe*, т. 5, с. 253.

(1926*d* [1925]) Hemmung, *Symptom und* Angst Wien. *G. W.*, т. 14, с. 113; *Studienausgabe*, т. 6, с. 227.

(1926*e*) *Die Frage der Laienanalyse*, Wien *G. W.*, т. 14, с. 209; *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 271.

(1927*c*) «Fetischismus», *G. W.*, т. 14, с. 31

Studienausgabe, т. 3, с. 379.

(1928*b*) «Dostojewski und die Vatertötung», *G. W.*, т. H, с. 399; *Studienausgabe*, т 10. с. 267.

(1930*a*) *Das Unbehagen in der Kultur*, Wien *G. W.*, т. 14, с. 421; *Studienausgabe*, т. 9, с. 191.

(1931*a*) «Über libidinöse Typen», *G. W.*, т. 14, с. 509; *Studienausgabe*, т. 5, с. 267.

(1931*b*) «Über die weibliche Sexualität», *G. W.*, т. 14, с. 517; *Studienausgabe*, т. 5, с. 273.

(1933*a* [1932]) *Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 15; *Studienausgabe*, т. 1, с. 447.

(1940*a* [1938]) *Abriß der Psychoanalyse*, *G. W.*, т. 17, с. 63; предисловие в: *G. W.*, дополнительный том, с. 749; гл. VI в: *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 407.

(1940*c* [1922]) «Das Medusenhaupt», *G. W.*, т. 17, с. 47.

(1950a [1887–1902]) *Aus den Anfängen der Psychoanalyse*, London; Frankfurt a. M., 1962. (Содержит «Entwurf einer Psychologie», 1895 [(1950*c*) в: *G. W.*, дополнительный том., с. 375].

Galant S. (1919) «Sexualleben im Säuglings- und Kindesalter», *Neurol. Zentbl.*, т. 38, с. 652; перепечатано в: *Int. Z. Psychoanal*, т. 6 (1920), с. 164.

Gley, E. (1884) «Les aberrations de l'instinct sexuel», *Rev. phil.*, т. 17, с. 66.

Groos C (1899) *Die Spiele der Menschen*, Jena.

(1904) *Das Seelenleben des Kindes*, Berlin.

Halban J (1903) «Die Entstehung der Geschlechtscharaktere», *Arch. Gynaek.*, т. 70, с. 205.

(1904) «Schwangerschaftsreaktionen der fötalen Organe und ihre puerperale Involution», *Z. Geburtsb. Gynäk.*, т. 53, с. 191.

Hall, G Stanley (1904) *Adolescence: its Psychology and its relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education* (2 тома), New York.

Heller, T (1904) *Grundriß der Heilpädagogik*, Leipzig.

Herman, G (1903) *«Genesis», das Gesetz der Zeugung*, т. 5 *Libido und Mania*, Leipzig.

Hirschfeld, M. (1899) «Die objektive Diagnose der Homosexualität», *Jb. sex. Zwischenstufen,* т. 1, с. 8.

(1904) «Statistische Untersuchungen über den Prozentsatz der Homosexuellen», *Jb. sex. Zwischenstufen,* т. 6.

Horney, K (1923) «Zur Genese des weiblichen Kastrationskomplexes», *Int. Z. Psychoanal.,* т. 9, с. 12.

(1926) «Flucht aus der Weiblichkeit», *Int. Z. Psychoanal.,* т. 12, с. 360.

Hug-Hellmuth, H. von (1913) *Aus dem Seelenleben des Kindes,* Leipzig und Wien.

Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen

Jones, E · (1928) «Die erste Entwicklung der weiblichen Sexualität», *Int. Z. Psychoanal.,* т. 14, с. 11

[*Английский оригинал:* «The Early Development of Female Sexuality», *Int. J Psycho-Analysis,* т. 8 (1927), с. 459.]

(1962*a*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud,* т. 2, Bern und Stuttgart.

(1962*b*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud,* т. 3, Bern und Stuttgart.

Jung, C G (1906, 1909) (hrsg. von) *Diagnostische Assoziationsstudien* (2 тома), Leipzig.

(1909) «Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т. 1, с. 155.

(1911) «Wandlungen und Symbole der Libido», Teil I, *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т 3, с. 120; перепечатано в: *Wandlungen und Symbole der Libido,* Leipzig und Wien, 1912.

(1913) «Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie», *Jb. psychoanalyt psychopath. Forsch.,* т. 5, с. 307.

Kiernan, J G (1888) «Sexual Perversion and the Whitechapel Murders», *Med. Standard Chicago,* т. 4, с. 170.

Kinderfehler, die

Klein, M 1928) «Frühstadien des Ödipuskonfliktes», *Int. Z. Psychoanal.,* т. 14, с. 65.

Krafft-Ebing, R ,1892) «Bemerkungen über "geschlechtliche Hörigkeit" und Masochismus», *Jb. Psychiat. Neurol.,* т. 10, с. 199.

,1895) «Zur Erklärung der conträren Sexualempfindung», *Jb. Psychiat. Neurol.,* т. 13, с. 1

Lampl-de Groot J (1927) «Zur Entwicklungsgeschichte des Ödipuskomplexes der Frau», *Int. Z. Psychoanal.*, т. 13, с. 269.

Lindner, S. (1879) «Das Saugen an den Fingern, Lippen, etc. bei den Kindern (Ludeln)», *Jb. Kinderheilk.*, N. F., т. 14, с. 68.

Lipschütz, A (1919) *Die Pubertätsdrüse und ihre Wirkungen*, Bern.

Lowenfeld, L (1906) *Sexualleben und Nervenleiden* (4-е изд.), Wiesbaden.

Lydston, G. F (1889) «A Lecture on Sexual Perversion, Satyriasis and Nymphomania», *Med. Surg. Reporter*, Philadelphia, т. 61, сент. 7.

Moebius, P. J (1900) *Über Entartung, Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens*, Heft 3, Wiesbaden.

Moll, A. (1898) *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, Berlin.

(1909) *Das Seelenleben des Kindes*, Berlin.

«Multatuli» E. D. Dekker (1906) *Multatuli-Briefe* (2 тома.), Frankfurt.

Nachmansohn. M (1915) «Freuds Libidotheorie verglichen mit der Eroslehre Platos», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 3, с. 65.

Ophuijsen, J. H W. van (1917) «Beiträge zum Männlichkeitskomplex der Frau», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 4, с. 241

Pérez, B. (1886) *L'enfant de trois á sept ans*, Paris.

Ploss, H. H.. Bartels M. (1891) *Das Weib in der Natur- und Volkerkunde*, Leipzig.

Preyer, W. (1882) *Die Seele des Kindes*, Leipzig.

Rank, O. (1909) *Der Mythus von der Geburt des Helden*, Leipzig und Wien.

(1924) *Das Trauma der Geburt*, Wien.

Rieger, C. (1900) *Die Castration*, Jena.

Rohleder, H. (1899) *Die Masturbation*, Berlin.

Sachs, H. (1945) *Freud, Master and Friend*, Cambridge (Mass.) und London.

Sadger, I. (1912) «Von der Pathographie zur Psychographie», *Imago*, т. 1, с. 158.

Schrenck-Notzing, A. von (1899) Literaturzusammenstellung über die Psychologie und Psychopathologie der Vita sexualis», *Z. Hypnot.*, т. 9, с. 98.

Smith, R. Brough (1878) *The Aborigines of Victoria* (2 тома),

London.
Spencer, B., Gillen, F. J. (1899) *The Native Tribes of Central Australia,* London.
Steiner, M. (1907) «Die funktionelle Impotenz des Mannes und ihre Behandlung», *Wien. med. Presse,* т. 48, Kol. 1535.
Stekel, W. (1908) *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung,* Berlin und Wien.
Storfer, A. J. (1911) *Zur Sonderstellung des Vatermords,* Wien.
Strümpell, L. (1899) *Die pädagogische Pathologie,* Leipzig.
Sully, J. (1895) *Studies of Childhood,* London.
Taruffi, C. (1903) *Hermaphroditismus und Zeugungsunfähigkeit,*
Thomson, J. (1887) *Through Masai Land,* London.
Weininger, O. (1903) *Geschlecht und Charakter,* Wien.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Conditio humana	Reihe *Conditio humana, Ergebnisse aus den Wissenschaften vom Menschen*, S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main, 1969–1975.
G. S.	S. Freud, *Gesammelte Schriften* (12 томов). Международное психоаналитическое издательство, Вена, 1924–1934.
G. W.	S. Freud, *Gesammelte Werke* (18 томов и один дополнительный том без номера), тома 1–17, London, 1940–1952, том 18, Франкфурт-на-Майне, 1968, дополнительный том, Франкфурт-на-Майне, 1987. Полное издание с 1960 года — издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне.
Neurosenlehre und Technik	S. Freud, *Schriften zur Neurosenlehre und zur psychoanalytischen Technik (1913–1926)*, Вена, 1931.
Psychoanalyse der Neurosen	S. Freud, *Studien zur Psychoanalyse der Neurosen aus den Jahren 1913–1925*, Wien, 1926.
S. K. S. N.	S. Freud, *Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre* (5 томов). Вена, 1906–1922.
Sexualtheorie und Traumlehre	S. Freud, *Kleine Schriften zur Sexualtheorie und zur Traumlehre*, Wien, 1931.
Studienausgabe	S. Freud, *Studienausgabe* (10 томов и один дополнительный том без номера), издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.

Остальные использованные в этом томе сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (4-е издание), Лондон, 1963–1965.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В этот указатель вошли фамилии авторов, произведения которых к научной литературе не относятся. Он также включает в себя фамилии ученых, однако указанные номера страниц относятся к тем местам в тексте, где Фрейд упоминает лишь фамилию соответствующего автора, но не конкретную работу. При ссылках на определенные труды научных авторов читатель может обратиться к библиографии.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ – СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ

Том I *Лекции по введению в психоанализ* (1917); *Новый цикл лекций по введению в психоанализ* (1933)

Том II *Толкование сновидений* (1900)

Том III *Психология бессознательного*
Положения о двух принципах психического события (1911)
Некоторые замечания о понятии бессознательного в психоанализе (1912)
О введении понятия «нарцизм» (1914)
Влечения и их судьбы (1915)
Вытеснение (1915)
Бессознательное (1915)
Метапсихологическое дополнение к теории сновидений (1917)
Печаль и меланхолия (1917)
По ту сторону принципа удовольствия (1920)
Я и Оно (1923)
Невроз и психоз (1924)
Экономическая проблема мазохизма (1924)
Потеря реальности при неврозе и психозе (1924)
Заметка о «чудо-блокноте» (1925[1924])
Отрицание (1925)
Фетишизм (1927)
Расщепление Я в процессе защиты (1940 [1938])

Том IV *Психологические сочинения*
Острота и ее отношение к бессознательному (1905)
Семейный роман невротиков (1909)
О противоположном смысле первых слов (1910)
О психологии гимназиста (1914)
Жуткое (1919)
Юмор (1927)
Нарушение памяти на Акрополе (письмо Р. Роллану, 1936)

Том V *Сексуальная жизнь*
Сексуальность в этиологии неврозов (1898)
Три очерка по теории сексуальности (1905)
Мои взгляды на роль сексуальности в этиологии неврозов (1906)
О сексуальном просвещении детей (1907)
Об инфантильных сексуальных теориях (1908)

Психология любовной жизни:

Об особом типе выбора объекта у мужчины (1910)

О самом обычном унижении любовной жизни (1912)

Табу девственности (1918)

Два случая детской лжи (1913)

Инфантильная генитальная организация (1923)

Крушение эдипова комплекса (1924)

Некоторые психические последствия анатомического различия полов (1925)

О либидинозных типах (1931)

О женской сексуальности (1931)

Том VI *Истерия и тревога*

О психическом механизме истерических феноменов (1893)

Об основании для отделения определенного симптомокомплекса от неврастении в качестве «невроза тревоги» (1895)

Об этиологии истерии (1896)

Фрагмент анализа одного случая истерии (1905)

Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности (1908)

Общие положения об истерическом приступе (1909)

Психогенное нарушение зрения с позиции психоанализа (1910)

О типах невротического заболевания (1912)

Торможение, симптом и тревога (1926)

Том VII *Навязчивость, паранойя и перверсия*

Навязчивые действия и религиозные отправления (1907)

Характер и анальная эротика (1908)

Заметки об одном случае невроза навязчивости (1909)

Предрасположенность к неврозу навязчивости (1913)

Мифологические параллели по поводу одного пластичного навязчивого представления (1916)

О превращении влечений, в частности анальной эротики (1917)

Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи (1911)

Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории (1915)

О некоторых невротических механизмах при ревности паранойе и гомосексуализме (1922)

«Ребенка бьют» (1919)

О психогенезе одного случая женской гомосексуальности (1920)

Невроз черта в семнадцатом веке (1923)

Пути психоаналитической терапии (1919)
О предыстории аналитической техники (1920)
Заметки о теории и практике толкования сновидений (1923)
К вопросу о дилетантском анализе (1926)
Конечный и бесконечный анализ (1937)
Конструкции в анализе (1937)
Психоаналитическая техника (1940)

Формат 84x108 $_{32}$. Бумага офсетная Печать офсетная
Объем 9 750 ф п л Заказ № 903 Тираж 5000

Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУП РМЭ
«Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г Йошкар-Ола, ул Комсомольская, 112

Зигмунд

Фрейд

Сексуальная жизнь

СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

ЗИГМУНД ФРЕЙД

